

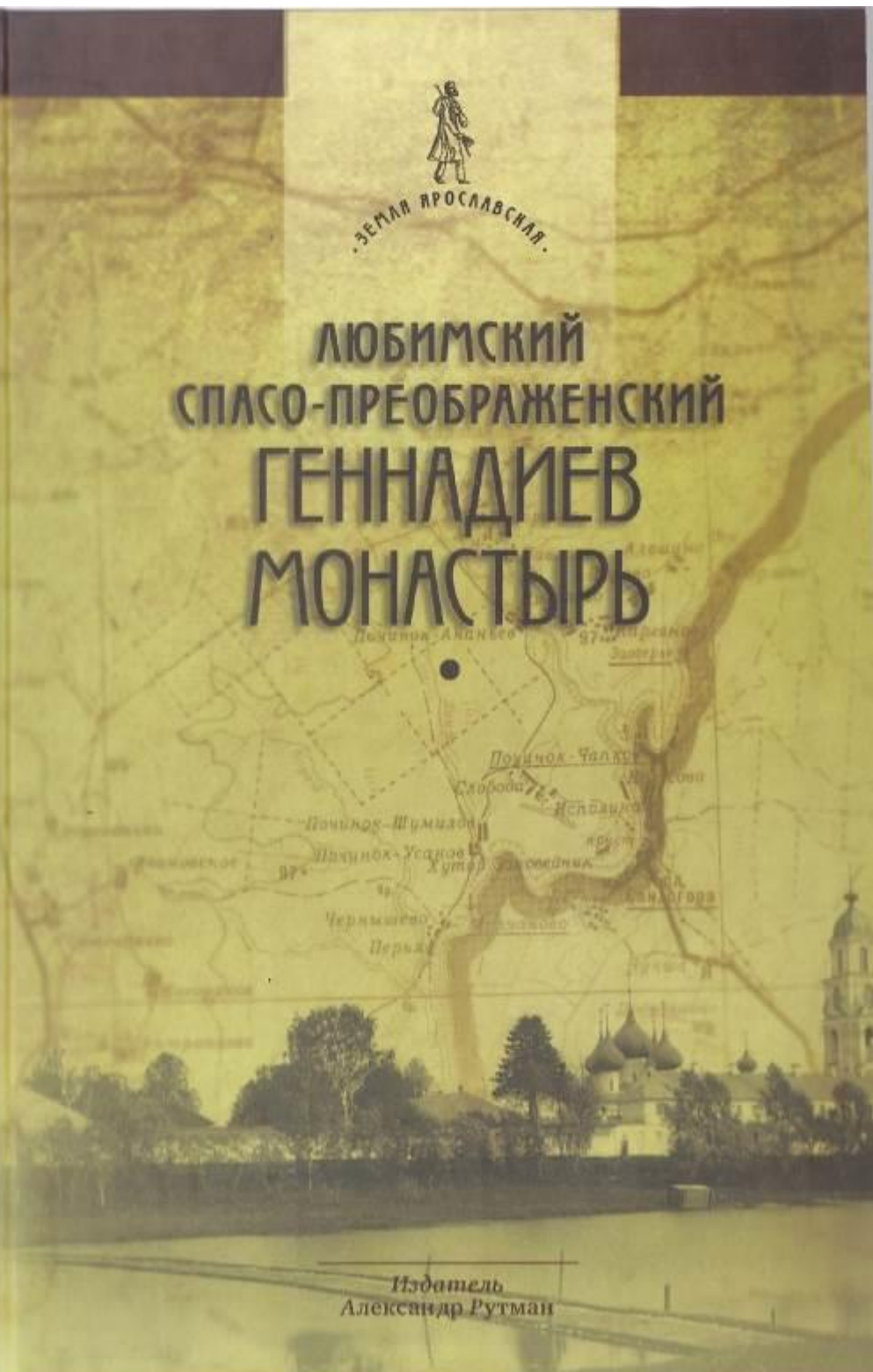

ЛЮБИМСКИЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ГЕННАДИЕВ МОНАСТЫРЬ

ЗЕМЛЯ ЯРОСЛАВСКАЯ

ЛЮБИМСКИЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ГЕННАДИЕВ МОНАСТЫРЬ

Издатель
Александр Рутман

ЗЕМЛЯ ЯРОСЛАВСКАЯ

*Нет ничего более человеческого в человеке, чем
потребность связывать прошлое с
настоящим.*

Ф. И. Тютчев

УДК 271.2-788-055.1-9 ББК 86.372-6 Л 93

Издание осуществлено при поддержке

А. В. Ржевского

Консультант

протоиерей, кандидат богословия, доктор философии, профессор

В. А. Марченко

В книге использованы

фотографии, документы и материалы из фондов:

Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), Государственного научно-исследовательского музея архитектуры (ГНИМА), Государственных Исторического (ГИМ) и Русского (ГРМ) музеев, Государственных архивов Ярославской (ГАЯО) и Костромской (ГАКО) областей, Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ЯМЗ), комитета историко-культурного наследия департамента культуры правительства Ярославской области (КИКН) и современные фотографии из архивов Ярославской епархии и А. В. Ржевского

Рутман, Мария Д.

Л 93 Любимский Спасо-Преображенский Геннадиев монастырь / [авт. текста Мария и Александр Рутман]. - Ярославль: Изд. А. Рутман, 2010. - 224с. - (Серия «Земля Ярославская»). - Авт. указаны на обороте тит. л. - ISBN 978-5-91038-033-6.- ISBN 978-5-900962-57-1 (серия).

И. Рутман, Александр М.

В книге рассказывается о почти полутысячелетней истории обители от устройства преподобным Корнилием Комельским пустыни в Костромском Заволжье, на берегу Сурского озера, близ слияния рек Костромы и Обноры, о становлении монастыря трудами его первого настоятеля преподобного Геннадия Костромского и Любимоградского, об истории каменных храмов и владений обители, о ее возрождении в новой России. Впервые привлечены подлинные документы монастыря, до сих пор остающиеся не изученными в российских хранилищах.

Издание адресовано не только ярославским и костромским краеведам, но широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей страны.

УДК 271.2-788-055.1-9 ББК 86.372-6

ISBN 978-5-91038-033-6 ISBN
978-5-900962-57-1 (серия)

© М. Рутман, А. Рутман, 2010, текст
© М. Руданов, 2010, оформление ©
А. Рутман, 2010, издатель

Эта книга о монастыре не фундаментальное историческое исследование, но она и значительно шире церковно-археологических описаний обители. Скрупулезное изучение всех найденных документов, поиск сведений о персонажах, в них упомянутых, - дело будущего. Мы сочли необходимым обобщить в ней сведения основных источников, ставших ныне известными.

Как не мог быть основан Любимский Спасо-Преображенский Геннадиев монастырь без деяний подвижников в древности, так не получили бы и продолжения история и сегодняшнее возрождение обители без кропотливого труда и отзывчивости многих наших современников.

Своим долгом мы считаем назвать тех, чья помощь была незаменима в процессе сбора материалов и работы над книгой.

Искренняя благодарность за сотрудничество Марине Владимировне Осиповой, предоставившей возможность изучать и использовать необходимые материалы из архива комитета историко-культурного наследия департамента культуры правительства Ярославской области. Благодаря ей мы познакомились с московским искусствоведом Г. И. Фадеевой, автором исторических справок об архитектурных памятниках Спасо-Геннадиева монастыря. В собраниях Российского государственного архива древних актов, Государственной академии истории материальной культуры, Государственного Русского музея, Государственных архивов Ярославской и Костромской областей и других учреждений Галиной Ивановной было выявлено и проанализировано значительное количество документов и изобразительных материалов по истории создания комплекса зданий монастыря, архитектуре и живописи его храмов, и она любезно разрешила использовать свои находки. Именно ее исследования легли в основу проектов реставрации, разработанных ООО «АК-Проект» и воплощаемых ныне в обители.

Но к самым неожиданным результатам для, казалось бы, уже завершавшейся работы над книгой привело наше обращение к специалистам РГАДА: нам хотелось показать читателям, как выглядит жалованная грамота царя Ивана Грозного, которую держал в руках преподобный Геннадий, ведь о ней столько раз упоминалось во всех статьях и книгах об обители, и Татьяна Александровна Лаптева обратила наше внимание на публикацию А. В. Антоновым в «Русском дипломатари» ранних документов Геннадиева монастыря, в том числе и

этой грамоты. Ознакомившись с актами, введенными в научный оборот Антоном Владиславовичем, мы решили все же еще раз - на всякий случай - посоветоваться с ярославскими архивистами: как же так, ни в ГАЯО, ни в богатейшем собрании церковных материалов Ярославской епархии (ф. III8), ни в фонде Ярославской духовной консистории (ф. 230) нет ни следа древних документов обители? В ответ было удивление: «Как это нет? По Костромскому Спасо-Геннадиеву монастырю - даже очень много, почти восемь десятков архивных дел! Их еще во времена Ярославской губернской ученой архивной комиссии как объединили в фонде архивов монастырей и церковей XVI-XVIII вв., так они там и хранятся: ф. 582, оп. 7»...

Сотрудники ГАЯО (*директор Е. Л. Гузанов*) постоянно поддерживали нас в подготовке краеведческих изданий. Помощь Светланы Викторовны Севрюковой в этот раз была особенно значимой: прочитанный ею «Отписной список Геннадиевой пустыни» существенно дополнил сведения о раннем периоде существования обители, фактически он представляет итог земных трудов преподобного Геннадия, поскольку был составлен весной 1565 г., всего через несколько месяцев после кончины святого.

Отдельно благодарим нынешнего наместника Спасо-Преображенского Геннадиева мужского монастыря игумена Вениамина (Райникова). Он не только подготовил к печати текст включенного в настоящее издание акафиста преподобному Геннадию, но и стал первым внимательным и доброжелательным читателем нашей работы.

Выход в свет книги о возрождающейся обители инициирован Андреем Вячеславовичем Ржевским. В масштабных восстановительных работах в монастыре принимал участие и возглавляемый им коллектив. Еще несколько лет назад по просьбе А. В. Ржевского воссоздание истории Спасо-Геннадиева монастыря было начато Д. Н. Горшковым. К сожалению, работа не была им завершена. Безвременно ушедшим исследователем был проделан самый неблагодарный труд по первоначальному выявлению материалов в ГАЯО. Собранные сведения носили разрозненный характер, однако и они оказались весьма полезны. В память о его трудах мы начинаем книгу вступительным словом, найденным среди несколько небольших фрагментов, подготовленных Дмитрием Николаевичем для задумывавшейся книги.

Преподобный Геннадий. Икона второй половины XVII века. ГИМ

ЛЮБИМСКИЙ СПАСО- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ГЕННАДИЕВ МОНАСТЫРЬ

"У РОССИИ СВОЯ СУДЬБА. Нельзя внешне вернуть то, что было семьдесят или триста лет назад, - отмечал патриарх Московский и всея Руси Алексей II. - Нельзя вернуть политическую систему. Но можно перейти, вернуться к утраченной системе ценностей".

Ярославский край можно по праву считать центром духовного возрождения России. На территории нашей области сосредоточено то культурное достояние, которое определяло и определяет духовный смысл жизни всей русской нации. В сердце ее Ростов - древнейший город Северо-Восточной Руси, многие века бывший центром второй после Новгородской православной епархии. А бескрайние лесные просторы ярославского Заволжья и Вологодчины историки церкви называли русской Фиваидой. Здесь, как в колыбели христианского монашества - египетской пустыне Фиваидской, было все для уединенного монашеского подвига.

В Фиваиду северную в поисках желанного «безмолвия» устремлялись многочисленные ученики и последователи великого учителя русского монашества преподобного Сергия Радонежского. Некоторые из них нашли себе пристанище в дремучих лесах по реке Обноре.

Среди них были преподобные Корнилий Комельский и его ученик Геннадий Костромской и Любимоградский, с именами и деяниями которых неразрывно связаны возникновение и становление в XVI столетии Любимского Спасо-Геннадиева мужского монастыря, возрождающегося сегодня, в веке XXI.

Д. Н. Горшков

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ КОСТРОМСКОГО И ЛЮБИМОГРАДСКОГО

ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕННАДИЙ, нареченный в святом крещении Григорием, был сыном литовских бояр Иоанна и Елены. Блаженный Григорий с малых лет почувствовал влечение к делам духовным, часто бывал в церкви, день и ночь проводя в молитвах. Родители же его негодуяще говорили, что юноше довольно посещать церковь вместе с

ними, а в остальное время следует бывать дома и общаться с «единовозрастными». Григорий отвечал им: «Родители мои прелюбезные, не осуждайте меня за эти слова, но не хочу я в детские игры играть. Бог творит что хочет, а человек что может. Дух же Святой наставляет всякого человека на путь истинный».

С тех пор блаженного Григория не оставляла мысль пойти в «Российские страны», поселиться там в святой обители и подвизаться подвигом добрым. Однажды, улучшив время, он покинул родителей в обличи нищего, отдав свои светлые одежды убогим, приняв же от них рубища. Проходя Литовскую землю, пустыни, веси и грады, как странник и пришлец он претерпел многие беды и напасти от злых людей. Однако, хранимый Богом, достиг Российской земли и царствующего великого и славного града Москвы и ходил по нему, принося к ракам святых чудотворцев, посещая честные обители и внимая, где бы ему постричься и молиться Богу.

Во время своих странствий Григорий обрел молодого и богобоязненного друга по имени Феодор, также желавшего принять постриг. Вместе они отправились в Великий Новгород, где ходили по святым местам и церквям и по честным обителям. Так пришли они на реку Свирь в пустынь к преподобному Александру и молвили: «Желаем, отче святой, Господу Богу молиться, облеку нас, Христа ради, в монашеские одеяния». Преподобный Александр ответил Феодору: «Ты, чадо Феодор, будешь водить зверя белоголового». К Григорию же обратился с такой речью: «А ты, чадо Григорий, сам будешь пастырь словесным овцам и наставник множеству иноков. Иди, чадо, в Комельский лес к преподобному Корнилию, и тот тебя научит, и как тебе Богу молиться, и как тебе пасти словесное стадо иноков, а в нашей пустыни младым отрокам жить невозможно. Но пока оставайтесь здесь, чада мои, сколько захотите».

Четырнадцать дней юноши провели в пустыни у преподобного Александра и, получив от него благословение, пошли в пределы града Вологды в Комельский лес. Придя в пустынь к преподобному Корнилию Комельскому, остановились они у ворот с молитвой. Преподобный же Корнилий, отворив двери, обратился к ним: «Чада, как прошли пустыни непроходимые и что привело вас в убогую сию пустынь: чего хотите?» Они же ответили ему: «Владыка наш, преподобный отче Корнилий, одержимы мы великим желанием облечься в иноческое одеяние. Христа ради причти нас к своему богоизбранному стаду».

Преподобный Корнилий обратился с речью к Григорию: «Войди ты,

чадо Григорий, в убогую мою обитель, а ты, чадо Феодор, будешь иметь житие мирского человека - жену заводить да чад рожать». Так разъяснил подвижник пророчество преподобного Александра.

На Григория преподобный Корнилий возложил искус чернеческий по преданию святых отцов. Когда пожил блаженный в искусе довольно времени, преподобный Корнилий постриг Григория в монашеский чин и говорил ему слово от Святого Евангелия: «Когда оставит человек отца и мать, жену и детей, села, имения, сторицею примет и живот вечный наследит; многие будут первые последними, а последние первыми». Еще наставлял по отеческим вопросам и ответам и нарек его именем Геннадий. И говорил ему: «Прими, чадо, древних святых отцов разум, терпение, любовь и смирение, особенно же молитву соборную и келейную, и потрудись в подвигах нелицемерных».

Друг Геннадиев Феодор прожил по пророчеству преподобных отцов Александра и Корнилия и в глубокой старости к Господу преставился в царствующем граде Москве. Преподобный же Геннадий по благословиению Корнилиеву подвизался в молитвах и трудах. Трудился во внутренних службах в поварне, пекарне и в прочих всех службах. Братия же на Геннадия негодовала и роптала за многочисленные его подвизания. Слышав роптание это, преподобный Корнилий укреплял святого, говоря: «Чадо Геннадий, не скорби о сем на братию, ибо возмущением бесовским так они творят». Но ненавидящий добро дьявол обратил брань от лица братии и на самого Корнилия. Поняв это, преподобный Корнилий дал гневу место и позвал с собою ученика своего Геннадия идти в костромские пределы, в дикий лес на Сурское озеро, от своего начинания и обители в шестидесяти поприщах, недалеко от поселения оброчных царских крестьян.

Крестьяне обрадовались пришествию преподобных Корнилия и Геннадия, возвели им четырехпредельную келью и приносили хлеб и мед и иное необходимое, благо близ было бортное угодье (пчельник).

Преподобный же Корнилий и Геннадий подвизались к Богу молитвой и постом, секли лес и орошали землю. Они выкопали четыре пруда, существовавшие после веками.

В одно лето православный великий князь Василий Иоаннович с великой своей княгиней Еленой изволил ехать к Белу озеру на моление о «благочадии». Когда же достиг великий князь пустыни преподобного отца Корнилия и увидел, что старец удалился оттуда на иное место, оскорбился на братию и сказал: «Из-за вашего роптания и непослушания

не живет отец Корнилий в своей пустыни». И вскоре послал слуг своих умолять преподобного вернуться на первое свое начинание.

Преподобный же Корнилий, представ перед великим князем Василием, просил прощения за отхождение от пустыни. Благоверный князь поднял его с колен, глаголя: «Любимый мой отец Корнилий, моли за нас милостивого Бога, да дарует нам Господь Бог плод благочадия в наследие роду нашему и во устроение честным обителям, в державу Российскому царству и во утверждение веры христианской».

Говорил также великий князь преподобному Корнилию: «Пребывай, отче, здесь, в первом своем начинании и в трудах. Отходной же пустыней, по нашему повелению, благослови управлять ученика, какого ты хочешь».

По отъезду великого князя преподобный игумен Корнилий благословил возглавить пустынь нового ученика своего Геннадия и повелел ему воздвигнуть церковь во имя боголепного Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Преподобный Геннадий, благословением отца своего Корнилия и по велению великого князя, все сотворил в пустыни: и церковь Божию воздвиг и украсил иконами и книгами и всякого утварью церковной. Множащейся в пустыни братии воздвиг он и вторую церковь, теплую, во имя преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, и украсил ее, так же, как и первую.

Сам же преподобный, образ смирения и терпения являя братии, жилища их добро устроив, днем дрова сек, в ночи же по братским кельям разносил. Трудился в поварне и пекарне и на братию власяницы мыл, делал свечи, варил кутию (кашу), пек просфоры, преуспевая в церковных службах, в посте и молитве. При этом носил на себе железные вериги, и кресты, и тяжкие цепи, ради усмирения плоти.

Снизшла на Геннадия благодать Пресвятой Троицы, подвигнувшая преподобного на большой подвиг, во всех обычаях и нравах образуя подавая своим ученикам. Учил он не только словом, а прежде всего делом. И невозможно счесть болезни и труды его и попечение о братии и не преминуть в похвале отца нашего Геннадия.

Преставился св. Геннадий 23 января 1565 г.

ПОВЕСТЬ ОБ ОБРЕТЕНИИ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ

В 7152 (1644) году во дни благочестивейшего государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, при святейшем Иосифе, патриархе Московском и всея России, в Костромском уезде, в Любимоградской осаде, во обители Всемилоственного Спаса Боголепного Преображения преподобного отца нашего Геннадия Чудотворца, старый и ветхий деревянный храм Преображения Господня разобрали и начали по благословению святейшего патриарха Иосифа строить при игумене Филарете каменную церковь Боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И когда начали рвы копать, обрели гроб преподобного отца нашего Геннадия Чудотворца, не предавшегося тлению. Было это 19 августа в день памяти святого мученика Андрея Стратилата, а по преставлении его минуло 80 лет. И когда открыли гроб, сразу изошло от мощей его святых благоухание великое, и увидели мощи святого все целы и нерушимы, и никакого следа тления не был он причастен, и не только мощи, но и ризы его всецелые и нерушимые. Увидев это все, возрадовались и прославили Бога и, взяв гроб с мощами преподобного, внесли в церковь святого праведного Алексия, человека Божия, и поставили на уготованном месте. И стоял гроб преподобного с мощами его на том месте 2 года и 6 месяцев, пока не построили каменную Преображенскую церковь. Было это при державе благочестивейшего государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея России самодержца, 23 ноября 7155 (1647) года освятили новосозданную Божию церковь по благословению великого господина святейшего Иосифа, патриарха Московского и всея России. Когда освятили церковь, взяли гроб с мощами преподобного Геннадия из Алексеевского храма и внесли в новосозданную, и поставили его на уготованном месте напротив правого клироса в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы, в стене, и всеми видим и бывают от гроба многие чудеса и исцеления с верою приходящим ко гробу преподобного отца нашего Геннадия Чудотворца. Был святой Геннадий власами рус, брадою чермен, роста среднего и преставился ко Господу в вечный покой, Его же с молодости возлюбил.

* * *

За свою праведную жизнь подвижник получил от Бога редкий дар прозорливости и чудотворений. Ниже мы приведем наиболее замечательные из предсказаний и чудес преподобного.

Преподобный Геннадий.
Прорись с иконы второй половины XVIII века. ГРМ

ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ

ОДНАЖДЫ, ВО ВРЕМЯ пребывания в Москве, преподобный Геннадий, находясь в доме боярина Романа Юрьевича и Юлианы Федоровны Захарьиных, предрек их дочери Анастасии, что она будет царицей. Анастасия действительно стала супругой царя Иоанна Васильевича Грозного и не забыла прозорливца и его пустыни. В знак же особого уважения к преподобному старцу государь удостоил его быть приемником своих детей.

ЧУДЕСА, СЛУЧИВШИЕСЯ ПРИ ЖИЗНИ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ

О КНЯЗЕ ПАЛЕЦКОМ И О ПОПЕ ВАСИЛИИ

Князь Борис Палецкий прибыл больным в обитель Геннадия. Блаженный дал ему свой посох - и князь стал здоров. Священник домового церкви князя, Василий, которому князь поручил доставить посох в дом, бросил посох в воду как вещь, недостойную внимания, и за это был наказан: возвратившись домой, он нашел жену свою умершею, а сам сделался болен. Сознавши грех свой, он дал обет постричься в обители Геннадия, и Геннадий с любовью принял его.

ОБ ЕПИСКОПЕ КИПРИАНЕ ВОЛОГОДСКОМ И ВЕЛИКОПЕРМСКОМ (ОКОЛО 1548 г.)

Вологодский и Пермский епископ Киприан долго был болен и не вставал с постели, но, по прибытии святого старца, которого любил и уважал, он смог встать и вкушал с ним пищу. Когда же Киприан просил Геннадия, чтобы тот помолился о совершенном исцелении его, Геннадий отвечал: «Нога твоя не исцелет до конца жизни, она - учитель тебе о смерти». Киприан жил после того 5 лет.

ЧУДЕСА И ИСЦЕЛЕНИЯ ОТ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ

Об игумене Геннадиева монастыря Алексии, им же самим записанное
Однажды случилось мне от братии великое оскорбление, и, не стерпев его, многогрешный игумен Алексей отправился в город Кострому и поселился там в обители Чудного Богоявления Господня, где настигла меня великая болезнь, что не мог и в церкви стоять. Из-за того переселился в обитель Богородицы в Андреянову пустынь в Пошехонии, изнемогая и там. По откровению же Божию возвратился в обитель Преображения Господня и

приник к цельбоносному гробу преподобного отца нашего Геннадия, прося благословения и прощения о своем малодушии, и от того часа сотвори меня Господь Бог здоровым молитвами преподобного отца нашего аввы Геннадия.

Об Иоанне Лихореве

Некий сын боярский, именем Иоанн Лихорев, приложил село свое в дом Спасов. Потом задумал переменить свое решение и удалиться от обители преподобного Геннадия и вселиться в Троице-Сергиеву лавру. Через некоторое время сын его Алексей умер злою смертью, и доилица его плачуще и рыдающе, тоже отошла к Господу. Позже и жена его впала в сильный недуг. Соседи же его, собравшись в его доме, видящие ужасное состояние женщины, говорили ей: «Муж твой захотел учинить измену Всемилостивому Спасу и преподобному Геннадию, за это Бог не пощадил сына вашего и вас, поэтому дайте обет Спасителю и пускай муж твой сотворит как обещал изначально». Дав женщина та обет, тут же стала здрава и поторопилась написать Иоанну. Иоанн возвратился в обитель преподобного старца Геннадия и обещал сел своих не отлучать. И вскоре молитвами преподобного отца нашего аввы Геннадия был здоров.

О БЕСНУЮЩЕМСЯ ЧЕЛОВЕКЕ

Был некий христианин Евтропий, имел трех сыновей. Один из них, именем Василий, сошел с ума и пребывал в этом состоянии долгое время; многих людей кусал, и умиряли его, надевая на него оковы железные. Во многие обители водили его, ради исцеления, но тщетно. Привели же болящего в обитель Спасову, подвели ко гробу преподобного Геннадия, и молитвами его сотворил Бог его здоровым.

О НЕКОЕМ КЛИРИКЕ

Клирик некий именем Севастиан был одержим зубной болезнью и обещал списать канон и житие преподобного отца Геннадия. По написании был здрав от недуга своего.

О НЕКОЕМ ДИАКОНЕ

Диакон Прохор, по прозвищу Богдан, родом из рязанского уезда, сильно был одержим зубной болью, врачи вырвали ему уже не один зуб, но он не получал облегчения. Притек же к чудотворному гробу, обещая переписать канон и житие преподобного отца нашего Геннадия, - и Бог разрешил его от болезни в тот час.

О НЕКОЕЙ ЖЕНЕ

Жена некая по имени Елизавета одержима была «болезнию очною» и, припав к гробу преподобного Геннадия, стала здорова. Вскоре пришло ей время

чадородия и томлена бысть три дня и три ночи. По исполнении иереем канона преподобному, молитвами св. Геннадия разрешилась она тот час.

О НЕКОЕМ ДИАКОНЕ

Некий диакон украл церковные книги и скатерти. Не успел он отъехать на несколько поприщ от обители, как руки и ноги его стали недвижимы. Об этом узнал игумен, послал за диаконом, и того привезли в обитель. Диакон же, повинившись в согрешении своем, припал к гробу преподобного, прося прощения, рукам же своим и ногам облегчения, и по молитвам преподобного Геннадия Господь помиловал его, даровав ему здравие.

О БЕСНУЮЩЕМСЯ ЧЕЛОВЕКЕ

Человек некий, именем Игнатий, был мучим от нечистого духа: многие люди советовали ему обратиться с молитвами к преподобному Геннадию, и, прожив несколько дней в обители, ходатайством святого выздоровел.

Об Антипе бортнике

Бортник соседней волости, именем Антипа, пошел как-то по своим делам, и напали на него множество бесов, как люди черные, и устрашали его. Антипа же от этой напасти сошел сума, начал себя ножом резать и многих людей покусал. С большим трудом привели его ко гробу преподобного Геннадия, в обитель Спасову, пожив там месяц, молитвами святого стал здоров и отправился домой, славя Бога и преподобного отца Геннадия.

О БЕСНУЮЩЕМСЯ ЧЕЛОВЕКЕ

Некий человек, именем Иустин, сильно был беснуем, причем имел огромную силу: приведен был в Спасову обитель и привязан к столбу трапезному, силою же своею столб тот сломал. Когда же наложили на него вериги преподобного отца Геннадия, моментально выздоровел.

О НЕКОЕМ КРЕСТЬЯНИНЕ

Некий крестьянин, именем Дометий, сильно бесновался: соседи же и родственники привели его к чудотворному гробу преподобного Геннадия, из-за чего Дометий сильно бился, скрежетал зубами, изо рта шла пена, и хватался за руки и за ноги. В день Преображения Господня после утренней службы положили его на помосте у гроба святого Геннадия, и во время литургии, молитвами преподобного получил здравие и, прожив в обители еще десять дней, ушел домой, радуясь и славя Бога и угодника Его преподобного отца нашего Геннадия.

О НЕКОЕМ СЫНЕ БОЯРСКОМ, ВАСИЛИИ ПАНИНЕ

Некий сын боярский, именем Василий Панин, имел жену, которая долгое время страдала болезнью глаз. Он же, приехав в обитель Всемилоственного

Спаса, припал с молитвой к чудотворному гробу, игумен и священники, отслужив молебен, освятили воду. Василий, взяв с собой освященной воды, отправился к болящей супруге, и когда жена его окропила святой водой лицо свое и глаза, тотчас выздоровела.

О НЕКОЕМ ХРИСТИАНИНЕ

У некоего христианина веси Обнорское, именем Меркурий был сын Леонтий, крайне страдавший болезнью глаз, и уже полтора года не видел света белого, и от сего ужасного недуга кричал день и ночь. Родители привезли его в обитель Спасову, привели ко гробу преподобного отца Геннадия и просили священников совершить молебное пение и освятить воду. Освященной водой начали кропить местные иконы и раку чудотворца, а также больного Леонтия, и в тот час милостью Божией и молитвами преподобного отца нашего Геннадия отрок прозрел, с радостью возвратился в дом свой, слава Бога и угодника Его святого Геннадия.

О НЕКОЕМ ЧЕЛОВЕКЕ, ИМЕНЕМ ЛУКА

Некий житель города Костромы, именем Лука Густышев, не имел веры в чудеса преподобного Геннадия и дал обещание не бывать в Спасовой обители у гроба преподобного. По роду своей службы был выбран в целовальники в таможенно и отбыл с дружиной собирать пошлянные государевы деньги. И внезапно поразила его болезнь в щеку и во всю голову, и, упав на землю, корчился от боли. Родственниками был привезен домой, но болезнь не унималась, и Лука был уже при смерти. Пришед же в разум, вспомнил грех свой и пообещал идти ко гробу святого; по окончании молебного пения был здоров молитвами преподобного отца нашего Геннадия.

О НЕКОЕЙ ЖЕНЕ

В Галичском уезде Корежской волости в сельце Левском жила некая вдова дворянского рода, Федорова жена, по прозванию Лаптевых. У нее было четыре сына, один из которых, Кирилл, пожелал уйти в монастырь Всемиловитого Спаса и к чудотворцу Геннадию и пожертвовать обители часть своего наследства. Мать хотела ему воспрепятствовать, и ее одолела сильная головная боль и зубная. Вспоминая согрешения свои, она начала молиться Всемиловитому Спасу и Пречистой Его Матери и на помощь призывать преподобного Геннадия Чудотворца, обещая идти в монастырь молиться и пожертвовать обители наследство сына. После этого обещания ей сразу полегчало. Женщина сдержала свое слово и пела молебны у гроба преподобного, прося прощения о своем согрешении, и благословила сына отдать его часть наследства монастырю, и сын ее постригся в монашеский чин в обители Спасовой с наречением имени в монашестве Корнилиий.

О ДЕВИЦЕ, ИСЦЕЛИВШЕЙСЯ МОЛИТВАМИ СВЯТОГО ГЕННАДИЯ

Дочь крестьянина Дометия, жившего в веси Обнорское, в четырех поприщах от обители Спаса, Дарья, шесть месяцев была недвижима, не могла говорить, не узнавала отца и мать, тело ее тряслось. Родители привезли болящую в обитель Спасову к чудотворному гробу преподобного Геннадия и пели молебны. Молитвами святого она исцелилась и покидала монастырь здоровая, воздавая благодарения Христу Богу, творящему дивные и преславные чудеса своим угодником преподобным Геннадием.

Святитель Димитрий Ростовский включил в свои Четьи Минеи записанный игуменом Алексием следующий рассказ старца Антония, постриженника Иосифова-Волоколамскаго монастыря, о преподобном Геннадии.

Когда однажды Геннадий находился в Москве за богослужением в церкви, в которой стояли царские слуги и боярские жены, вошла бедная и убогая женщина с детьми, которые плакали одни у нее на руках, другие подле нее. Смотря на нее, знатные боярыни, вздыхая ко Господу и Пресвятой Богородице, про себя думали: «Господь даровал детей таким нищим, которым нечем кормить их, а нам, имеющим возможность от царского жалованья воспитывать детей, Господь не дал чадородия, конечно, за наши грехи».

Преподобный Геннадий уразумел их мысли и сказал им:

- Не скорбите, госпожи: если будете жить благочестиво в своем положении, то, по повелению Божию, с сего времени будете рождать детей.

По пророчеству преподобного сбылось сие не с одной, но со многими благородными женами. И в других городах преподобный Геннадий предсказывал многим благочестивым женщинам чадородие.

В XIX столетии засвидетельствованы три новых исцеления молитвами преподобного Геннадия, Любимоградского чудотворца, о которых было рассказано в «Ярославских епархиальных ведомостях» в 1873 г.:

- 1) По случаю утраты первого, данного мне Богом, сына, для утolenия печали душевной 29 июля 1851 г. я с женою своею отправился на поклонение в монастырь преподобного Геннадия, Любимоградского чудотворца, Ярославской губернии Любимского уезда, где после обедни бывший тогда игумен отец Макарий (умерший 15 апреля 1861 г. архимандритом в Угличском Алексеевском монастыре) пригласил меня в свою келью откусать чай и победать. За обедом он спросил меня: имею ли я детей? Я ответил, что имел сына, но Богу угодно было взять его к себе. «А как ему было имя?» Я ответил, что ему было имя в честь**

Алексея, человека Божия. О. Макарий сказал: «Будущему вашему сыну нареките имя Геннадия, и я надеюсь, что молитвами угодника Божия он будет жить». Вследствие чего родившемуся у меня 16 июня 1852 г. сыну и наречено имя Геннадия. В 1854 г. в г. Ярославле, где я имел жительство, свирепствовала детская эпидемия — скарлатина, которой 4 января подвергся и сын мой Геннадий. В это время квартировал в моем доме Владимирского полка майор И. Г. Гречковский, и так как спальня его была рядом со спальнею моего сына, то он, слыша его страдания и любя его, пришел ко мне рано утром 5 января и предложил послать за медиком, обязываясь заплатить ему за визит, если я считаю это обременительным.

В свое время я ушел к должности; в мое отсутствие был медик Р. А. Шульц и прописал моему сыну какое-то лекарство для внутреннего употребления, которого, впрочем, больной никак не хотел принимать. Когда я возвратился от службы, то нашел, что теща моя держала больного на руках, а жена старалась чайною ложечкой насильно влить ему лекарство. Меня сильно поразили страдания малютки, усиливавшегося не принять даваемого ему лекарства, и я сказал: «Не мучьте его более, не давайте лекарства; а так как наречено ему имя в честь угодника Божия Геннадия, то обещайтесь, если он выздоровеет, помолиться у мощей угодника Божия». И что же? К неожиданной моей радости, сыну моему стало лучше; 11 января он совершенно выздоровел, только не мог так ходить, как ходил до болезни. Теперь ему уже скоро будет 19 лет, и он, слава Богу, молитвами угодника Божия Геннадия, жив и здоров.

г. Минск. 9 апреля 1871 г. М. Авдеев.

- 2) Ростовского уезда, села Ивашева, вдовая, 69 лет, диаконица Агрипина Алексеева, проживавшая у сына своего Ярославской градской Власиевской церкви диакона Алексея Иванова, 15 числа мая 1848 года иеромонаху Макарию, бывшему тогда строителем Спасо-Геннадиева монастыря, рассказывала в этом самом монастыре следующее. «Дня за три до праздника Введения во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы прошлого 1847 года, когда я спала и никакой болезни не чувствовала, представилось мне во сне некоторое число неизвестных богомолок, идущих будто вместе со мною дорогою, ведущею, как теперь, идя сюда, признала, в здешнюю сторону, в которой я доселе не бывала и даже отроду моего ни от кого не слыхала, есть ли где Геннадиев монастырь, и оне мне сказали: “Ты будешь в Геннадиевом монастыре”. Пробудясь после сего сновидения в свое время, не сказывая сыну своему диакону, что мне во сне виделось, просто спросила его, есть ли где

Геннадиев монастырь? Он мне на это сказал: “Есть и находится в нашей епархии, в Любимском уезде, где и мощи преподобного Геннадия почивают”. В день Введения, как я начала собираться в церковь к утрени, вдруг начали у меня ноги и шея трястись и в беспамятстве я упала и кричала во весь тот день с необыкновенным визгом. К ночи, поуспокоясь, уснула, и во время ночного сна представилось мне, будто вошел в покой, где я находилась, какой-то благообразный, с черной бородою, старец в монашеском облачении, а теперь, смотря на святой образ угодника Божия Геннадия Чудотворца, признаю, что явился мне во сне сам он или ангел Божий в образе его. Взшедши же, помолился святым иконам и на спрос мой: буду ли я, батюшка, здорова, сказал: будешь. Видение кончилось, а я стала уже ожидать этой Божией милости - освобождения от болезни. С вечера на день св. великомученицы Екатерины, как болезнь моя при сильнейшем и более тягостнейшем, противу прежнего, действии начала меня тревожить и принуждала кричать с визгом, вдруг как будто молния видимо блеснула и осияла покой с такою силою и влиянием на меня, что в ту же самую минуту начала я чувствовать сильное стеснение в груди и позыв на рвоту и затрудняться в самом дыхании. Шея у меня надувалась, как пузырь, а ртом исходил вместо мокрот какой-то непонятный, как из надутого пузыря, дух, и это продолжалось с четверть часа; с окончанием сей необыкновенной моей рвоты и болезнь миновалась, так что я на третий после сего день исповедалась у своего духовника и причастилась Святых Христовых Таин в приходской своей священномученика Власия церкви за Божественной литургией с благодарностию Господу, освободившему меня молитвами преподобного Геннадия, Люблимоградского чудотворца, к которому по обещанию моему и пришла теперь в святую обитель его принести пред гробом и образом его святым грешную молитву мою.

- 3) От Гавриила Ивановича Шпигельберга из С.-Петербурга получено с почтою письмо, которым он заявляет обители, что и подлинно великий угодник Божий и чудотворец, преподобный Геннадий, утешает родителей, огорчаемых преждевременною смертию своих детей и притекающих к нему с теплою молитвою желая иметь их, как утешил он и г. Шпигельберга, который, желая иметь сына и с верою в представительство угодника Божия, еще в утробе матерней предрек седьмому после умерших чад своих имя: Геннадий; и вот уже ему от рождения три года, тогда как ранее его было шестеро малюток, которые все помирали, или при самих родах, или вскоре по рождении.

Житие преподобного Геннадия, вместе со службой ему и записью чудес,

было составлено учеником святого Алексием. В прилагавшемся к этим текстам «Сказании игумена Алексия к пастырю дому боголепного Преображения и преподобного аввы Геннадия» автор завещает братии обители отвезти свой труд царю Федору Иоанновичу и митрополиту Дионисию. Годы царствования младшего сына Ивана Грозного и Анастасии Романовны Федора (1584-1598) и пребывания на московской кафедре владыки Дионисия (1581-1586) позволяют установить, что свой труд в память аввы ученик завершил между 1584 и 1586 гг., то есть примерно через двадцать лет после кончины преподобного.

В основе сочинения, дошедшего до нас в разных списках, явно лежат более ранние редакции жития преподобного: на их существование прямо указывают приведенные выше чудеса о клирике Севастиане и диаконе Прохоре - каждый из них получил исцеление, только переписав канон и житие святого. Есть веские основания предполагать, что и первоначальная редакция жития создавалась при непосредственном участии Алексия, тогда еще не игумена, а монаха. Не вызывает сомнений, что его перу принадлежат также «Поучение преподобного отца нашего аввы Геннадия ко братии и ко всем людям» и «Наставление святого старца Геннадия, предложенное новонаначальному иноку», которые, по всей видимости, были записаны им со слов учителя. (За создание этих текстов в конце жизни преподобного свидетельствует то, что в «Поучении» преподобный обращается к строителю Спасской обители Иосифу и игумену Костромского Ипатьевского монастыря Вассиану, имена которых после 1566 г. в документах этих монастырей уже не упоминаются.) Эти два текста, фактически являющиеся духовным заветом преподобного, еще святитель Димитрий Ростовский использовал в своих «Четьих mineях» вместе с житием и записью чудес. Однако в изданиях, посвященных Спасо-Геннадиеву монастырю, они не публиковались. В нашу книгу мы их включили.

Имя игумена Алексия значится в актах обители в 1571/1572 г. - ученик сам стал настоятелем монастыря на Сурском озере, однако к завершению его агиографических трудов игуменом Спасо-Геннадиева монастыря был уже Иов I (на его имя дана обители грамота царя Федора в 1584 г.). Вероятно, старец Алексей к этому времени был уже в преклонных летах и не мог сам поехать в столицу для представления жития, по этой причине и не состоялось тогда общерусского, соборного причисления преподобного Геннадия к лику святых, какое было принято Собором о преподобном Корнилий и объявлено патриаршым указом в 1600 г.

Местное почитание, начавшееся в обители на Сурском озере вскоре после кончины аввы, было весьма велико. Как увидит читатель, к середине 1590-х гг. в обители во имя чудотворца был уже освящен престол. Почитание подвижника быстро ширилось: к началу 1620-х изменилось именование

пустыни в царских актах, из Корнильевой она стала Геннадиевой, а к концу десятилетия и в писцовых книгах Костромы зафиксирована Геннадиевская церковь (немногим позднее в городском кремле построили в его честь уже каменный храм, но после пожара в 1773 г. он не был возобновлен). Около 1630 г. житие святого вошло в «Четы миинеи» троицкого книжника Германа (Тулупова). После этого оно включалось в самые популярные на Руси житийные сборники, а составленная на его основе память преподобному печаталась, начиная с 1661 г., в составе «Пролога» - уже после того, как при патриархе Иосифе 19 августа 1646 г. совершилось обретение честных мощей преподобного Геннадия и его всецерковное прославление. (К сожалению, в некоторых современных изданиях, в том числе в «Православном календаре», по неизвестной причине день обретения мощей святого 1 сентября/19 августа не указывается.)

Ныне память преподобному отмечается 5 февраля/23 января, 1 сентября/19 августа, а также 5 июня/23 мая - в соборе Ростово-Ярославских святых. Кроме того, в 1981 г. Святейший патриарх Московский и всея Руси Пимен благословил ежегодно именно в день поминовения преподобного Геннадия Костромского и Люблимоградского совершать празднование Собора святых, в земле Костромской просиявших, а в 2002 г. имя преподобного Геннадия, уже как Могилевского, было внесено в Собор Белорусских святых, празднование которого установлено в 3-ю неделю по Пятидесятнице.

Некоторые события, описанные в житии, подтверждаются словами летописей и других письменных источников, что свидетельствует о достоверности упомянутых автором фактов из начальной истории монастыря.

Восстанавливать первый период истории Корнильевой пустыни - Геннадиева монастыря очень непросто: на сегодняшний день никаких документов не известно. Вслед за другими исследователями нам придется хронологически связывать события житий и преданий с известными общерусскими историческим вехам и вешками.

Постараемся при этом не забывать слова из «Сказания игумена Алексея к пастырю дому боголепного Преображения и преподобного аввы Геннадия»: «Вы же, братия, старайтесь наши писания “предлагать на новые скрижали”. Кто начнет писать, и он бы старался “на прямые точки и запятые”, да не изменился бы смысл писания, как и мы, душу полагаем за истинные слова и точки...»

ИСТОРИЯ ЛЮБИМСКОГО СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ГЕННАДИЕВА МОНАСТЫРЯ

Начиная со второй половины XV столетия явились в костромских пределах несколько монастырей. Пустынь, устроенная на ровном восточном берегу озера, близ впадения в реку Кострому ее правого притока Обноры, в истории Русской Православной Церкви стоит среди них особняком. И не столько потому, что монастырь, выросший из нее трудами преподобного Геннадия и его преемников, через полтора века в ходе реформ императрицы Екатерины единственный выстоял и сохранился, в то время как остальные были упразднены, а храмы их были обращены в приходские.

Думается, что особость судьбы обители была предопределена задолго до построения в нем первой деревянной Спасо-Преображенской церкви и совсем в другом месте - в Комельском лесу: в 1496/1497 г. в поисках места для монашеского уединения в тот вологодский лес пришел преподобный Корнилий Комельский.

ПРЕПОДОБНЫЙ КОРНИЛИЙ КОМЕЛЬСКИЙ

История не сохранила его мирского имени. Из документов известно, что отца звали Федором Крюковым, и считается, что преподобный родился в 1455 г. и происходил из знатного в Ростове рода.

Преподобный Корнилий
Комельский*

* Изображение взято из открытых источников сети Интернет (www.gradm.ru)

Его дядя, брат отца Лукиан, был дьяком великой княгини Марии Ярославны, жены Василия II Васильевича Темного. (Летописи сохранили образ княгини как мудрой матери, совета которой спрашивали уже взрослые сыновья, в том числе и великий князь Иван III Васильевич. До XX в. дошло несколько десятков - больше, чем от имени всех других великих княгинь и цариц - грамот Марии Ярославны. Решения, в них записанные, готовили дьяки, но имен Крюковых на сохранившихся актах не значится.) Лукиан, несомненно, оказал большое влияние на племянника: тот в юности приехал к нему в Москву и также служил дьяком при княгинином дворе. Позднее, когда дядя решил уйти в Кирилло-Белозерский монастырь и принять там постриг, 20-летний племянник последовал его примеру и стал Корнилием. (Заметим, именно грамота великой княгини освободила в 1471 г. знаменитую обитель от налогов.)

Преподобный начал свои иноческие подвиги с тяжелого послушания - в поварне и хлебне, а в редкие свободные часы занимался перепиской церковных книг, чему мирская подготовка дьяка немало способствовала. Житие сообщает, что переписанные Корнилием книги хранились в Кирилловом монастыре через столетие, в конце 1580-х гг.: «книги его в Кириллове и ныне».

Житие было составлено в 1589 г. Нафанаилом, иноком Корнилиевского монастыря, и вместе со службой преподобному представлено на Освященный собор уже при царе Борисе Годунове в 1600 г., на котором и состоялось всецерковное прославление Комельского преподобного. Указ патриарха Иова об этом хранился в Введенской обители вместе с другими грамотами. (Все они скрупулезно перечислены в «Отписной книге монастыря 1657 г.», в которой находим, кроме того, свидетельство продолжения книжных трудов аввы уже в своем Комельском монастыре: «...под приделною колоколницею полатка каменная книгохранительная, а в ней книги... Псалтырь в полдесть следованием, писмяная, писмо чудотворца Корнилия... Книга писмяная, в четверть, в затылок, а в ней писано Предание чудотворца Корнилия...»)

Спустя некоторое время инок Корнилий оставил место своего пострижения, и «вдав себя странничеству», побывал в разных монастырях, дошел до Новгорода, где святитель Геннадий,

бескомпромиссный борец с ересями, пытался удержать его при себе. Подвижник уклонился тогда от рукоположения в священнический сан и по благословению святителя поселился в пустынном месте недалеко от Новгорода, где жил в безмолвии, претерпевая «труды многие: и жажду, и глад, студень же и зной Христа ради». Потом перешел в Тверскую Савватиеву пустынь и поселился опять не в самой обители, а в близкой пустыни, но когда и здесь его стали посещать люди, Корнилий ушел в Вологодский край, где близ слияния рек Нурмы и Талицы из заброшенной хижины устроил себе келью: *«Это покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его»* (Пс. 131,14).

Сегодняшний горожанин с трудом назовет разве что несколько самых крупных притоков Волги. В те далекие времена не только мать рек русских, но и крошечные притоки ее притоков были хорошо известны странникам: реки являлись главными, а зачастую и единственными, путями сообщения в лесах и болотах. Они давали имена поселениям на своих берегах, по ним получали названия многие уезды-волости-станы тогда еще только формирующегося волею великого князя Ивана III единого Московского государства.

Путь преподобного Корнилия отнюдь не был куда глаза глядят: к тому времени уже более века разносились по Руси вести о Северной Фиваиде.

Духовные подвиги учеников великого Троицкого игумена - Сильвестра (+ 1379; память 25 апреля), Павла (+1429; память 10 января) и Сергия (+ 1412; память 7 октября) - приводили в бескрайние леса между Вологодой и Костромой все новых и новых ревнителей безмолвного уединения. Удалившиеся для молитвенного одиночества обнорские и нуромские подвижники вынуждены были рано или поздно смириться и принимать на себя предначертанное им свыше игуменство. Ко времени прихода Корнилия в вологодских лесах рядом с дуплом дерева или простой хижинкой основателя уже стояли храмы немалых киновий - Воскресенский Сильвестров, Свято-Троицкий Павлов, Происхождения Честного Животворящего Креста Господня Сергиев, - эти монастыри были уже известны. Удивительны эти места: тремя названными число очагов православия не исчерпывается - посмотрите книгу «По реке Обноре: Любим и его окрестности», много ли еще в России мест, где было бы столько обителей?

Но вернемся к преподобному Корнилию. Стали к нему притекать ищущие молитвенного уединения. Когда их трудами была воздвигнута в Комельском лесу церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, Корнилий, как и его предшественники, покорился предначертанию Промысла и принял священный сан: *«Божиею милостию, се яз Симон, митрополит всея Руси, поставил есмь диака инока Корнилия Феодорова сына Крюкова в четцы и в подьяконы и в диаконы и свершил есмь его в попы в свою митрополью к церкви Пречистыя Богородица Введенью в пустыньку, на Комельской лес, на реку на Нурму, в Костромскую десятину, и да литургисает в святей Божий церкви. И аще кто к нему приходит от детей духовных, и да разсужает их по правилом святых апостол и святых отец, имея и волю вязати и решати по благословению нашего смиренья. И да не преходит от церкви к церкви без нашего благословения, или не явясь нашему наместнику или десятиннику. Аще ли преидет не явясь, и да не литургисает по сей нашей грамоте. И сего ради дана бысть ему грамота сия на утверждение его на Москве лета сем тысяць девятого [1501], месяца феврала в первый день».*

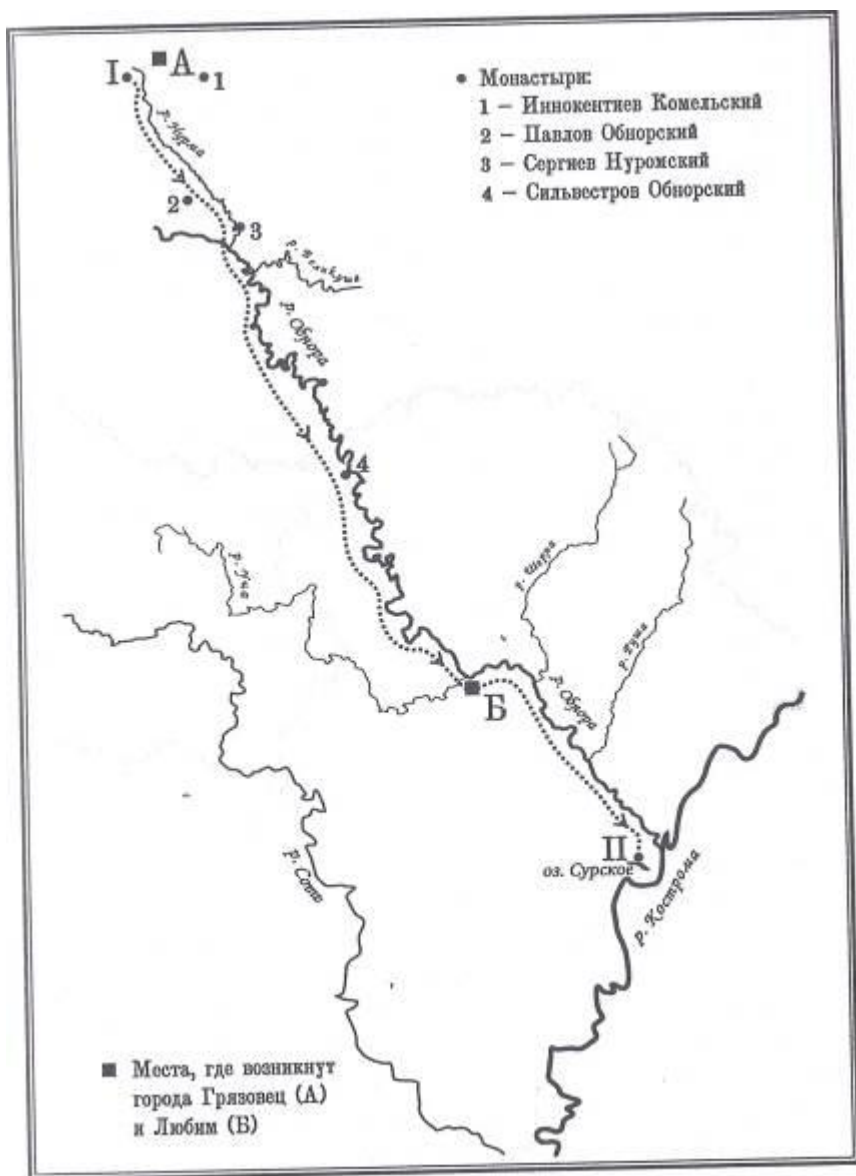

Схема пути преподобного Корнилия от Введенского Комельского монастыря (I) до новой пустыни на Сурском озере (II)

Стремление к пустынножительству было отложено: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9,22). В 1515 г. в Комельском монастыре была выстроена новая, больше прежней, соборная Введенская церковь, затем теплый храм во имя Антония

Великого...

«Когда число братии возросло, преподобный написал для братии устав, составленный на основе уставов преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Это был третий устав, написанный русским святым для монашествующих» - так говорится в современном варианте жития преподобного Корнилия. Столь лаконично о важном вкладе святого в становление русского монашества XVI в. О том самом «Предании», которое было писано в «книге писмянной, в четверть, в затылок».

УСТАВ ПРЕПОДОБНОГО КОРНИЛИЯ

Каким напряженным временем было на Руси начало XVI в., сколь судьбоносные духовные вопросы решали великие подвижники и мыслители полтысячи лет назад в стране, лишь недавно окончательно избавившейся от ордынского ига! И, заметим, сколь важны уроки тех исканий сегодня в государстве, всего лишь поколение назад сбросившем другое иго. Причем сегодня спорят больше не богословы, а мирские идеологи, до хрипоты отстаивая увиденный каждым в тех давних исканиях свой путь для новой России.

Описывая Комельский монастырский устав, литературовед Н.В. Поньрко отмечала: «Когда Корнилий его создавал... и Нилом Сорским, и Иосифом Волоцким уже были написаны их собственные уставы, одним - скитский, другим - общежительный... Корнилий подражает обоим настоятелям разом. Из устава Нила Сорского... он взял все пространное вступление и вписал его в свое предисловие, продолжив его рассуждениями об ответственности настоятеля за судьбы иноков и об основных принципах монашеской жизни по Василию Великому; а конкретные предписания относительно общежительного уклада он заимствовал из пространной редакции устава Иосифа Волоцкого... Несмотря на такие большие заимствования из двух разных источников, устав Корнилия производит очень цельное впечатление как в литературном, так и в смысловом отношении. Начав словами Нила Сорского, Корнилий и дальнейшие, очень значительные, заимствования из устава Иосифа Волоцкого отредактировал как бы в духе Нила, упростив и облегчив витиеватый и пространный стиль Иосифа». Тонкий светский исследователь прекрасно понимала, что не в стилистической цельности суть и значение Корнилиева текста.

Сегодняшнему читателю надо напомнить, что преподобные Нил Сорский (1433- + 1508; память 7 мая) и Иосиф Волоцкий (1440- +1515; память 9 сентября), значение которых в истории Русской Православной

Церкви и в истории Руси в целом общепризнанно и поистине неопределимо, были главными идеологами двух направлений в православном монашестве Руси. Их неявный диалог стал, пожалуй, главным в духовной жизни страны конца XV - начала XVI в. О чем же шла речь пять веков назад?

Было бы преувеличением сказать, что именно трудами преподобного Нила возник первый на Руси скит и именно он впервые принес на Русь мистическое богословие исихазма, или паламизма (первое название от греческого слова «исихийя» - покой, безмолвие; второе - по имени его основателя святого Григория Паламы, афонского подвижника и богослова XIV в. Помните, что и преподобный Корнилий безмолвствовал?).

Было на Руси известно и о духовных исканиях Византии, были и сообщества монахов, живущих в отдельных кельях и добывающих себе пропитание каждый своим трудом. Нилов устав, подведший итог размышлениям «о делании сердечном и мысленном блюдении», не столько регламентировал жизнь скита, устроенного в лесных дубравах на реке Соре, сколько предупреждал вставших на этот тяжелый путь «внутреннего делания» о возможных искушениях.

Сорский старец следовал букве и духу евангельского слова, он развил учение о страстях, выделил стадии их формирования и дал инокам четкие и внятные рекомендации по борьбе с ними. Ничто не должно отвлекать христианина, выбравшего путь пустытника, от стремления к жизни вечной, от «внутреннего делания», готовящего душу к ней. Ни красота окружающей природы, ни богатство храмового убранства, ни обладание чем-либо. (Кстати, совсем незадолго до преподобного Корнилия, в 1491 г., пришел в тот же самый Комельский лес Иннокентий (+ 1521; память 19 марта), ученик и спутник преподобного Нила в его путешествии по святым местам Востока. Он поставил свою келью на речке Еде, притоке Нурмы. Когда к нему стали собираться ученики, следуя завету учителя, Иннокентий ни у кого не спрашивал при приеме в обитель вкладов - «вкупов», а храм завещал построить лишь после его кончины.)

Именно «нестяжательство», отказ не только от личной собственности, но и от общей монастырской, стал главным пунктом в деятельности последователей преподобного Нила, так называемых заволжских старцев. Монастырские землевладения они считали страшной опасностью на духовном пути иноков: оно неизбежно вело к

«обмирщению». При этом на задний план незаметно ушло главное во взглядах учителя, воодушевленного высоким и чистым религиозным порывом раннехристианского образца, страшившегося обмирщения Церкви, чаявшего в аскетическом самоотречении земной идеал, а в скиту - мирское прибежище благочестивого христианина. Этим главным было требование неустанного труда духовного. Отказ от собственности был нужен именно для этого.

В то же время Иосиф, которого историк русской церкви Е. Е. Голубинский наградил титулом «ученейшего человека своего времени» (что, подчеркнем, относится и к Нилу в не меньшей степени), и его сторонники видели будущее Руси в образе «монастыря-обители» во главе со строгим игуменом- царем: они выступали за государственную функцию монастырского общежития. В «Трагедии древнерусской святости» мыслитель-эмигрант Г. П. Федотов писал:

«... защита Иосифом монастырских сел [монастырь в живописном уголке на Волоке Ламском вблизи Москвы, основанный преподобным, владел значительными угодьями] вытекала не из любви его к покойной жизни. В ее основе лежал идеал социального служения монастыря. К Иосифу идут окрестные крестьяне, потеряв лошадь, корову, козу, и он дает каждому «цену их»... Во время голода Иосиф кормит у себя до 700 *бедняков*, занимает деньги на покупку хлеба, а детей (до 50) собирает в своем странноприимном доме.

Социальное служение у святого Иосифа вырастает в национальное. Горячий патриот, он собирает сведения о русских святых и монастырях, он восторженно славит святость русской земли: «русская земля ныне благочестием всех одоле». Средоточие этой земли - в Московском великом князе, и Иосиф служит ему, развивая теорию божественного происхождения царской власти и приравнивая к ней власть великого князя задолго до венчания на царство Иоанна. «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен есть высшему Богу»».

И преподобный Иосиф весьма активно взаимодействовал с великокняжеской властью, вовлекая ее в решение сугубо церковных вопросов. Потому и значимое место в его творчестве и деятельности в целом занимала борьба с ересями, в которой он считал допустимой и смертную казнь. Историки сомневаются, имел ли место личный спор преподобных Нила и Иосифа на Соборе 1503 г. в царствование Ивана III Васильевича, но именно тогда Волоцкому игумену удалось победить, увязав в один узел вопросы о еретиках и противниках монастырских

владений.

Повторим, для него не было сомнений в том, что великокняжеская власть дана от Бога: вся Московия была или, по крайней мере, должна быть единым лоном Церкви, но служащей Кремлю. Он резко возражает новгородскому архиепископу Серапиону, утверждавшему верховенство власти церковной над царской, - в итоге владыку свергают.

При Василии III Ивановиче последователями великих учителей (особенно после кончины подвижников) спор был окончательно превращен в непримиримую борьбу. Ивану IV Грозному остались ее отголоски, но как явно они отразились в решениях Стоглавого собора 1551 г. Основные темы той полемики остаются, повторим, актуальными и сегодня.

Надо сказать, что в политических приложениях взглядов обоих великих учителей на протяжении уже пяти веков наибольшие споры вызывает именно личность и взгляды Волоцкого преподобного, в адрес же Сорского чудотворца высказывались лишь упреки в идеализме. Это и понятно: взаимоотношения Церкви и Власти, для России тема более чем болезненная. Была и есть.

Волоцкий игумен-прагматик погружен был не только в государственные проблемы, известна его дружба со святым художником Дионисием. Опасности обмирщения он также видел и их страшился, но полагал, что мудрый настоятель, и только он, способен провести братию киноии, минуя их. Таким руководством для общежительного монастыря стал его устав, в котором главная речь шла не о духовном делании, но о строгом повиновении предписанному. В нем монахам регламентировалось все: через какие двери в храм входить на обязательную ежедневную молитву (у Нила общие молитвы только дважды в неделю), в каком положении держать голову и руки...

Вот такие два завета, внешне столь разные, но в равной степени пронизанные думой о судьбах русского монашества, легли в основу Корнилиева устава. Выдающийся историк Русской церкви, еще один эмигрант, И. К. Смолич писал: «Столь странное сочетание объясняется тем, что Корнилий должен был управлять общежительным монастырем, не желая при этом забывать духовный опыт, вынесенный им из своего отшельнического жития. К тому же не исключено, что Корнилий лично знал старца Нила, который, возможно, жил вместе с ним в Кирилловом монастыре. Из Поучения Нила Корнилий заимствовал то, что важно было в деле духовного окормления отдельного инока ("умную молитву").

Духовную Иосифа он использовал для введения основ общежития и как руководство для богослужений».

В отличие от тех, кто вот уже 500 лет только противопоставляет идеи двух подвижников, авва Корнилий знал, что оба они суть явления одной православной сущности. Не случайно Н. В. Поньрко отмечала, что главное в содержании его устава, придающее ему единство, - это «неустанно повторяющееся требование полной личной нестяжательности иноков и полной общности монастырского имущества, еще более аскетического характера в сравнении с уставом Иосифа Волоцкого (ср. уставления о недопустимости принимать милостыню “по рукам” и также самим раздавать личную милостыню, пусть даже от плодов своего рукоделия, о пище и одежде, о полном исключении хмельного питья, о послушании настоятельскому благословению и др.)»

Добавим, что преподобный игумен Комельский не только не ставил под сомнение возможность монастырей владеть землями и крестьянами, но и на практике сам приумножал богатство обители: *«Се аз, Корнилий чернец Крюков сын, купил есми у Федора Алексеева сына Стогина пожню Антипинскои наволок в Окольной Сухоне Пречистой в дом... А отвод той пожни по старым межам, куды топор и коса ходила исстарины. А дал есми ему на ту пожню шестнадцать рублей... лета 7024 [1516], месяца июля в 13 день...»*

Результат его трудов впечатляющ: в великокняжеской грамоте 1538 г. упоминается больше ста десяти монастырских деревень и починков в трех станах Вологодского и Белозерского уездов. (Кстати, среди владений обители в XVII в. появились и вотчины от рода Брянчаниновых: пращурь святителя Игнатия владели землями по соседству?) Игумен Корнилий, как и Волоцкий преподобный, занимался благотворительностью. Как и он, Комельский настоятель знал толк в иконописи: иконы деисуса и праздников из нового Введенского собора хоть и не принадлежат кисти великого Дионисия, но бесспорно входят в золотой фонд русских образов своего времени.

Нет сомнений, сколь труден суровый киновиальный устав для следования в монашеской жизни сегодня. Но и тогда «строгость монастырского уклада, заведенного Корнилием, не всем была по душе, на него «роптали». Не без оснований написал преподобный в последней главе своего устава «О исходящих из монастыря и паки возвращающихся братиях наших»: «Слышах бо аз сам иже от мене постригшихся многих глаголющих: Ныне нам Корнилий возбраняет и не дает по своей воли

пожити, а егда умрет, и мы преидем в свой монастырь и по воли нашей поживем». То, что среди этих «роптавших» его постриженника Геннадия не было и быть не могло, ясно из житий обоих подвижников.

Житие святого Корнилия убеждает нас, что, будучи весьма строг к ведомой братии, себя он изначально «мерил» по еще более аскетическому Нилову преданию. Он не допускал для них этот скитский золотой «срединный» путь спасения, им он оставил регламентированную Иосифом узкую тропу киновиального послушания. Знал, что Нилов путь - слишком труден. По нему могут пройти единицы. Но его сердцу ближе был он.

(Надо сказать, что вплоть до XX в. в России особножитель-ство - идиоритмия вполне сосуществовала с киноией.)

Именно в строгом Корнилиевом уставе и в благословении, благоговейно принятом от учителя преподобным Геннадием, и в неуклонном следовании уставу учителя - во всем этом и видим мы начало особой судьбы Спасского монастыря.

ПУСТЫНЬ ИЛИ МОНАСТЫРЬ?

Оглядываться в прошлое не просто даже на несколько десятков лет. Нам же предстоит всматриваться в пятивековые дали. И как тут избежать постоянного искушения необдуманно «опрокинуть» в далекое прошлое сегодняшние приметы и смыслы? В этом одна из самых больших опасностей, подстерегающих нас, - в попытках понять-объяснить современными словами то время и те обстоятельства. Например, в энциклопедическом справочнике «Монастыри», изданном в 2000 г., читаем о Спасо-Геннадиеве монастыре (с. 258): «Осн [ован] в 1505 г. в с. Слободке у оз. Сурского в 25 км от г. Любима... учеником преп. Корнилия Комельского Геннадием Любимоградским...»

О том, кто и когда основал монастырь, поговорим в следующей главе, а здесь согласимся: сегодняшнему читателю легко, спору нет, сориентироваться по карте с современными топонимами (если не считать того, что официально бывшее подмонастырское поселение называется Слобода и является деревней). Одно «но». Во времена преподобных на восточном берегу Сурского озера не было никакого села-деревни: не пришел бы сюда, за 70 *поприщ* от своего монастыря, для безмолвной молитвы игумен Корнилий - не в обжитых поселениях основывались пустыни.

Не было тогда и Любима - он станет городом через много- много лет, а тогда «на реке на Обноре на устии Учи реки в Стрелице» не было

даже острога, давшего ему начало. Известная грамота на его построение для защиты «от Казанских людей в сполошное время» после серьезного урона от их почти ежегодных набегов в Замосковье в 1530-е гг., и особенно разорительного зимнего в 1538 г., дана была от имени малолетнего великого князя Ивана IV Васильевича только «лета 7046-го [1538], августа в 6 день», уже «после живота» Комельского игумена.

Но и в прошлом «точки опоры» искать следует осторожно. В грамоте Ивана IV, освободившей крестьян Корнилиева монастыря от всяких повинностей, дабы оправилась обитель от татарского разорения 1538 г., значится в Обнорской волости починок Любилов, и как бы ни было это соблазнительно, но его связать с Любимом нельзя: волость эта в Вологодском уезде. А вот другой починок, Грязивитской в Комельской волости стал в XVII в. монастырским ярмарочным селом Грязлевицы, а еще через полтора с лишним столетия вологодским уездным городом - это Грязовец.

С топонимами вообще осторожно надо обращаться. Особенно коварны созвучия. И очень уж иногда переменчивы: озеро, у которого монастырь встал, в различных документах за эти столетия как только не называлось - Сурб и Сурбы, Сурбское и Сурмское. Теперь, как и в первой половине XVI в., оно в официальных документах - Сурское, так и будем его именовать.

Да что топонимы, в самых знакомых словах старинных грамот зачастую подстерегают нас ловушки: вроде бы и звучит слово во вполне привычном сегодня контексте, но смысл - то в него тогда вкладывали совсем другой, и хорошо если только один, о котором теперь приходится только догадываться. К сожалению, нередки случаи, когда из-за таких забытых «вторых смыслов» возникают «открытия». В документах давних времен можно встретить формулировку «на монастыре таком-то [называется посвящение главного престола] в кельях живут нищие, Христовым именем питаются...»

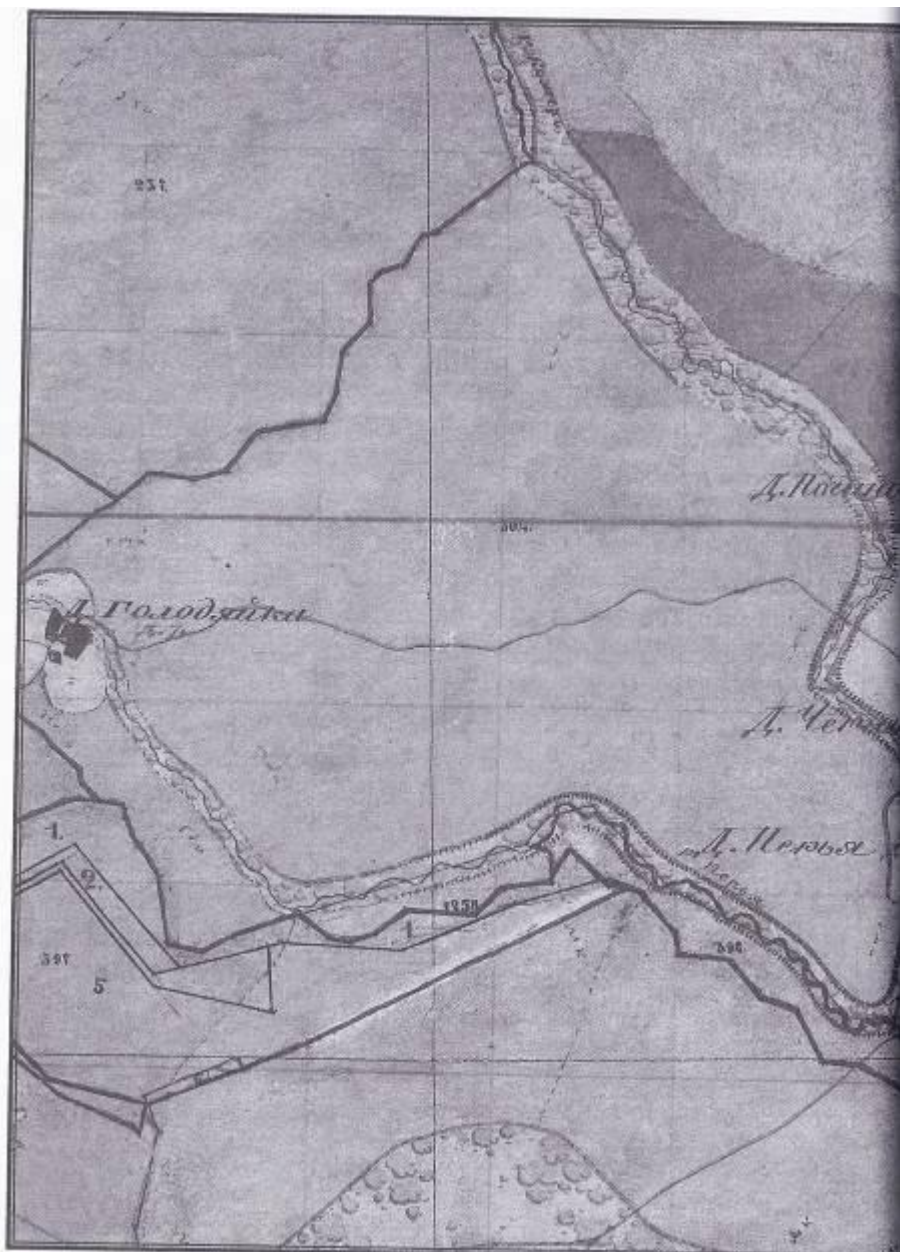
И рождается версия о существовании здесь «во время оно» обители. А речь-то в документе всего лишь о том, что на земле, принадлежащей обычной приходской церкви, был дан приют сирым и убогим...

Не были еще придуманы в те времена энциклопедии, толковые словари и интернетовские поисковики. Более того, в то время великих перемен формировалось не только само Русское государство, но медленно, от поколения к поколению, закреплялись новые значения слов старых, описывавших когда-то жизнь во времена удельных князей, а для

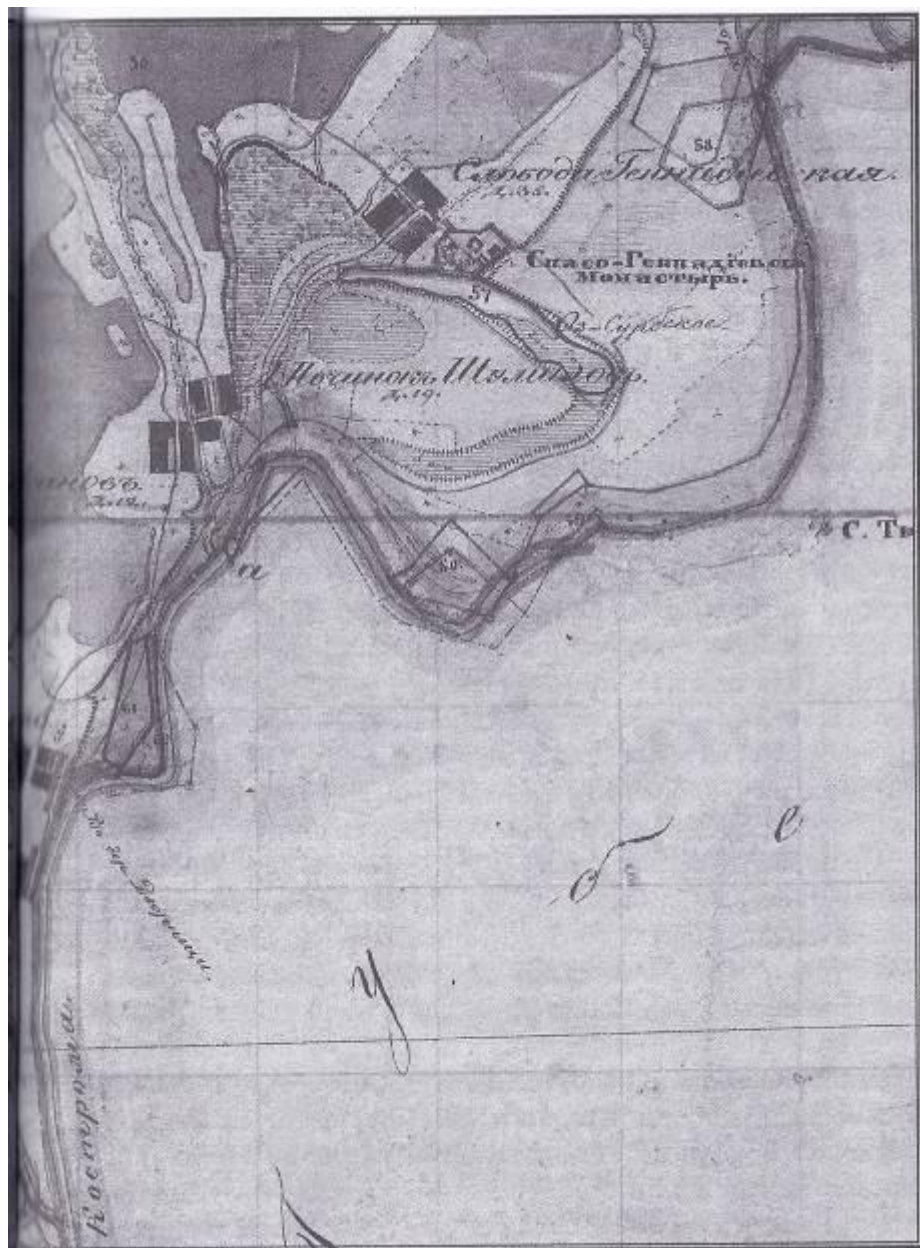
новых явлений появлялись и новые слова. А потом были петровские преобразования, реформа Александра Освободителя, советская власть, перестройка. И множество более мелких перемен. И каждая затрагивала жизнь и людей, и произносимых ими слов. Наша книга о Геннадиевой обители не место, конечно, для поиска забытого смысла того или иного слова. Для этого есть специальные издания, но, поверьте, и мужам ученым сложно разобраться, над многими загадками истории бьются до сих пор.

Одним из примеров упомянем слова «волость» и «стан»: не дадут нам незаменимые сегодня Гугл и Яндекс, как и спасительные век назад Брокгауз и Ефрон, ответа об их принципиальных различиях в XV-XVII вв. В. О. Ключевский писал: «Уезд состоял из города и сельских обществ, называвшихся волостями и станами. Стан - та же сельская волость, только пригородная, ближайшая к уездному городу, находившаяся в околородье, как выражаются документы. Впрочем, и обширные волости делились на станы, как и обширные станы - на волости».

Однако близость-удаленность от города на деле не являлась критерием: в упомянутой грамоте 1538 г. о будущем городе Любиме перечисляются через запятую приобнорские «волости и станы» Костромского и Вологодского уездов. Зачастую оба слова служили лишь для обозначения географически единой территории, а не иерархии административных единиц великокняжеской, а потом и царской власти в исторически сложившихся русских землях - уездах. Об определении границ станов и волостей говорить вряд ли возможно, но и внутри географически единой территории административного единства не было - тут и дворцовые земли, и монастырские, и вотчинные, а это совсем уж другая тема.

Фрагмент карты Любимского уезда из атласа А.И.Менде. 1850-е

Но все сказанное - присловие, главный вопрос в словах «пустынь» и «монастырь». История многих и многих православных обителей, а в Северной Фиваиде - почти всех, начинается именно с прихода подвижника в некое отдаленное от мирского жилья суровое место, пустыню. Он сооружал себе в лесу или на болоте жилище, мог устроить делянку для пропитания «от рук своих». В месте уединенного подвига чернеца близ его одинокой кельи могли встать еще несколько - для появившихся учеников и сотрудников, могла устроиться и часовня, храм, наконец. Но все равно это - пустынь. Более того, после получения великокняжеских жалованных грамот (несудимых и пр.) в названиях монастырей, «узаконенных» этими документами в когда-то диких местах, по традиции могло сохраняться наименование обители пустыню. Так было и с Нило-Сорской, и с Югской Дорофеевой, и с Се- рафимо-Саровской, и другими монастырями-пустынями.

В первое столетие своего существования «дом Преображения Спасова и чудотворца Сергия» на Сурском озере именовался в документах то Новой Корнильевой, то Геннадиевой пустыню. Но в соседних строках этих же грамот, данных, закладных, назывался Божий дом монастырем. То есть «юридическое лицо» по статусу - монастырь, по названию - пустынь такая-то. В своей основательной статье о раннем русском монашестве и монастырях современный историк церкви Н. В. Сеницына обратила внимание на это двойственное наименование обителей, выросших из пустыней, и напомнила слова В. О. Ключевского: «помыслы о пустынно безмолвии завершались основанием монашеской земледельческой общины, при этом пожалование “монастырю строить на пустом месте, в диком лесу, братью собирать и пашню пахать” означало, что бесформенное объединение превращалось в учреждение, становилось юридическим лицом».

Итак, пустынь и монастырь - это синонимы для обители, основанной подвижником в удалении от жилья, пустынь - такой монастырь в начале его истории. Не было жесткой демаркационной линии между содержанием этих двух слов тогда, незачем и нам сегодня их разделять. Из житий, пересказывавшихся в краеведческих текстах с середины XIX в., пришло некое противопоставление, из традиционных житийных формулировок создалось представление, что монастырь начинается с построения в нем церкви. (Однако агио- графы сами непоследовательны, например, в рассказе об Иннокентии Комельском говорится, что в его монастыре при жизни преподобного храма не было.)

Почему мы столь подробно об этом говорим? А потому, что есть разночтения в дате основания «Новые Корниловы пустыни Спасского Геннадиева монастыря», причем не в поверхностных нынешних «энциклопедиях», а в трудах замечательных знатоков истории русских обителей П. М. Строева и В. В. Зверинского (их книги представляют собой незаменимые и авторитетные своды сведений). Если первый пишет: «... основан ... около 1540 г. », то второй называет конкретный год: 1505-й. В «церковно-археологической» литературе и сто пятьдесят лет назад, когда она зарождалась как жанр, и сегодня чаще всего называется 1529 г.

Вне всяких сомнений, мы имеем тут дело совсем не с различием в датировках каких-либо документов! Проявилась, как это часто бывает, неопределенность понятий и «точки отсчета». С подобной ситуацией мы довольно часто сталкиваемся в датировке каменных храмовых построек: одни авторы опираются на дату закладки, другие - на дату освящения, третьи - на дату получения благословенной грамоты, кто-то - на завершение строительных, а то и отделочных работ. А если в храме еще и не один престол, то разобраться без первичных документов становится весьма проблематично.

На наш взгляд, повторим, историю монастырей, выросших из пустыней и скитов, следует отсчитывать со времени прихода подвижника на место будущей обители. Однако именно это труднее всего подтвердить документами: в подавляющем большинстве случаев дата является плодом неких логических построений. (Аналогичная ситуация имеет место с датировкой основания древних городов. Казалось бы, есть хорошо известная дата первого упоминания населенного пункта в письменном источнике. Но уж так человек устроен: древо познания покоя не дает, да и гордыня свое делает. Так и получается, в 1924-м празднуется 900-летие Ярославля, а через 36 лет - уже 950-летие. Ладно, с Ярославлем еще куда ни шло, логика в обосновании 1010 г. какая-никакая есть, а вот с Казанью, когда датировка зиждется на древней монете, извлеченной из раскопа, - игры с историей, а больше с политикой. От лукавого.)

В. В. Зверинский, статистик и историк, хоть и привел пространный перечень документов и житийной литературы о Геннадиевом монастыре, обоснования выбранной им даты (ее же называл и Л. И. Денисов) не указал никакого. Осмелимся предположить, что он вел отсчет именно от предполагаемого года прихода подвижника на святое место. С другой стороны, П. М. Строев явно исходил из иной, документальной, концепции «первого упоминания в исторически достоверном источнике», поэтому и

назвал ориентировочную дату несохранившегося первого великокняжеского акта.

Мог ли инок Геннадий в 1505 г. основать обитель на Сурском озере? Поищем для этого подсказки в житии преподобного.

ВРЕМЯ ОСНОВАНИЯ

Можно довольно точно определить, когда уроженец Могилева Григорий пришел в Комельский лес (в своем «Сказании» ученик преподобного игумен Алексей пишет: «слышал от преподобного многие страдания в Литовской стороне»). Благословение идти в монастырь к Корнилию Григорий и его друг Федор получили от преподобного Александра Свирского (+ 1533; память 30 августа). Вот с какими словами они обратились к преподобному: «Желаем, отче святой, Господу Богу молиться, облеку нас, Христа ради, в монашеские одеяния».

Просители уже побывали во многих монастырях и пустынях и не могли не знать, что с просьбой о пострижении можно обращаться только к начальствующему иеромонаху. А это означает, что такой разговор в келье на берегу Рошинского озера мог состояться не ранее 1506 г.: посвящение преподобного Александра в иерейский сан связывается источниками с именем святителя Серапиона, ставшего архиепископом Новгородским и Псковским в 1506 г. Более того, вероятнее, что встреча произошла уже после поставления Свирского чудотворца в Троицкие игумены, т. е. не ранее 1508 г. (Кстати, общецерковные правила оговаривают возраст поставления во игумены: не моложе 30 лет.)

Причиной отказа Свирского игумена была молодость просителя: «в нашей пустыни младым отрокам жить невозможно». Условия приема в монастырь и пострижения в разных обителях отличались, даже в двух соседствующих в Комельском лесу. В завете преподобного Иннокентия - категорично «А юных безбрадных иноков не примати и не постригати zde таковых. А мирских юных безбрадны на служение не держати», тогда как в Корнилиевом уставе: «И понеже мнози челоуцы мирстии приходят к нам хотяще пострищися; аз же еще и грешен и неразумен челоуек есмь, и душею и произволением немощен, приходящих ко мне принимаю и постризаю. Та- кожде и нецьи братия от инех монастырей приходят, хотяще жителствовати с нами; и сих бо приемлю не начальствовати убо желая, от десных [от лукавых] же боюся, егда како украдаем [обманут] есмь; и смотрих се, еще есть воля Божия».

Если учесть, что по церковным правилам принятие пострига

непрерывно предвращается жизнью в обители в послушническом искусстве на протяжении не одного года, то следует полагать: причисление Григория к «равноангельному чину монашескому» совершилось уже только в 1510-е гг.

И еще одна, на наш взгляд, важная и даже символическая деталь есть в постриге Григория. Задолго до этого, в начале своего иноческого пути в Кириллове монастыре, инок Корнилий был на послушании у старца по имени Геннадий. Юноша из Могилева должен был обладать столь искренним стремлением к уходу в монастырь и такими качествами, а кроме того, и иметь достаточно времени их проявить, чтобы уже опытный игумен Корнилий, совершая постриг, нарек его именем своего первого духовного наставника.

Но и затем у инока Геннадия должно было быть не меньше времени зарекомендовать себя в глазах опытного наставника, чтобы тот приблизил его к себе настолько, что именно он, Геннадий, стал спутником старца на многотрудном пути.

О роли духовного наставничества, о значимости вообще преемства в становлении русских монастырей очень верно писал Игорь Корнильевич Смолич (его замечательно умную и глубокую книгу надо читать внимательно). От одного преподобного к другому, от Геннадия Костромского через Корнилия Комельского, от него к Кириллу Белозерскому, и наконец, к великому отцу русского монашества, преподобному Сергию Радонежскому. Это только главная линия, а сколько еще пересечений с другими учениками Радонежского Чудотворца, а с их духовными чадами? Взять хотя бы влияние преподобного Нила...

Итак, в 1505-м преподобный Геннадий стать основателем Сурской пустыни не мог.

Но не столько дата, указанная глубокоуважаемым статистиком, вызывает несогласие. Принципиально другое: не иноком Геннадием, а его маститым учителем основана пустынь на берегу Сурского озера! Не случайно во многих актах вплоть до XVII столетия именуется она Корнильевой.

Ни в коей мере не умаляет этот факт величия Костромского чудотворца, ибо Промыслом было возложено на ученика труднейшее: создать монастырь из этой основанной учителем пустыни и устроить его на учителевом духовном фундаменте столь крепко, чтоб устоял он во всех

перипетиях русской жизни. И авва Геннадий выполнил предначертанное. Только богоборческая власть сумела спустя почти четыре столетия эти устои поколебать...

Жития преподобных Корнилия и Геннадия по-разному трактуют причины ухода аввы Корнилия к Сурскому озеру, на это обратил внимание Н.А. Зонтиков, автор самой основательной современной работы о преподобном и его монастыре - статьи в «Православной энциклопедии». Инок Нафанаил объясняет уход своего игумена желанием «наедине безмолвствовати». Все уже сделано, обитель крепка, как жить братии далее - дан устав. Бывший игумен Алексей связывает его с «нестроениями» среди братии Корнильева монастыря, причем вызваны они были и предпочтением Геннадия перед прочими. (Среди этих «прочих», возможно, уже был и будущий преподобномученик Адриан Пошехонский (+ 1550; память 5 марта), о котором оба жития даже не упоминают.)

Представляется нам, что сыграть свою роль могли оба мотива. Вводя в обители свой строгий общежительный устав, игумен Корнилий столкнулся с сопротивлением братии.

(Такое недовольство в то время не было редкостью: и в Боровском монастыре киновиальный порядкам Иосифа Волоцкого братия резко возмутилась, и в других обителях были нестроения, и раньше они случались - даже у преподобного Сергия.) Это могло ускорить решение уже немолодого настоятеля, изначально стремившегося к скитскому пути, окончательно отойти от дел.

Если бы пустынь располагалась вблизи Введенского монастыря, то можно было бы говорить о том, что игумен Корнилий создавал скит для своего временного в нем пребывания, чтобы в тишине уединения помолиться, а при срочной какой необходимости можно было быстро вернуться к многотрудным обязанностям. (Таких примеров довольно много - взять хотя бы Троицкую обитель Александра Свирского, так основывались и другие отходные скиты-пустыни, подчиненные самой материнской обители.) Но между Корнильевым монастырем и Сурским озером даже по карте около 80 километров, по земле-воде получится раза в полтора дальше. Очевидно: преподобный устраивал пустынь, предполагая окончательно оставить свое вологодское детище.

Разобраться, когда конкретно Корнилий отошел безмолвствовать к устью Обноры, признаемся честно, очень трудно: нет в житиях обоих

преподобных никаких зацепок, а документы начала XVI в. малочисленны. Мы упоминали купчую, совершенную Корнилием в 1516 г., известны документы и 1518-го, наконец и 1526 г., т. е. преподобный игумен не оставлял своего монастыря до второй половины 1520-х гг. Уверенно можем утверждать, что к зиме 1528/29 г. преподобный Корнилий в своей обители уже отсутствовал. Оба жития согласуются в том, что великий князь Василий III Иванович, направлявшийся со своей второй молодой супругой - Еленой Глинской на богомолье о «чадородии» в Кириллов и другие монастыри Северной Фиваиды, игумена на месте не застал. «Краткий Кирилло-Белозерский летописчик» уточняет дату: «В лето 7037 месяца дек [абря] 17 день на память трех отрок государь князь велики Василей был в Кирилове монастыре с великою княинею». То есть к концу 1528-го пустынь на Сурском озере уже существовала.

Дабы не утомлять читателя скрупулезным сопоставлением двух житий, изложим основные события последующих нескольких лет и сопоставим их с документами.

Преподобный Корнилий остался в своей новой пустыни и не вернулся в обитель (то ли невзирая на повеление великого князя, то ли с его согласия, что вероятнее, поскольку в Комельском лесу, по-видимому, был уже другой игумен). Летом 1530 г. он приезжает в Москву ходатайствовать перед Василием III о разрешении на строительство церкви в озерной пустыни (жития согласуются с историей - в августе родился Иван IV). Великий князь разрешения не дал и «понуди» игумена вернуться во Введенский монастырь, да так «понуди», что, хоть преподобный Корнилий какое-то время от него и скрывался, уже в следующем году к игуменству вернулся.

В Вологде сохранились два документа Корнилиева монастыря, датированные оба 7039-м г.: в одном, «данной», без указания дня-месяца (т. е. он был составлен в период с 1 сентября 1530 г. по 31 августа 1531-го) получателем вклада назван старец Корнилий, во втором, жалованной грамоте великого князя Василия III Ивановича от 16 ноября 1530 г., игуменом обители указан Кассиан. Последняя грамота представляет особый интерес.

Менее чем через 2 месяца после смерти великого князя Василия (3 декабря 1533 г.) она была подтверждена от имени наследника, но опять Корнилию (!): *«Князь велики Иван Васильевич всеа Руси по сей грамоте пожаловал Пречистые Корнильева монастыря старца Корнилия з братьею или по нем игумен будет со всем*

с тем, как в сей грамоте написано. Рушити ее грамоты не велел никому ни чем. Лета семь тысячъ четьредесят второго февралья 11дня. А подписал дьяк Федор Мишурин».

Получается, что преподобный Корнилий в самом деле на какое-то время устранился от настоятельства «Пречистые Корнильева монастыря». Не сразу, но вняв царскому «понуждению», уже в 1531 г. (причем еще до 1 сентября, т. е. до начала 7040-го) преподобный вернулся и оставался настоятелем Комельской обители как минимум до начала 1534 г.

Что же происходило в эти годы у Сурского озера? Утверждение Геннадиева жития, что Геннадий с братией, невзирая на отсутствие великокняжеского разрешения, вскоре после ухода Корнилия из пустыни храм в ней все-таки построил, разделяет Н.А. Зонтиков. Но такое самовольство вызывает большое сомнение: как-то странно выглядит оно для иноков обители, чей устав придает особое значение благословению.

Н. В. Понырко подчеркнула в житии преподобного эпизод, весьма ярко свидетельствующий «о том, как неукоснительно требовал авва Корнилий соблюдать уставление ничего не делать без благословения настоятеля. Инок, пекший хлеб на весь монастырь, забыл благословиться на дело у игумена. Испеченный хлеб учитель велел погрузить на телегу и, увезя за пределы монастыря, повергнуть на дороге», - разве мог такой авва благословить ученика поперек великокняжеской воли?

Нет оснований и для утверждения, что средства на строительство приозерной обители пожаловал великий князь Василий Иванович, - никаких документов его времени, связанных с Сурской пустынью, на сегодняшний день нам не известно.

Наконец, должны мы затронуть и весьма трудный вопрос. Как известно, датой кончины преподобного Корнилия является 19 мая, и общепризнанно, что это 1537 г. Однако П. М. Строев указал 1538-й (правда, серьезный исследователь не привел никаких обоснований)! В житии преподобного и в литературе об обоих угодниках упоминается набег казанцев, который вынудил старца Корнилия укрываться с Комельской братией (в одних списках - в Кириллове монастыре, в других - на р. Ухтоме). Во всех комментариях как само собой разумеющееся относят эти события к зиме 1537/38 г. Этот самый знаменитый набег казанцев, многократно описанный в литературе и зафиксированный документами, принес огромный ущерб и Корнилиеву монастырю. Именно после него была дана обители от имени Ивана IV не раз упоминавшаяся нами жалованная грамота, предоставлявшая монастырским крестьянам

пятилетние льготы после опустошений. (О льготах Введенской обители «били челом» игумен Лаврентий с братией, ему и была «дана грамота лета 7046 [1538], июня в 17».)

Но если преподобный почил в 1537-м, то от этого нашествия ему уже не надо было бы укрываться!.. Смеем предположить, что этой логикой и руководствовался П. М. Строев, «исправляя» год кончины святого Корнилия. Тем не менее категорично полагать, что сюжет с татарским набегом - хронологическая ошибка инока Нафанаила не следует. (Г. И. Фадеева подчеркнула, что в сочинении игумена Алексия нет ни одной даты! Добавим, нет их и в житии преподобного Корнилия, как и в большинстве других житий, - «Для Бога времени нет!») Речь в написанном Нафанаилом житии могла идти и о менее опустошительном зимнем походе татар 1536/37 г.: основной отряд казанцев тогда напал на Муром и сжег его посад (возглавлял поход сам казанский хан Сафа-Гирей), но другой отряд дошел-таки до пределов Вологды. Более того, и предыдущей зимой волжские татары там побывали.

Процитируем один из списков жития преподобного Корнилия:
«Потреба же есть и се сказати о составлении монастыря от ученика блаженнаго Генадиа именем. Сей убо юн сый возрастом прииде ко блаженному отцу в монастырь, иноческаго жития сподобляется от него. И много лета пребыв у него в совершенном послушании, всякими добродетelmi украшен сый, тем и святыи зело любляше его ради добраго благаго его произволения и цветущих в нем добродетелей, и моляше Бога о нем отце, еже совершити ему добре течение. И по многих летех сей убо Генадий желанием побеждаем, еже наедине безмолствовати. Святыи же прежде отшествия его ко Господу впаде в болезнь, и повеле преже реченному Генадию служити себе. Он же обрет время открывает свою мысль и молит преподобного, глаголя: «Отче святыи, издавна душа моя желает наедине безмолствовати, благослови мя убо после твоего живота в пустыни твоей пребывати». Отвеща старец рече ему: «Не можеш места того строити без книжну ти сушу». Он же со слезами начат глаголати: «Отче честныи, аз не строити желаю, но грехов своих плакати, благослови мя убо, отче». Виде же святыи, яко с верою просит, благослови его рече: «Господь Бог и Спас наш Иисус

Христос с тобою и Пречистая Богородица помощница ти буди, и место то воздвигнется, и ты от мног познан будеши». И по преставлении святого, и по благословению игумена отиде Геннадие в пустыню, и милостию всемилостивого Спаса и помощью Пречистья и молитвами старца Корнилий созда монастырь чуден».

С учетом сделанных замечаний вполне убедительным представляется ход событий, близкий изложенному в Вологодском житии аввы Корнилия. Старец ушел в озерную пустынь после 1526-го, но не позже 1528 г.; настоятелем Комельского монастыря становится некий игумен Кассиан. Пока тот в ней правит, преподобный Корнилий, невзирая на указание великого князя, отказывается вернуться в свою обитель, и в 1-й половине 1531 г. возвращается в Введенский монастырь игуменом. После 1534 г. благословляет преемника - игумена Лаврентия и живет в обители уже безмолвствующим старцем. Он покинет ее из-за казанского набега на некоторое время, а после возвращения заболел и почил 19 мая 1537 г.

К 1520-м гг. Геннадий стал из всех комельских иноков учителю ближайшим по духу, он сопровождал преподобного все последующие годы, в том числе и в отходе из монастыря в озерную пустынь. Вероятно, был вместе с учителем и позже, вне Комельского монастыря и пустыни. Во время болезни преподобного Корнилия (конец 1536 - начало 1537 г.) он получил благословение, но сам окончательно ушел в пустынь уже после кончины учителя.

Итак, пустынь на берегу Сурского озера была основана до 1528 г. преподобным Корнилием. После его возвращения в Комельский монастырь, вплоть до его кончины, она, скорее всего, оставалась в запустении.

(Предположение Н.А. Зонтикова, что еще Василий III предоставил монастырю налоговые льготы, вряд ли можно принять. Автор ссылается на жалованную грамоту Ивана Васильевича из фондов РГАДА, «в которой упоминается аналогичная, более ранняя, утраченная». Однако в этом документе, опубликованном А. В. Антоновым, - к нему мы еще вернемся - ясно говорится о сгоревшей предыдущей грамоте, жалованной самим Иваном, а не его отцом.)

Обитель была возобновлена преподобным Геннадием в самом конце 1530-х гг. и с тех пор начала обустриваться. К сожалению, именно об этом, самом трудном периоде, история не сохранила ни одного

документального свидетельства.

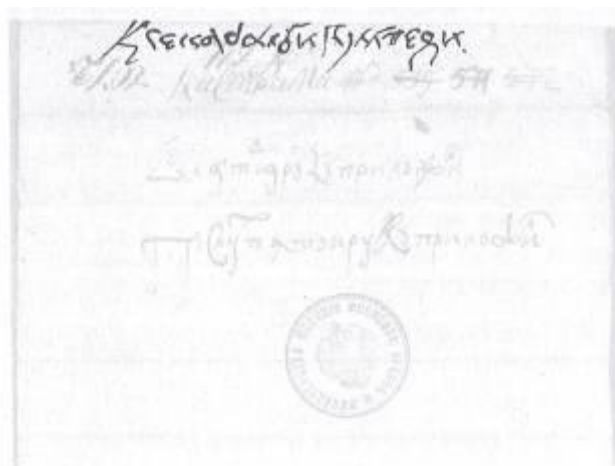
ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕННАДИЙ И ЕГО ОБИТЕЛЬ

«Не можеша места того строити, без книжну ти сущу», - сказал ученику преподобный Корнилий. Но быть «без книжну» в устах бывшего дьяка, книгописца, автора устава отнюдь не означает неграмотности буквальной. Среди документов Спасской обители, опубликованных А. В. Антоновым, есть один, 1563/1564 г. с подписью преподобного старца.

Да, строитель Геннадий не оставил собственной рукой написанных заветов. Но ведь та высота, до которой Господь попускает подняться человеческому разуму, не грамотностью определяется. Не только «премудрые грамматики» угодны Ему. Преподобный Геннадий был удостоен одного из редких божественных даров - предвидения. И не будет преувеличением сказать, что именно этот дар мог стать в конечном итоге краеугольным камнем в судьбе будущего Спасского монастыря...

Самые ранние из документов, связанных с приозерным монастырем и известных нам сегодня, датируются 7053 и 7054 гг. Этими актами, так называемыми данными, костромские землевладельцы жертвовали «в дом Преображению Спасову и чудотворцу Сергею» «строителю Геннадью» свои вотчины. Из них видим, что, по крайней мере, в 1545 г., в обители было уже два храма - Спасо-Преображенский и Сергиевский, и хозяйство пустыни уже достаточно окрепло: в первой данной указано, что «вотчину деревню Колебино» у речки Перье вкладчики Нелюбовы дали не просто «в наследие вечных благ», но «за долг отца своего и за свой долг за сорок рублев» - сумму тогда весьма внушительную. (О вкладах в монастырь и займах из его казны мы скажем ниже.)

Костромской краевед протоиерей Михаил Диев писал в XIX в., что монастыри и храмы Костромской земли в церковном отношении находились «в непосредственном управлении священноначальников земли Русской».

«К сей кабале игумн Геди» — рукоприложение преподобного Геннадия
к данной 1563/1564 г. Оборот. РГАДА

Настоятелю православной пустыни близ слияния Обноры и Костромы в этом случае надлежало по важным вопросам начального устройства обращаться в далекую Москву. Но история не сохранила по пустыни никаких документов святителя Макария (он возглавлял русскую кафедру с 1542-го по 1563 г., память 30 августа) и его предшественников, митрополитов Иоасафа и Даниила. Вне всяких сомнений, довелось уже строителю Геннадию к этому времени побывать в стольном граде. И в первую очередь не на митрополичьем дворе, а в царских приказах (хотя бы чтобы получить ту самую, сторевшую через несколько лет, жалованную грамоту) - все выше и выше поднималась над властью Церкви великокняжеская власть, еще не увенчанная царским титулованием. Быть или не быть монастырю, ведалось ею.

В один из таких приездов строитель Геннадий вполне мог оказаться в доме окольного Романа Юрьевича, где и произошло событие, описанное в житии преподобного. Тут надо заметить, что привел настоятеля в палаты окольного, скорее, не чин хозяина - в Московской Руси он был очень высоким, вторым после боярского. Важнее могло быть иное.

О потомках Федора Андреевича Кошки, боярина при великих князьях Дмитрие Донском и Василии I, - о влиятельном, многочисленном и разветвленном клане Кошкиных, Захарьиных-Яковлевых и Захарьиных-Юрьевых и пр. и пр., - об их неоспоримом, но не всегда однозначно

оцениваемом вкладе в историю Русского государства, написаны целые тома, пишутся и ныне. Конечно же, при упоминании Романа Юрьевича никогда не забываются историками две ремарки: его дочь Анастасия стала первой женой царя Ивана IV Васильевича (соответственно матерью царя Федора Иоанновича - последнего на русском троне Рюриковича), а от сына Никиты пошло начало царского рода Романовых - Михаил Федорович был его внуком.

А вот о самом окольничем Р. Ю. Юрьеве (по деду, боярину и воеводе Юрию Захарьевичу, его часто называют Захарьиным-Юрьевым) исторические сведения скудны и отрывочны, как и о связях знатного клана с Костромским уездом. Но связи были: известно, что еще родоначальник Захарьиных, внук Федора Андреевича, боярин Василия Темного Захарий Иванович Кошкин владел здесь землей, а его сын, знаменитый боярин Яков Захарьевич Кошкин-Захарьин в конце XV в. был наместником половины Костромы. Поэтому сказать, что конкретно могло привести настоятеля далекой озерной пустыни в тот дом, мы не можем.

Но именно здесь, писал игумен Алексей, в московских палатах явил преподобный Геннадий свой провидческий дар и предсказал грядущую судьбу младшей дочери хозяина Анастасии, которой было тогда чуть больше десяти лет: «Ты еси роза прекрасная и ветвь плодоносная, будеши нам государыня царица». Пророчество исполнилось в 1547 г.: 16 января состоялось венчание Ивана Васильевича на царство, а 3 февраля Анастасия, выбранная им, как пишут, из полутора тысяч девиц, стала первой русской царицей.

Стремительного возвышения в конце 1540-х - начале 1550-х гг. своих детей (да и укрепления влияния других родственников), безусловно связанного с женитьбой царя, Роман Юрьевич не увидел - умер за четыре года до свадьбы дочери.

Историк Б. Н. Флоря отмечал: «Особенно быстро вознесся брат царицы Данила Романович. Накануне царской свадьбы он стал окольничим, уже в марте 1547 года занял один из важнейших государственных постов - пост дворецкого Большого Дворца, а весной 1548 года получил боярский сан [по другим данным, в том же 1547-м]. После взятия Казани [1552] он, дополнительно к своей важной должности, получил и пост казанского дворецкого [но не надолго]. При ведении переговоров о перемирии с Великим княжеством Литовским в 1552-1553 годах литовские паны - рада (члены совета при великом князе Литовском, аналогичного русской Боярской думе) обращались к Даниле Романовичу

как к одному из первых вельмож государства». Добавим, хотя и хорошо известно участие Д. Р. Юрьева воеводою во многих делах (например, при Казани и в Ливонии), где сыскал он известность, более значимо было именно участие в непосредственном управлении страной - он входил в узкий круг ближних бояр.

Тут надо сделать отступление. Не легко и не быстро шел переход от удельного управления к централизованному. Формирование общегосударственных органов управления, разделение функций между ними для нас сегодняшних, с Интернетом и мобильной связью, выглядит не всегда логичным, даже путанным. Казалось бы, есть некая территория, которая отдается государем в управление своему назначенцу. Но в ее границах располагаются земли не только царские (а среди них особняком стоят те, жители которых обеспечивают особые нужды самого государева двора, - ими командуют специальные ведомства; приказ Большого дворца, например, отвечает за все его продуктовые нужды), но и поместные-вотчинные, и церковные. А у них свои права жалованные. Потому и важны для понимания той жизни любые документы, разделяющие и регламентирующие права и обязанности разных землевладельцев.

ЦАРСКИЕ ГРАМОТЫ ПУСТЫНИ

Именно с именем брата царицы Анастасии связана очень важная для Спасского монастыря, первая из дошедших до нас жалованная грамота, на обороте которой значится, что от имени царя и великого князя Ивана Васильевича летом 1548 г. ее «приказал боярин и Дворецкой Данило Романович Юрьев»:

«Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми строителя Генадья и братьею. Что мне бил челом о том, что у него была моя грамота жалованная, и та де у него грамота згорела, а осталось у него с тое грамоты противень.

И мне бы его пожаловати, дати ему новую грамоту жалованную, такову ж, какова у него была, с тово противня слово в слово. И ож будет у него такова грамота жалованная была, и яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, того строителя Генадья з братьею, или по нем игумен или иные строители будут, пожаловал, дал есми в дом к Преображенью Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа в Костромском уезде в Корнилъеве пустыне в Новой на Сурском озере межю дву рек Костромы и Обноры около

кругом и межю дву волостей Кулиги и Осека землицы и деревень, починки, и озерцо с ыстоком. И хто у них почнет у них в деревнях жити священников, дьяконов, и слух, и людей, и монастырских крестьян, и тем их людем и крестьяном не надобе моя, великого князя, дань, ни померное, ни ям, ни пятно, ни мыт, ни явка, ни намеснич, ни тиунов корм, ни праведников побор, ни к сотуцим, ни к десятицим, ни к дворским с черными людми и тянут ни в какие проторы ни в розметы».

«Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми строителя Генадья и братьею...» - царская грамота на монастырские вотчины в порубежье Ооецкой и Кулижской волостей Костромского

уезда. 1547/1548. РГАДА

Царская грамота 1547/1548 г. Оборот.
Подтверждения царей Ивана Васильевича 1551, Федора Ивановича 1584
и Дмитрия Ивановича 1605. РГАДА

Но не менее, чем эти «налоговые льготы», важно было и определение «судебной подведомственности»: «*А наместници наши костромские и волостели костромские и их тиуни не судят ни в чем. ...А ведает и судит строитель Генадей з братьею своих крестьян сами и всем или кому прикажут. ...А кому будет какво дело их приказчиков и до свещелника и до дьяконов, ино сужу их яз, царь и великий князь, или мой дворетцкой*». Ну, если уж возникнет у кого до этих людей «какое дело, и то по них шлет моего, великого князя, пристава данного одново, который дан, и он им пишет один срок в году - на Рождество Христово. А опороче того срока иных сроков намetyвати есми не велел. А хто их опричь того данного пристава даст на поруку и срок на них накинет силно, и яз и м к тому сроку ездити не велел».

Нет нужды объяснять, что льготой было даже распоряжение: «*А боярские люди и иные, хто ни буди, к монастырским свещелником и к людям и ко христьяном на пир и на братчины незваны не ходят. А хто к ним на пир и на братчины приедет незван пити, и они того вышлют вон безпенно. А не пойдет вон, а учнет у них пити силно, и учинитца у них какова гибель, и тому та гибель платить вдвое без суда и исправь*».

Значимы были и освобождения от выделения подвод и проводников для ямщиков, гонцов и даже для князей, бояр и *ратных воевод* (которые должны были, кроме того, «в их селех и в деревнях ни у кого силно не ставятца, ни кормов, ни подвод не емлют»).

Особо оговаривалось право на беспошлинный провоз товаров и грузов по стране: «... священники и старци и люди монастырские на Москве и в которм городе ни буди Московские земли купят что ни буди в монастырь, или монастырское продадут на Москве или в которм городе ни буди, или повезут повытие которого села и из деревень в которой город ни буди, и они с того тамги, ни померново, ни явки, ни весчего, ни поворотного, ни отвозного, ни мытого, ни перевозов, ни мостовщины, ни иных ни которых пошлин не дают».

В публикации А. В. Антонов дал этой грамоте название «Жалованная подтверждательная данная, тарханно-несудимая, односрочная, на данного пристава, заповедная (от незваных гостей и

ездоков) и тарханно-проезжая» - по ней монастырь, бесспорно, становился почти полновластным хозяином в своих владениях. Следующая царская грамота конкретно назвала земли, на какие распространялись эти пожалования:

«И яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, строителя Генадья з братьею, или по нем иныи строитель и игумен в том монастыре будет, и теми четырма деревнями и двема починки тое ж Кулишские волости деревнею Павловкою на реке на Павловке что в спуске у Егория святого, чашича пути, деревнею Коротополовою, деревнею Радилцовою Лыцовым, деревнею Настасьиным, починком Охотиным что на реке на Павловке, починком Попиралцовым, что поставил был те починки князь Иван Пенинской на волостной земле, пожаловал и з лесом з бортным и с езом что на реке на Костроме у деревень у Карганова да у Коротополова и с оброком с медвяным и з денежным, что шло с Каргановского ухояя и с езу, со всем с тем, что к тем деревням и к починкам исстари потягло. А дал есми те деревни и починки, и лес бортной ухояй, и ез в дом Преображения Спасова и чудотворца Сергия за свое здравье и по своих родителех в вечной поминок. А строителю з братьею на мои имянины пети молебн собором и обедня служити о нашем здравье и на братью корм большой и милостыня. А по моих родителей преставльшихся по памятем строителю з братьею пети понахиды и обедни служити собором и на братью корм большой с милостынею.

А хто у них в тех деревнях и в починках учнут житии людей и хрестьян, и тем их людем и крестьянам не надобе моя, царя и великого князя, дань, ни ям, ни пятно, ни мыт, ни явка, ни наместнич, ни тиунов корм, ни праведчиков, ни довтчиков побор, ни к сотцким, ни к десятицким, ни к дворским с черными людьми Кулишские волости не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, не дадут ни чего, опричь ямских денег. А нашим наместником костромским и волостелем и их тиуном о суде и всем людем велел ходити, как у них в нашей жаловалной монастырской грамоте написано».

Грамота была дана в Москве 18 июня 1550 г., но в феврале 1551 г. Стоглавый собор утвердил новый Судебник, в нем была статья 43-я, которая предписывала «... торханных вперед не давати никому; а старые тарханные грамоты поимати у всех». Поэтому уже в мае состоялся в Москве общий пересмотр прежних жалованных грамот и подписание их на царское имя.

Новая Корнильева пустынь представила обе имевшиеся грамоты, и в один день, 17 мая, они были подписаны отвечавшим за пересмотр царевым дьяком Юрием Сидоровым. Но теперь уже с изъятием из обеих некоторых податных льгот: «... *опричь ямских денег и посошные службы и тамгито им давати*». Это требование выплат весьма значимых для казны сборов было тогда общим для подавляющего числа монастырей (мало того, с некоторых предписывалось еще и получение «*и окупных денег, и мыта, и пищальных денег*»).

В первой грамоте, кроме того, была изменена подсудность монастырского клира: «*А кому будет чего искати на их священникех и на дьяконех, ино их судит отец наш митрополит всеа Руси, а людей их и крестьян сужу яз, царь и великий князь, или мой дворецкой Болишого дворца*».

Тем самым фактически отменялось еще одно «льготирование» тархана 1548 г.: «*Также есми их пожаловал, что у них в монастыре и в селех и в деревнях храмов священников учнут служити, и тем священником и дьяконом митрополиту и епископу дани не давати, ни десятильником, ни заещиком к ним не въезжати ни по чти*». Восстановление на Руси в 1551 г. святительского суда над духовенством потребовало и сбора средств с клира на содержание митрополичьего судебного аппарата.

Здесь нельзя не сказать о судьбе дьяка Юрия Сидорова. Он известен не только по огромному числу подписанных им в мае 1551 г. грамот и другой государственной службе, но и по значительным личным вкладам в знаменитые вологодские монастыри, в том числе по украшению серебряными окладами трех икон в Ферапонтове. В июле 1570 г. был казнен. Кстати, и князь Иван Андреевич Ленинский - он происходил из рода князей Оболенских, служил брату Василия III Ивановича князю Андрею Старицкому - также был казнен по воле Глинских в 1537 г., а его сын Федор, последний в роде Оболенских-Пенинских, по известию князя А. М. Курбского, был убит самим царем Иваном Грозным в 1544 г. Непредсказуемость личной судьбы любого государева слуги на Руси

всегда сопровождается и заметной непоследовательностью власти в ее же законах.

Мы уже упоминали «Сказание игумена Алексия к пастырю дому боголепного Преображения и преподобного аввы Геннадия». Не зря ученик преподобного призывает братию приносить «должную молитву с прошением строения убогой пустыне». Он уповает не на то, что «видя Господь Бог моления ваши и прошения», все устроит промыслом Своим. Нет! Русский монах своего времени, он смиренно принимает, что Всевышний, услышав искренние молитвы, лишь «известит православному Царю и детям его» о них. Бывший игумен Алексей, лично общавшийся с грозным царем, хорошо знает, что самодержец, и только он, может на Руси «возставить убогую пустынь великой лаврой, как и города созидает». Но может и не «возставить»: «Мне говорил самодержец великороссийский, православный царь и великий князь Иоанн Васильевич: живи ты, игумен, да имей расход по приходу, если же не по приходу расход, и ты “скатерти урежи”».

Вот и получается: дал царь тархан, а потом урезал пожалование. А следующий самодержец вообще может все по-своему повелеть... Эта непредсказуемость видна по дальнейшей судьбе двух грамот Спасо-Преображенской пустыни.

Тарханную грамоту (с учетом изъятия 1551 г.) игумену Иову в 1584-м Федор Иванович «велел... подписати на свое, царево и великого князя, имя». В 1605 г. самозванец, но венчанный на царство, Дмитрий Иванович даровал игумену Кириллу такое же решение. Повторим, с изъятием части льгот.

Тем не менее до этого, в октябре 1599 г., игумен Никандр получил от царя Бориса Федоровича Годунова другую грамоту, повторяющую все жалования 1548 г.,-тарханную! И именно ее подтверждали потом и цари Василий Иванович Шуйский (в 1607 г. игумену Кириллу) и Михаил Федорович Романов (в 1613 г. игумену Гедеону)...

А летом 1617 г. был начат новый общий пересмотр монастырских грамот. В 1623 г. царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич *«сее грамоты слушав, указали по нашему государскому уложению переписать вновь на наше государское имя, а сее жаловальную грамоту указали, подписав на наше ж государское имя, отдати Костромского уезда Преображенского монастыря Генадъевы пустыни игумену Гедиону з братьею впредь для спору вотчинных земель и*

всяких вотчинных крепостей, а о всем указали ходити по тому, как в нашей в новой государской грамоте нынешняго 131-го году написано».

Список упомянутой новой грамоты сохранился в ГАЯО, однако, как и другие десятки документов монастыря в этой коллекции, он до сих пор и не опубликован, и не изучен... Есть в этом собрании подлинник еще одной грамоты, которая была дана монастырю боярином Даниилом Романовичем от имени царя Ивана Васильевича 2 февраля 1554 г. По копии XIX в. ее опубликовал А. В. Антонов:

«По цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии слову, от боярина и дворецкого Данила Романовича на Кострому езовому приказщику Нечая Дмитрееву, или по тебе на Костроме иной езовой приказщик будет. Тобе еси дал из царевых и великого князя житниц в Костромской уезд в Корнилиеву новую пустыню строителю Генадию з братьею шестьдесят четвертей ржы да шестьдесят четвертей овса в старую московскую меру годового, и вперед бы ты, Нечай, или по тебе на Костроме иной езовой приказщик будет, в Корнильеву пустыню строителю Генадью з братьею, или в той пустыне иной строитель или игумен будет, тот хлеб давали на их срок на Стретенъев день по штидесяти четвертей ржы да по штидесяти четвертей овса. А посулов бы есте и поминков у строителя у Генадья з братьею от того не имали, и к нам бы строитель Генадей з братьею о том хлебе на Москву бити челом не приежжали. А неунете на их срок хлебы ржы и овса строителю Генадью з братьею давати, а от того учнете имати посулы, а строитель Генадей з братьею о том хлебе учнет, приежжая, бити челом, и вам от царя и великого князя бытии в опале, а тот хлеб рожь и овес, и волокиту, и проестъ велит на вас, на приказщикех, доправити вдвое.

А прочет сю грамоту, отдавали б есте ея строителю Генадью з братьею назад, и они ея держат вперед иных для наших приказщиков езовых.

Писана лета 7062, февраля в 2.

*А отвозили б тот хлеб рожь и овес в тот монастырь Кубанских сел крестьяне.
Дьяк Захарья Панфилов».*

Перед тем как перейти к разговору о владениях обители, обратим внимание на то, что в грамотах молодого царя Ивана Васильевича, как и в более поздних «царских подписаниях» вплоть до 1613 г., монастырь назывался Новой Корнильевой пустынью. Подчеркнем, именно так именовали свой монастырь в челобитных на имя царей и первый настоятель-строитель Геннадий, и его преемники вплоть до игумена Гедеоны. Это название фактически было официальным. По всей видимости, в Москве времен царя Ивана хорошо знали детали биографии игумена Корнилия, к которому отец царя, великий князь Василий, обращался с просьбой молиться о «чадородии» в его Комельском монастыре. (И осторожно можем еще предположить, что до первой, сгоревшей, грамоты пустынь числилась за обителью основателя - Введенской Корнилиевою.)

Трудно объяснить, что вызвало принципиальное изменение названия монастыря в «подписании» 1617 г. (заметим, при том же игумене Гедеоны, что и за четыре года до этого). Ведь уже состоялось, напомним, всецерковное прославление преподобного Корнилия. Единственным возможным объяснением этому может стать представление в Москву списка жития преподобного Геннадия и других сочинений старца Алексия, их одобрение, при этом пустынь значилась костромской, а Кострома, как известно, именно в это время много чего получала... Но это - только предположение.

Есть второй важный момент, на который следует обратить внимание: нет оснований говорить о каком-то исключительном внимании царя Ивана IV к обители. Объем пожалований в грамоте 1548 г. особо ничем не отличается от государевых «жалований» не одному десятку других русских монастырей в так называемых тарханно-несудимых, тарханно-проезжих и т. п. грамотах, наделявших получателей податным и судебным иммунитетом. Нельзя назвать выдающимся и земельные пожалования Сурской обители во 2-й грамоте. Наконец, отнюдь не было редким и назначение хлебной руги.

Одновременно следует признать, что и внимание к монастырю брата царицы не выходило за пределы «прямых должностных обязанностей» дворцового: в непосредственном ведении приказа Большого дворца находились и чашнич путь, к которому относились царские бортовые ухаи, и сбор и распределение зерновых запасов, и рыбные ловли (для чего, например, на реках и создавались запруды из кольев - устраивались езы). Более того, дела монастырей в те времена, вообще, ведались именно

этим приказом. При этом все сказанное ни в коей мере не опровергает возможности существования более тесных личных отношений строителя Геннадия с царем Иваном, царицей Анастасией и боярином и дворецким Даниилом Романовичем. А они были, этому есть свидетельство.

В Никоновской летописи имеется запись о крещении первой дочери Ивана Васильевича и Анастасии Романовны, царевны Анны (она прожила всего год). Крещение состоялось в Новодевичьем монастыре 18 августа 1549 г., «действовал священническаа игумен Троицкий Сергиева монастыря Серапион Курцов», ставший через два года архиепископом Новгородским. Ему сослужили два будущих преподобных, Адриан Ондрусовский (+ 1550; память 26 августа) и «старец Геннадий Сарарайские пустыни», которого большинство интерпретаторов текста летописи без сомнений отождествляют со строителем пустыни у Сурского озера. (Удивительно, но в некоторых вариантах текстов жития преподобного Адриана его сослужителем при крещении царевны называется игумен Григорий Пельшемский, общепринятой датой кончины которого считается 30 сентября... 1441 г. или после 1449 г., но в любом случае задолго до рождения преподобных Адриана и Геннадия-?! В житии самого преподобного Григория события 1549 г., конечно же, не упоминаются.)

Выбор подвижников из столь далеких от столицы обителей, с берегов Ладожского и Сурского озер, не был случаен - основания этому находим в их житиях. Когда-то дворянина Андрея Завалишина, будущего игумена Адриана, на уход в Валаамский монастырь, как и позднее юного Григория, будущего строителя Геннадия, идти в обитель к игумену Корнилию, благословил один и тот же провидец - преподобный Александр Свирский.

В выборе тех, кто будет совершать первое в жизни дочери таинство, царственные родители вряд ли обошлись без совета святителя Макария. Но и выдающийся митрополит на жизненных путях пересекался с преподобным Александром, который именно его святительскому попечению завещал перед кончиной свой монастырь. И именно в деяниях Макариевского Собора 1547 г. среди имен тех, кому предписывалось «пети и праздновати повсюду новым чудотворцом в Русской земли, что их Господь Бог прославил», встало имя Свирского преподобного. Так что выбор старца Геннадия для сослужения в крещении царского первенца выглядит обоснованным именно личными знакомствами действующих лиц.

Сведений об участии преподобного Геннадия в крещении других детей Ивана и Анастасии, о чем иногда пишется, в документах не имеется. Как не существует и зафиксированного предания, что в далеком приозерном «монастыре воспитывался Федор, сын Ивана Грозного» (что такое предание есть, утверждалось в одном современном издании).

МОНАСТЫРСКАЯ ВОТЧИНА

Если посмотреть на современную административную карту Любимского района, то в Ермаковском сельском поселении в левобережье Обноры без труда найдем севернее монастыря почти все деревни и починки, перечисленные в жалованной грамоте 1550 г. Хотя и стали они деревнями малолюдными, но старые названия сохранили почти неизменными: на реке Павловке стоят и Павловка, и Охотино, между ними, чуть в стороне, Картополово, еще севернее - Настасьино, а юго-восточнее Павловки, ближе к берегу Костромы, расположилась деревня Карганово, давшая имя бортным угольям.

Как четыре с лишним века назад на взгорке у деревни Обнорской высится «Егорий святой» - церковь во имя Победоносца бывшего села Георгиевского на Обноре (построенный в 1829 г. каменный храм стоял на погосте, при нем были лечь дома настоятеля и псаломщика, а народ жил в деревне - в сотне саженой). А вот с деревней Радилцово-Лысцовом - незадача, имя ли она сменила, или вообще исчезла, смогут сказать только специалисты по исторической географии.

Через десять лет после царской жалованной грамоты, «лета 7068-го мая в 30 день», костромские царевы писцы отмерили строителю Геннадию « в Костромском уезде в Теперском [Тепринском] стану чашичича пути деревню на речке на Секшее. И всего строителю Генадью з братьею по помети отмерили две деревни, пашины в обеих деревн [я]х середние земли сто сорок пять четвертей в одно [м] поле, а в дву по тому же». (Деревни Халдеево теперь нет - она вошла в состав Ермакове, которая обхватила оба берега Секши.)

Решение писцов, заметим, не было окончательным, оно оставалось за государем: «И вы б, все крестьяне тех дву деревень, строителя Генадья з братьею, ил [и] кому вас прикажут, слушали, па [ш]ню пахали и оброк платили, чем вас строитель з братьею изоброчат, до тех мест, как царь государь велит им на те деревни свою жаловалную грамоту дати». Дана ли была царем грамота, подтвердившая права пустыни на эти две деревни, а также были ли еще какие-либо царские пожалования,

не известно.

Для всех русских монастырей, по крайней мере, не меньшее значение, чем царские пожалования, имели вклады вотчинников, дарения сел и денежных средств - «вклады по душе». Приозерная пустынь, живущая по общежительному уставу, данному основателем, не была исключением. Принимал их и строитель Геннадий, и его преемники -14 таких документов, данных, опубликованы А. В. Антоновым, из них почти ю были адресованы самому преподобному.

Мы сталкиваемся тут с очень интересной проблемой. Еще в 1551 г. была провозглашена обязательность утверждения царем всех земельных приобретений монастырей. Она касалась не только купли-продажи: *«вперед архиепископом, и епископом, и монастырем вотчин без царева великого князя ведома и без доклада не покупати ни у кого, а князем и детем боярским и всяким людем вотчин без доклада не продавати ж. А кто купит и кто продаст вотчину без доклада, и у тех, кто купит, деньги пропали, а у продавца вотчина, а взяти вотчина на царя и великого князя безденежно», но и дарений: «а кто без государева ведома в которой монастырь вотчину свою даст по душе, и та вотчина у монастырей безденежно имати на государя».* Так вот, ни одного документа, прямо свидетельствующего о практической реализации этого царского указа, нет! То есть, данная на конкретный вклад «в вечный поминок» сохранилась, а специальная грамота, санкция на закрепление за монастырем именно этой вотчины, отсутствует. Хотела централизованная власть взять под контроль все, но не могла. Лишь по прошествии какого-то срока, иногда весьма значительного, при проведении очередной ревизии земель уезда писцами, ими фиксировались сложившиеся к этому моменту реалии, при этом рассматривались и документы, и утверждения владельцев селений и земель, что «исстари потягло» к тем деревням, «куда топор, коса и плуг ходил исстари»...

В собрании монастырских документов в ГАЯО есть выписи из писцовых книг Костромского уезда и другие документы, которые могли бы уточнить историю всех пожалованных и вложенных в обитель селений, но это дело будущего.

А.В. Антоновым опубликован список с писцовой выписи, датированный им 1599-1600 г., фиксирующий межевание земель бортного Каргановского ухоя - «пасеки», пожалованной монастырю царем Иваном Васильевичем за полвека до этого. (В документе сказано,

что собиравшиеся бортниками в царскую казну полтора пуда медяного оброка с ухоязя надлежит теперь сдавать в Геннадиев монастырь.)

Выясняется, что угодья располагались по обоим берегам реки Костромы. (Как известно, в ходе административной реформы Екатерины Великой земли левого берега Костромы - нагорной половины Костромского уезда - остались в Костромской губернии, а часть территории правобережной - луговой его половины в 1777 г. отошла в Ярославское наместничество, а в 1796-м стала Любимским уездом Ярославской губернии.) Очертить сегодня точные границы Каргановского ухоязя вглубь от берегов Костромы сложно. В ярославской части из названий речек, по которым шла межа, на карте остались только Руша да Кореш и Кобылье болото, из деревень в выписи упоминается только Тимино. Но можно сделать вывод, что западные границы угодья располагались на противоположном от пустыни, правом берегу Обноры.

С границами в костромской стороне разобраться еще сложнее: где теперь та «борть виловатая», по которой шла межа ухояжу, если и речек Нюкши и Колгоры на карте не стало? Деловые отношения с вотчинниками Андомской волости (названной по реке Андоме, ныне Андобе) Костромского уезда возникли, вне всяких сомнений, на раннем этапе становления пустыни. Уже зимой 1551 года старцу Вассиану (видимо, казначею пустыни) вдовой Гневаша Никитича Лихарева Офимией и сыном Семеном была дана закладная на тамошние их вотчины, деревню Фоминскую (в ней был храм Димитрия Прилуцкого) с деревнями Захарово, Васильево и починком Нечайково. Лихаревы заняли в монастыре серебром очень большую сумму в «триста рублей денег московских ходячих от Зборного до Ильина дня Пророка». (В первое воскресенье Великого поста в Древней Руси духовенство собиралось к архиерею для совещания о церковных делах - поэтому Сборное). Долг предполагалось отдать до Ильина дня, «ино ся кабала на ту отчину и купчая грамота». Обращает на себя внимание обязательство: «А за рост нам те деревни пахати на монастырь и сено косити».

Через двадцать лет, уже при игумене Алексие, от Лихаревых «по душам их» монастырю переходят почти два десятка деревень и починков, расположенных близ рек Андомы и Шачи и озера Медвежьего. Однако оставим этот вопрос костромским краеведам - нам следует заняться вотчинами в Осецком стане, ставшими много лет спустя ярославскими.

Основная часть документов связана с разветвленным родом

Нелюбовых и их соседями (позднее, судя по всему, ставшими родственниками) Бедаревыми. Постепенно, с 7053 по 7089 (1544-1581) г., они вкладывали в монастырь свои вотчины близ реки Перье (с XIX в. - Перья) - деревни, пожни, наволоки.

Несколько документов касаются села Григорьевского, которое когда-то было, видимо, разделено на части между наследниками, и на протяжении тридцати с лишним лет соответствующие доли вкладывались каждой из ветвей Нелюбовых-Бедаревых по отдельности. Только сложно разобраться с их вкладами: во-первых, полностью село, судя по всему, так и не перешло обители, во-вторых, уже в XIX в. на карте уезда близ Перья не значился ни один из топонимов, упомянутых в данных! Ни соседних деревень Колебино и Лабуниной, ни наволоков, ни пожней.

Тем не менее две детали помогли: в данной 7062-го г. при описании межевания в самом селе упоминается церковь Ильи Пророка. На реке Перье впоследствии было только одно село с главным престолом во имя Пророка - Бедарево. Кроме того, на обороте другой данной, 7074-го г., на приклейке имеется помета XVII в.: «Вкладные на село Бедарево з деревнями разных вкладов». То есть село уже более трехсот лет назад получило нынешнее название, по владельцам, а их далекий потомок построил в 1762 г. каменный Ильинский храм, дошедший до наших дней.

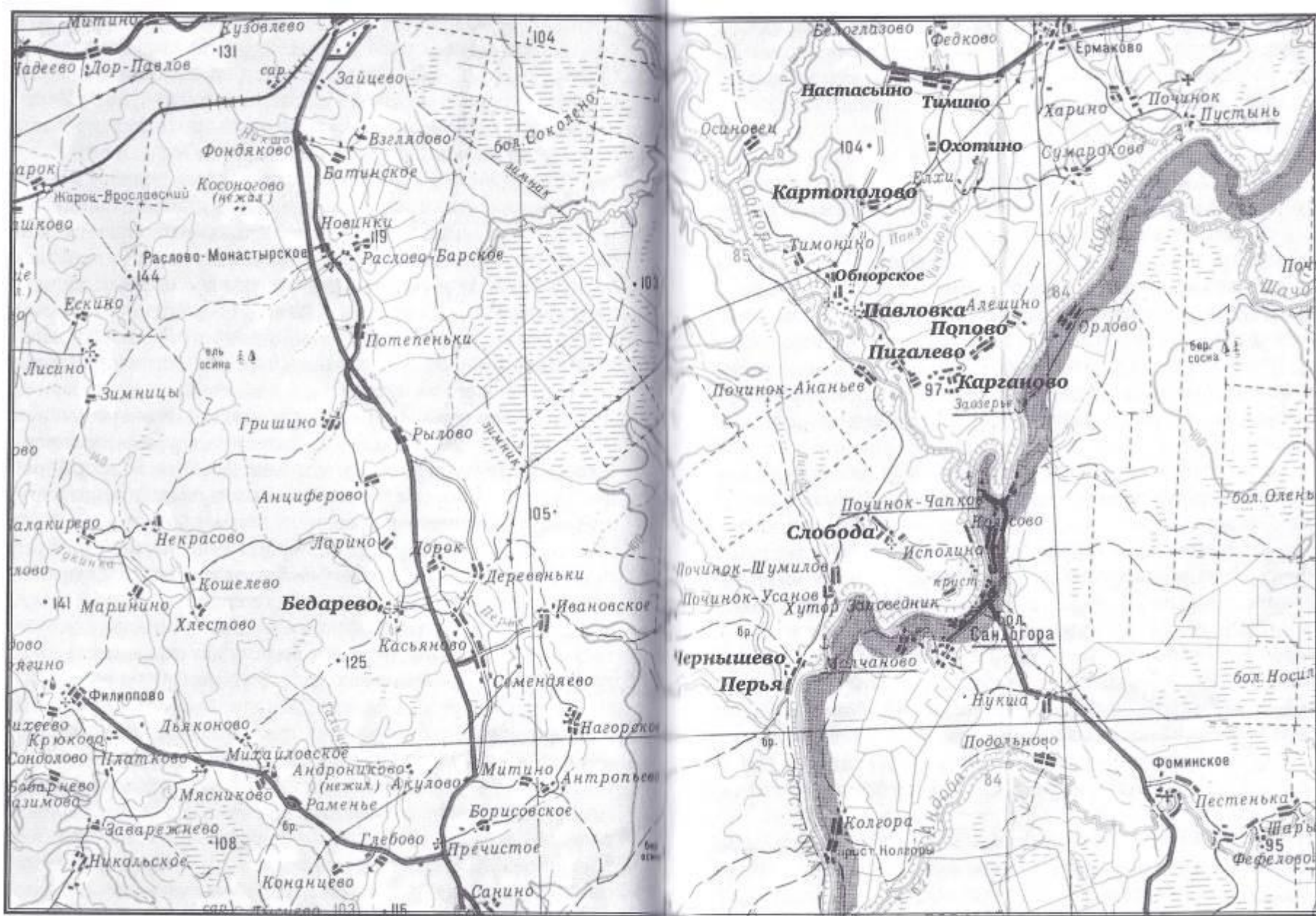
С этим соотносится и данная 7074-го г. игумену Герасиму на деревню Дорок. Обе эти бывшие вотчины монастыря относятся сегодня к Осецкому сельскому поселению, а деревня Чернышова, не раз упоминавшаяся в данных, - к Ермаковскому. К этим бывшим нелюбовским-бедаревским вотчинам «издавна тянули» и отхожие пожни и наволоки вдоль Костромы между реками Перьей и Линдой - они тоже отошли монастырю, так что владения обители в правобережье Обноры также были немалыми.

Еще раньше, в 7054 г., от Василия Федорова сына Бедарева монастырю перешла часть берега Костромы от речки Сурвы (ныне - Сурба) вверх по течению, а также половина самого «Сурсково озера и с истоком» этой речушки. Получается, что царское пожалование озера лишь фиксировало более ранний вклад соседей-вотчинников?

Игумен Иосиф Волоцкий писал, для чего должны монастыри принимать царские пожалования и вклады по душе: «надобе церковные вещи строити и святые иконы и святые сосуды и книги и ризы, и братство кормити и поити и одевати и обувати, и иные всякие нужи исполняти, и нищим и странным и мимо ходящим давати и кормити». Эти взгляды

разделял и основатель пустыни у Сурского озера, преподобный Корнилий, им следовал и первый настоятель монастыря, выросшего из пустыни.

Подведем итог. Именно при строителе Геннадии, менее чем за три первых десятилетия, были заложены имущественные основы будущей самостоятельности обители, сформированы центры монастырских вотчин в низовьях Обноры и Ан-домы, охватывающие и соседние, более мелкие притоки Костромы (Перью, Кореш, Линду, Сурбу, Павловку, Секшу, Шачу и др.) Все это стало возможным благодаря личности преподобного: высокие пожалования - его личным связям с царским двором, вклады вотчинников - несомненному авторитету в их глазах (подчеркнем, во всех данных и закладных дом Преображенья Спасова и Сергия Чудотворца если и назывался пустынью, то только Геннадиевой - у костромских вотчинников и писцов монастырь связывался только с его именем!). Благодаря его настоятельскому дару и мудрости владения обители закреплялись и процветали. Таким образом, следует признать: именно при преподобном, и в значительной степени его трудами, завершилось в этих краях освоение земель, весьма удаленных от старых городов Московского государства (при нем, кстати, началось и происходило становление Любима, ставшего позднее административным центром округа). В этом видится одна из важных граней общероссийского значения Геннадиевого монастыря, характерная для всех обителей Северной Фиваиды.

Села и деревни бывшей вотчины монастыря. 1970-е

Перед тем как посмотреть, что удалось сделать в самой пустыни ее первому настоятелю, забежим вперед и скажем, что спустя два века в ходе масштабной церковной реформы императрицы Екатерины II, завершившей начатые Петром преобразования, почти вся земельная собственность вместе с крестьянами у Русской Церкви, а значит и у Геннадиева монастыря, была изъята в казну, управление селами и деревнями перешло к ведомству Коллегии экономии, обителям были утверждены штаты и назначено казенное содержание. И Корнилиев, и Геннадиев монастыри стали третьеклассными...

Согласно последней до учреждения штатов ревизии за монастырем по обоим берегам Костромы было несколько сел: Павловка, Обнорское, Буяново, Никольское, Сухоруково и Фоминское с 39 деревнями и в них 1376 душ крестьян. Кроме этого, монастырь владел двумя мельницами на реках Обноре и Алдоме, а также бортным лесом Коргановским.

После секуляризации отмежеванной обители земли в 1774 г. состояло под монастырем и кельями - 3 десятины 1216 сажень, под огородом и скотным двором - 1680 сажень, под выгоном - 2 десятины, «сенокоса, образовавшегося от особенной части Сурского озера», - 2 десятины 132 сажени, под Сурским озером - 8 десятин женьей, всего же удобной и неудобной земли состоит в участке 24 десятины 1863 сажени.

В участке «по местному названию “Озерки” земли, данной монастырю для выпаса скота и сенокоса, 25 десятин 120 сажень и под прогоном 1080 сажень.

3 десятины 1080 сажень сенокосной земли принадлежит монастырю с 1729 г. в участке «по местному названию “Игуменский Наволок”».

В участке «по местному названию “Забелино”», данном монастырю с давних времен на вечное поминовение, числится на реке Костроме 6 десятин 253 сажени и под «половинами» рек Костромы и Забелинки - 2 десятины 114 сажень. Под «бичевником» - 1 десятина 70 сажень. Удобной и неудобной земли в этом участке 9 десятин 437 сажень.

Однако в быту, в народной памяти связь с бывшими хозяевами указами не регулировалась. И в начале XX в. при описании прихода села Павловка указывалось, что весь самый многочисленный в округе приход когда-то составлял монастырскую вотчину. Прихожанами Введенского

храма (каменная церковь заменила в Павловке деревянную в 1774-м, а через полвека были пристроены приделы Святителя Николая и Геннадия Чудотворца) тогда были жители села, деревень Пигалево, Каргалово, Попово, Чернышово, Перьи, Картопалово (Картополово), Настасьино, Тимино, Охотино, Геннадиева слобода и починков Ананьиной, Шумилова и Усанова - всего три с половиной тысячи человек. Причт был вдвое "больше обычного для сельских храмов: два священника, диакон и два псаломщика.

В храме села Успенского на Секше также был придел, посвященный преподобному Геннадию. К этому протяженному приходу, ограничивающему территорию Павловского с севера и востока, относились и жители деревень Ермакове и Халдеево.

Георгиевская церковь одноименного приобнорского погоста имела свой малый приход: деревни Обнорское, Тимонино и Осиновец.

В середине XVIII в. Ярославский Спасо-Преображенский, Борисоглебский, Алексеевский Угличский и Любимский Спасо-Геннадиевский монастыри были одними из самых богатых в епархии - число принадлежавших им душ мужского пола у первого превышало 10000, у каждого из остальных названных было более 1200, тогда как у прочих монастырей епархии насчитывалось 300-600 душ. (Для сравнения укажем, что Корнилиеву Комельскому монастырю принадлежали в это время 2822 души мужского пола крепостных крестьян в Вологодском, Пошехонском и Переяславском уездах.)

Очевидно, что именно процветание Геннадиевой обители послужило тому, что после упразднения Ярославского Спасо-Преображенского монастыря и передачи его территории под Архиерейский дом, переводимый в Ярославль из Ростова, монахов из Ярославского монастыря перевели в 1788 г. в Любимский Спасо-Геннадиев.

К тому времени, когда вклады недвижимости в монастыри были вновь разрешены, из всех владений обители, помнящих о временах преподобного, ей принадлежали только мукомольная мельница с маслобойней на Обноре у деревни Пигалево и рыбная ловля на Костроме, сдававшиеся в арендное содержание.

В начале XX в. Спасо-Геннадиев монастырь, помимо небольшого количества земель (они также сдавались в аренду и приносили обители

ежегодный доход), обладал и лесными угодьями. В пустоши «Обуховой», находящейся близ рек Никши и Обноры, дровяного и строевого леса и кустарника значилось за обителю 54 десятины и 129 саженей. Эта пустошь, вложенная помещицей Буйского уезда Костромской губернии Натальей Сипягиной, из-за отдаленности была малоудобна и не использовалась. Монастырь заготавливал дрова из 80 десятин леса, расположенного всего в версте и отведенного ему в 1891 ц. Костромской казенной палатой из казенной Павловской дачи.

Обители принадлежали также два деревянных, на каменных фундаментах дома на Любимской улице в Ярославле (на территории современного Бутусовского поселка), пожертвованные крестьянином Батариним в 1893 г. Один - одноэтажный, на другом в 1902 г. устроили второй этаж, оба были крыты железом, занимали их постояльцы.

Во владении монастыря находился деревянный флигель на Галичской улице в Любиме (на каменном фундаменте, крытый железом, с конюшней и сеновалом во дворе). Здесь пребывала икона Преподобного Геннадия, когда приносили ее в город, также находили здесь пристанище насельники обители в случае приезда их в город по монастырским делам. (В двух кварталах от этого дома, в Предтеченской церкви на Обнорской набережной, имелся придел во имя Геннадия Чудотворца.)

Бесспорно, определяющей в финансовой самостоятельности обители была роль денежных пожертвований - Спасо-Геннадиеву монастырю принадлежало более 90 000 рублей в процентных бумагах и на сберегательной книжке. Очевидно, что ежегодные проценты на этот капитал превышали государственное содержание, назначенное при Екатерине Великой вместо изъятых вотчин (в 1900-е гг. монастырям 3-класса полагалось на год 711 рублей 42 копейки - на все нужды обители и ее штата из игумена, казначея и 32-х монашествующих (!).

ИТОГ ЗЕМНЫХ ТРУДОВ

Среди комплекса документов, опубликованных А. В. Антоновым, особо стоит описание обители, которое было составлено всего через несколько месяцев после кончины преподобного Геннадия.

К этому времени уже не было в живых ни царицы Анастасии, скончавшейся в 1560-м, ни боярина Даниила Романовича, он умер 27 ноября 1564-го, не оставив от двух жен прямых потомков. Но значение

могучего клана Захарьиных при дворе Грозного царя не уменьшилось, без них не решались самые важные вопросы, особенно сильны оставались Юрьевы - продолжателем рода на государственной службе стал младший из братьев, Никита Романович.

Уже с царской свадьбы пользовался он вместе с братом Даниилом огромным влиянием на царя (стал окольным в 1549 г.), сопровождая его во многих поездках и походах. Как и брат, не раз участвовал воеводой в боевых делах, однако в боярское достоинство был пожалован только в 1562/1563 г., а вскоре, после смерти брата, стал и дворецким.

«Лета 7073-го [1565], мая в 4 день, по Цареве и великого князя грамоте и по приказу боярина и дворецкого Микиты Романовича Юрьева, костромской городской приказчик Григорей Салманов сын [Немиров] описал монастырь Костромьского уезда Енадьевы пустыни Преображенья Спасова.

Церковь Преображенья Спасова, а в церкви образов: Деисус - на празелене, венцы на золоте; двери царские на золоте; да образ месной Преображенья Спасова - семи пядей, на золоте, а у него венец серебрян позолочен, а в венце три жемчюги, да семь гривен серебряны золочены, да цата серебряна золочена; да образ местной Воскресения Господа Бога нашего - на золоте, семи ж пядей; да образ местной Пречистые - на золоте, семи ж пядей; да образ Преображенья Спасова - обложен медью, позолочен, в киоте, четырех пядей; да образ Пречистые Одегитрее - на золоте семи пядей, а у нее две цаты серебряны золочены, да три гривны серебряны, да гривна серебряна не золочена; да образ местной Двенатцать месяцев - на золоте; дверь саверская [царская], на лазори писаны притчи евангельские; да в олтаре образ запрестольная Пречистая - на золоте трех пядей; да крест большой выносной на золоте; да на тябле образов: образ Пречистые Умиление - обложен серебром, позолочен; образ Пречистые Володимерские - обложен серебром, позолочена, пядница; образ Иван Богослов - обложен серебром, позолочен, цата серебряна, золочена; образ Великий мученик Никита - обложен серебром, венец...»

Хранящаяся в Российской государственной библиотеке копия середины XIX в. на этом обрывается.

Повторим еще раз, «Отписной список Геннадиевой пустыни», подлинник которого хранится в ГАЯО (лишь с полутора из девяти листов которого была сделана московская копия), уникален - ни по одному, например, монастырю или храму города Ярославля ни одного их столь детального описания XVI в. нам не известно!

Благодаря этому документу строки жития: «... *преподобный Геннадий... все сотворил в пустыни: и церковь Божию воздвиг, и украсил иконами и книгами и всякою утварью церковной. Множащейся в пустыни братии воздвиг он и вторую церковь, теплую, во имя преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, и украсил ее, так же, как и первую*» - могут быть наполнены подлинными подробностями, воссоздающими земной итог трудов Сурского подвижника, и храмоздательных, и по обеспечению монастыря.

И хотя его научная публикация и детальное изучение - дело будущего, уже сейчас можем сделать несколько очень важных замечаний (документ прочитала для нас замечательная Светлана Викторовна Севрюкова).

Во-первых, копиистом в XIX в. была допущена ошибка: «костромской городской приказщик Григорей» не «описал», а *отписал* «монастырь... Енадьевы пустыни» (заметим, костромич опять называет пустынь Геннадиевой, а не Корнильевой!). Кроме текста первого листа подлинника и на его обороте есть пометы о рукоприкладствах преемника преподобного, строителя Иосифа, священника Михаила и чернеца Симона, и каждый из них именуется документ отписным списком, а не описной книгой.

Разница важна, т. к. в документе и речи нет о том, что перечисленное имущество *описывается* для конфискации в пользу государя. Напротив, «по приказу “боярина и дворецкого” этот документ зафиксировал перечень, или *список* предметов и имуществ, принадлежащих обители.

Во-вторых, в подлиннике есть сведения о приделе в Спасо-Преображенской церкви: «*Да в том же храму предел на полатех, во имя преподобного отца Оксентия*». Посвящение такое не часто встречается, с ним следует разбираться внимательно, сначала остановимся на устройстве храма.

Размещение придела на хорах в церквях того времени не редкость, в том числе и в шатровых (в переписной книге Осецкого стана Костромского уезда 1629-1630 гг., опубликованной Холмогоровыми, зафиксировано: Спасский храм имел шатровое завершение - «древяна вверх»). Кроме того, ярославский Отписной список уточняет: церковь имела паперть - «перед церковью в паперти, образ деисус на красках». Скорее всего, конструкция деревянной Преображенской церкви была не чисто шатровой, а смешанной, и клеть основного ее объема была немалой, что позволило устроить хоры.

Храм, возведенный трудами преподобного Геннадия, оставался деревянным около века: в 7137 (1638/1639) г. он сгорел, что и стало поводом для обещания возобновить собор с приделом уже в камне. (Нельзя исключить, что это был уже не первый разрушительный пожар: еще ходатайствуя перед Иваном IV о новой жалованной грамоте, писали, что имевшаяся ранее сгорела. А где как не в монастырской ризнице-казне было хранить столь важный документ? Из списка не ясно, имела ли в обители отдельная постройка для нее, или документы и ценности сберегались в специальных помещениях в храмах: содержимое «казны» перечисляется в нем в трех разных местах текста.)

В списке перечислены и иконы Сергиевской церкви, к которой также был устроен прируб: «Церков теплая ..Сергий чудотворец... в трепезе деисус двою пядей на красках». Значатся в документе и колокола «на колоколнице», явно стоящей отдельно (см. подробнее в главе о монастырской колокольне), и имущество в других строениях: «да на погребе два оловяника яндова меденая. в трепезе пят чаш меденых. В поварне выест (?) одно и судов двои, четыре котлы меденые. веко меденое три сковородки шесть сковородок белых».

Вернемся к посвящению придела церкви Преображения Спасова. Православный месяцеслов включает дни памяти трех преподобных Авксентиев. Безусловно, нельзя категорически исключить посвящение придельного престола во имя преподобного Авксентия, сподвижника святителя Космы, епископа Халкидонского в защите православной веры от еретиков-иконоборцев в IX в. (память им 1 мая/18 апреля). Не исключено также, что имелся в виду другой подвижник и целитель древности, который прославился как обличитель ересей на IV Вселенском Соборе в Халкидоне в 451 г, которому даровано было увидеть духовным

взором из своей уединенной горной кельи кончину святого Симеона Столпника (память этому преподобному Авксентию 27/14 февраля).

Но придел в храме Преображения Спасова в пустыни в середине 1560-х гг. мог быть посвящен не подвижникам древности, а преподобному Авксентию, вологодскому и перцевскому - пустынножителю в дремучем лесу, в 35 верстах от Вологды близ нынешнего Грязовца, где он поселился в 1499 г. ^с другом своим, Онуфрием. Сведения о них очень скудны: «Основанная ими пустынь с храмом во имя Святой Троицы называлась Перцев ой, или, по другим источникам, Персовой. До самой своей блаженной кончины подвизались в ней иноки, терпеливо перенося всевозможные невзгоды среди сурового, непроходимого леса. Время преставления преподобных Онуфрия и Авксентия не известно. Уже ближайшие потомки почитали перцевских подвижников как святых угодников Божиих. Их имена были внесены во все старинные святцы. По древним рукописным святцам, память их - 12 июня... В 1588 году эта пустыня была приписана к монастырю, основанному преподобным Корнилием Комельским, а в 1764 году упразднена. Мощи преподобных Онуфрия и Авксентия погребены под спудом в Троицкой церкви, ставшей приходской. Позднее это место перешло к Вологодскому Горнему женскому монастырю, и там был устроен скит для инокинь».

И время, и место духовных подвигов перцевских подвижников заставляют предположить их знакомство с игуменом Корнилием. А может быть, и со строителем Геннадием. К сожалению, вопрос о взаимосвязях обителей Северной Фиваиды изучен недостаточно...

Однако важно еще и то, что обсуждаемое посвящение престола, видимо, было уже не первым: в 7058 (1549/1550) г. в данной на «свою вотчину куплю» деревню Залякино и Колотилово наволоку Владимир Васильевич Морозов адресует вклад «в дом Спасу и Живоначальной Троицы и чудотворцу Сергию». Поскольку указаний на третий храм в пустыни ни в документах, ни в житиях нигде не встречается, то следует считать это свидетельством о Троицком приделе главной церкви. Подчеркнем, Троицкий престол упоминается единственный раз и только в этом из всех опубликованных

А. В. Антоновым документов. (Отдельный интерес представляет личность вкладчика. Не принадлежал ли В.В. Морозов, купивший вотчину на речке Перье, к одному из древнейших московских боярских родов? Уж

не тот ли это боярин Владимир Васильевич Морозов, про которого князь Андрей Курбский писал «много лет был мучим в тюрьме, а затем казнен»? А ведь Морозовы не раз роднились с Захарьиными... Кстати, в отписном списке 1565 г. его данная, «Володимера Василевича на деревню на Залякино», значится среди других грамот, хранящихся в обители.)

Вопрос о наименовании придела еще сложнее: позднее его престол переосвящался, причем не исключено, не раз... (Мы вернемся к нему в главе о главной святыни обители.)

В-третьих, Отписной список перечисляет иконы, поставленные трудами преподобного в монастырских храмах. В летнем храме, помимо названных в цитате, приведенной по копии, в подлиннике значится еще три десятка образов, практически все они - пядницы. (О размерах надлежит сказать особо. Не следует полагать, что все были строго одного размера, 17,78 см - к 7 английским дюймам древнюю русскую меру длины приравняли только в 1835 г. Знарок сокровищ Кириллов-Белозерского монастыря, архимандрит Варлаам, в середине XIX в. писал: «В старину «пядницами» назывались все иконы, которые были менее одного аршина, а потому и мерялись пядями или четвертями; пядницы были большие и малые». Добавим, использовалась еще и «средняя» пядница, но переписчики редко вдавались в такие подробности. Современные ученые соглашаются: пядница - это образ, имеющий в высоту от пяди до аршина, т. е. примерно от полутора до семи дециметров.) Мы даже не будем пытаться ни анализировать перечень образов в храмах пустыни, ни сопоставлять его с иконами собора Корнилиево-Комельского монастыря (они заслуженно отмечаются в собрании Вологодского музея) или с более поздними сведениями об иконах в Геннадиевом монастыре, а также пытаться реконструировать конструкцию иконостаса - это дело специалистов по древнерусской иконописи. Позволим себе только констатировать несколько важных фактов.

1. Документ не содержит никаких указаний на вложение каких-либо икон конкретными вкладчиками. (Например, про иконы местного ряда иконостаса собора Свяжского Успенского монастыря (освящен в 1561 г.) - «Троица», «Успение Богоматери», «О Тебе радуется», имевшие серебряные оклады с драгоценными камнями, - в описях не забывали пометать: «царского строения», про медное паникадило: «государева данья».) Тем не менее отсутствие подобных сведений не опровергает

полностью сообщений авторов изданий XIX - начала XX в. о том, что в их время в иконостасе Спасского храма стояли бесценные дары: «Направо от царских врат дар царицы Анастасии Романовны: иконы Спасителя и Преображения Господня... Слева от царских врат также дар царицы Анастасии, иконы Владимирской Божией Матери и Успения».

2. Ярославский список позволяет говорить о богатстве икононого убранства в далекой пустыни. В соборе лишь деисус и две иконы придела писаны, соответственно, «на пра- зелене» и «на красках», остальные - «на золоте»; некоторые украшены: «обложен серебром позолочен», «обложен серебром, венец скань серебряна», «пелена бархат червчат, опушена бархатом черным», «пелена шита шелком на тафте на червчете» и т. п. Материально ценные детали писцами заносились всегда весьма скрупулезно, например, учтены «две цаты серебряны позолочены да три гривны серебряны золочены; да гривна серебряна незолочена» - не только массивные оклады, венцы и цаты, даже привески-гривны, которые приносили богомольцы с благодарностями. Но только одна из икон украшена жемчугом: «образ месной Преображение Спасово семи пядей на золоте, а у него венец серебрян позолочен, а в венце три жемчуги да семь гривен серебряны золочены, да цата серебряна золочена». Поэтому «предание, что царский дар был украшен жемчужными окладами, с драгоценными камнями, но все это разграбили поляки, которые разорили монастырь в 1609 г. », о чем писал К. Р. Романов в 1909 г., - наш документ не подтверждает.

Хотя вполне возможно, что уже после кончины преподобного такое убранство могли приложить к образам, в том числе и сам грозный царь, а алчные смутьяны - богохульно прибрать к рукам.

3. Обратим внимание на имевшиеся в обители иконы русских святых. Помимо образа самых первых из них, князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, и икон Преподобного Сергия (в том числе его видение), связанных с посвящением престола теплого храма, был и образ его ученика, преподобного Димитрия Прилуцкого. В подлиннике значится в соборе и вторая икона Святого Никиты, но другого: «Микита Чудотворец, венец шит золотом», - возможно, это икона Переяславского чудотворца Никиты Столпника, мощи которого были обретыены в 1556 г. В том столетии, особенно после поставления святителя Макария на митрополичью кафедру и его Собора 1547 г., по Руси распространилось

почитание Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия - значится и их икона.

Есть все основания говорить, что строитель Геннадий и братия монастыря хорошо знали о современных им изменениях общерусского месяцеслова и о появлении новых святынь. Этому соответствует наличие еще двух икон, получивших распространение именно в первой половине XVI в.: «Пречистые о народе молит, обложен медью, позолочена пядница» и «Шестоднев, двою пядей, на золоте». Первая - это широкоизвестная ныне как извод Боголюбской иконы Богоматери: Она изображена в молении перед Христом со свитком в руке, а перед Пресвятой Богородицей во главе коленапреклоненного народа изображены молящиеся о нем святые (например, известна соловецкая икона того времени с преподобными Зосимой и Савватием).

Вторая, ныне реже встречающаяся, известна специалистам в двух вариантах: 1) в шести клеймах непосредственно иллюстрируется библейский рассказ о сотворении мира (Быт. 1); 2) дни недели отождествляются с определенными христианскими праздниками: неделя (воскресенье) - Сошествие во ад (Воскресение), понедельник - Собор архангелов, вторник - Усекновение главы Иоанна Предтечи, среда - Благовещение, четверг - Омовение ног, пятница - Распятие и суббота - Суббота всех святых. (Оба варианта могут объединяться в одной иконе.)

Для ярославцев несомненно интересно, что в соборе костромского монастыря у Сурского озера стоял «образ Ярославские чудотворцы на золоте пядница». Почти нет сомнений, что это икона благоверных князей Федора и чад его, Давида и Константина, прославленных еще в XV в., после вхождения Ярославского княжества в состав Московского. Но и исключить, что это князья Василий и Константин, нельзя - после обретения их мощей в 1501 г. почитание благоверных братьев вышло за пределы Ярославля.

4. И в соборе, и в его приделе значатся «сосуды церковные оловянные», а «паникадило медено» (в соборе еще одно есть - «меньшее оловянное» и «три свечи месные большие. подсвечник меден немецкое дело»). Паникадило в Сергиевской церкви тоже немецкой работы. Перечислены ризы и епитрахили, стихари (учтен и «третьей камчат ветшан») и скатерти, ширинки, «фата безинная»...

Ярославский список называет в монастырской «казне» и книги:

Евангелия и Уставы, Октоихи и Соборники, Минеи и Триоди, Лествица и Апокалипсис, разных размеров и богатства: «в десь», «в поддесь» и «в четверть», «с евангелисты с медеными», «поволочено отласом цветным» или «выбойкою», «камкою». Хотя только в одном месте оговорено, что «четыре евангелисты толковых повседневные писаны скорописью», следует полагать, вряд ли много из них в середине XVI в. были печатными (если вообще были) в весьма внушительном по тем временам собрании - пять десятков книг! Было потом, что красть диакону, упомянутому в чудесах преподобного. (Как установила знаток ярославской книжности Е.В. Синицына, помимо названных в чудесах клирика Севастиана и диакона Прохора позднее в обители продолжали переписывать книги - по крайней мере, два сборника, созданных у Сурбского озера, хранятся ныне в Российской государственной библиотеке.)

Отдельно перечислены «правоустанавливающие» документы - «царского же жалованья три грамоты с красными печатми на монастырские деревни», данные на вотчины и пр., посчитаны все кабальные документы: «кабал на монастырские ж крестьян на шесдесят рублев с полтеною. А за волостных кабал на пятнатцат рублев з гревною».

Учтен в списке хлебный и денежный доход с вотчин. Было спрошено и о наличных: «а денег в казне сказали осталос после Енадя пятдесят рублев. И те денги Енадий дал на збериженье Ипатцкого монастыря игумину Васиану». (То есть связи с прославленной обителью в устье Костромы были достаточно тесными. Странно при этом, что в большом корпусе актов Ипатьевского монастыря, опубликованном А. В. Антоновым в том же выпуске «Русского дипломатари», никаких упоминаний приобнорской обители нет.)

Пересчитал городской приказчик и всю живность: «а лошадей в монастыре и по деревням болших десят, а деловых сорок две лошади, а коров и подтелков третцат пят. дватцат овец».

Вот таким преподобный оставил храмы и хозяйство монастыря строителю Иосифу.

Есть все основания утверждать, что преподобный сам выбрал преемника и передал ему бразды дальнейшего строительства своего монастыря. Причём именно этим двум людям, Ипатьевскому игумену Вассиану и спасскому строителю Иосифу, он доверил сбережение и продолжение не только своих земных дел. Им адресовано и записанное игуменом Алексием последнее поучение аввы Геннадия.

ДУХОВНЫЙ ЗАВЕТ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ

Проникновенность строк поучения позволяет нам приблизиться к пониманию искренней, глубокой и светлой веры преподобного Геннадия в правильность иноческого пути, выбранного юным Григорием за полвека до этого.

Сколь строго надо следовать данным когда-то обетам и сколь терпеливо и мудро требуется пастырствовать, чтобы в конце земной жизни быть уверенным, что остающиеся будут вспоминать твою к ним любовь? Как не понять мольбы о бережении созданного совместными трудами и молитвами? Как не увидеть, что призыв следовать данному преподобным Корнилием уставу опирается на десятилетия неуклонной жизни по его духу и букве?

Вслед за поучением мы приводим и текст наставления преподобного Геннадия новонаначальному иноку, дополняющий и детализирующий «Поучение» и дающий нам возможность увидеть некоторые подробности иноческой жизни в обители у Сурского озера. В месте, которое когда-то выбрал авва Корнилий для своей пустыни.

Вчитайтесь...

ПОУЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АВВЫ ГЕННАДИЯ КО БРАТИИ И КО ВСЕМ ЛЮДЯМ

Великой лавры Живоначальной Троицы и Пречистой Богородицы обители Ипатской брату о Христе и присному пастырю словесных овец игумену Вассиану, а также Спасовой обители нашей паствы строителю Иосифу и всему братству нашему.

Говорю вам, духовные мои братья и спостники: для меня день уже при вечере и секира при корени, ибо отхожу уже к судилищу Христову. Ради святой Господней заповеди, не забывайте меня, когда будете молиться, но, видя мой гроб, вспоминайте мою любовь и молитесь Христу, чтобы Он вселил дух мой с праведными.

Вы же, дети мои, бойтесь Бога, повинуйтесь вашим наставникам во всем, по апостолу. Царя православного почитайте, святителей ублажайте, им повинуются все игумены духовною совестью. А вы, мои дети, живущие в

обители Спасовой, повинуйтесь игумену, которому поручена будет паства наша, и покоряйтесь ему во всем с послушанием.

Особенно же умоляю вас и завещаваю, чтобы вы не уходили из сего места без благословения настоятеля. Прекословия брат с братом не заводите, стремитесь к свету, а тьму оставляйте. Пусть жизнь ваша будет по преданию святых отцов и согласна с тем, как нам писал преподобный Корнилий и как в обители нашей установлено иноческое житие.

Тебя же, благочестивый игумен Вассиан, умоляю, не оставь обители сей своею верою.

Вы же, братия и дети мои, не разорайте общего нашего предания и не уклоняйтесь от церковного собора, ибо первая мерзость для монахов — это не ходить в церковь; а пришедши в церковь, стойте без глумления, не пересуживайте, главным образом, и в келейной молитве не ослабевайте, чтобы не изнемогла ваша плоть вместе с душою и чтобы труд ваш не погиб, ибо возбуждением лени сатана лукавый хочет монаха живым свести в ад.

Умоляю вас, братия мои и спостники, будьте неленивы во всяких монастырских службах, не скорбите и не унывайте в трудах ваших, ибо труды ваши - для того, чтобы иметь возможность есть и пить. На пастыря во всяком случае не ропщите, ибо ропшущий чернец приготовляет себе гибель. Равным образом, со вниманием слушайте учительное слово и творите благие и добрые дела, ленивых возбуждайте к службе и к молитве, святыни Божией не отлучайтесь: если монах шесть недель Святых Таин не причастится, то он не монах.

Еще же умоляю вас, братья мои, не крадите монастырских орудий, ни хлеба, ни овощей, и не выносите за монастырь ради своих прихотей. Одежду имейте все равную, по келиям всякой пищи не имейте, из трапезы хлеба не выносите, исключая крайней нужды и болезни. Пусть питание ваше происходит в трапезе и будет для всех равное; пусть еда и питье будут в надлежащее время; на трапезе же не объедайтесь и не упивайтесь, ибо это мерзко пред Богом и отягчение и болезнь - для плоти. Непристойно также вам враждовать между собою, ибо заводящие вражду и сквернословцы Царствия Небесного не наследуют; таковы же и те лукавые лицемеры, которые братию свою посылают туда и сюда, а сами и пальцем не касаются дела. О, горе! Пучина горького ада наполняется нерадивыми монахами, праведники же, немного потерпевши и сохранивши Божии заповеди, будут радоваться во веки. Христос вселяет в дом Свой единомышленных. Так-то и вы, дети мои, постарайтесь пройти сквозь тесные врата и прискорбным путем, чтобы приобрести живот вечный.

Слугам же и прочим рабочим повелеваю — не гневаться и не враждовать друг с другом; следует во всем повиноваться настоятелю и слушаться, а братию не оскорблять ни словом, ни делом, не причинять неподобающих дерзостей, а стараться быть угодными всем людям. Орудия монастырские и домашние вещи следует беречь, чтобы ничто из них не гибло. К чужому имуществу не прикасайтесь и отнюдь ничего не похищайте, ибо соби́рание собственного имени великий вред причиняет монаху, а душу предает огню негасимому и мукам вечным. И вы, дети мои, от такого зла и безумия берегитесь и прочим людям напоминайте эти наши слова. Монастырские дела следует исполнять без ропота, неленостно и без мятежа, чтобы не быть лицемерами и человекоугодниками, делая только на глазах, но старайтесь быть богоугодными, за глаза работая верою и правдою. Крестьян не обижайте насилием и среди гостей не превозносите, занимайте последние места, а главное ни с кем не враждуйте и ложных слов о братии игумену не говорите.

Будьте, братья мои, поспешливы на добро и поучайтесь слову Божию во святом Евангелии и в Апостольских писаниях. Храните в дому Спасовой книги, нами приобретенные; следует вам, дети мои, вникать в них и прилагать ум свой к пониманию их: здесь находятся труды святых отцов. Если кто соблюдет заповеди Божии и веру Христову, таковой возрадуется во веки.

* * *

Потом начал преподобный изнемогать и, поболев, в мире предал дух свой в руки Божии. Преподобный отец наш авва Геннадий преставился в лето 7073-е [1565], месяца Ианнуария в 23 день. Богу нашему слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

НАСТАВЛЕНИЕ СВЯТОГО СТАРЦА ГЕННАДИЯ, ПРЕДЛОЖЕННОЕ НОВОНАЧАЛЬНОМУ ИНОКУ

Если пришел ты, брат, ко мне, немощному, грешному и ленивому рабу, грешному более всех в мире; если хочешь жить со мною, грешным, по благословению настоятеля; если хочешь, брат, быть у Бога и отдаешься в послушание для Господа; если хочешь наследовать Царство Небесное и подражать житию святых отцов, как надобно жить иноку.

Первое: надобно более всего любить Бога и брата своего, как себя.

Отличия и преимущества жизни твоей, брат, таковы: не пещись тебе о суетном, ни о живых, ни о мертвых, ни о своем теле, что есть и пить, и чем

одеться; не иметь ни золота, ни серебра, ни лошадей, ни работника, ни другого имущества; не держать у себя ничего, кроме необходимой одежды; из монастыря не ездить и не ходить; не пить ни меда, ни пива, разве по нужде и то по благословиению; не дружить с мирянами ни в чем, не давать им, не брать и не просить у них, не принимать их в келью. Если кто из мирских захочет постричься, или придет старец или брат-странник, то по благословиению позвать его в келью и говорить должное, празднословия не допускать.

К церковному пению ходить к началу и стоять со страхом до конца молитвы; если в силах, не наклоняться к стене, ни к клиросу, не лежать на посохе, не говорить праздных слов. Кто к чему призван, тем и занимайся. На все — наука; а церковь есть земное небо. Если стоишь на молитве без страха, не оберегаешься празднословия и смеха, то больше прогневаешь Бога. Надобно стоять, где поют, и внимать чтению и пению. До обеда, брат, и после эфимона [повечерия] не есть и не пить; от молитвы не уходить для питья воды; пить, пока не начали молитвы. Если на молитве придет немощь телесная или некоторая нужда, то, по благословиению, можно выйти, но сказать мне, почему выходишь. Если не услышишь призыва к молитве или, стоя на молитве, не поспеешь к началу, взять прощение о том; а к чему не поспеешь, по окончании пения прочитать то и потом выполнять келейное правило. Стоя на молитве с братией, говори: «Господи, помилуй» в одно слово с тем, с кем стоишь сряду,— поклон класть также вместе с ним,— ибо так велит чин... После литургии идти из церкви за панагией после братии, а не в ряду, и говорить псалом 144-й; если же проговорил его в келье, то говори молитву Иисусову. Из трапезы идти в келью, также за панагией, после братии, одному за другим, в молчании; на монастыре не оставаться, идя в церковь или трапезу; ни у дверей или окна старца или брата не стоять. Если у тебя есть дело до старца или брата: то иди к нему в келью после обеда или после вечерни, по благословиению, но скажи ему, зачем идешь.

Придя после молитвенного пения в келью, или после обеда, или ужина, должен ты положить 12 поклонов, также за умершего брата; если же такой день, когда не положены поклоны, - то до пояса. Рукоделием занимайся, брат, на монастыре, по силе, сколько можешь, для спасения своего, а на себя или на иного кого не работай и не продавай никому и не нанимайся у мирянина или брата. Если же придет кому особенная нужда и захочешь послужить брату, то, по благословиению, можешь.

Торговлею не заниматься ни с кем, не продавать и не покупать, не брать у брата и не давать ему. К молодым братьям не приставать и не дружить с

ними. Без благословения не выходить из монастыря и не бродить праздно, не вести пустых бесед сидя или стоя в монастыре или вне монастыря, и не ходить по монастырю без нужды. В келье, брат, также не должно быть празднословия, ни споров; и гнева не держи в сердце; если же что имеешь против брата, то со смирением скажи о том и примиришься с ним. Если услышишь от старца или брата о моем невежестве, то, Бога ради, сказывай мне о том наедине, - я глуп и безумен. Чужих вещей не бери на хранение. Что между нами бывает в келье, того из кельи не выноси; но, если увидишь или услышишь худое вне кельи, того не вноси в келью. Знай только церковь и трапезу, да свою келью.

Какую одежду поручат, или какую одежду дадут, ту и бери. Какую пищу или питье поставят на трапезе, ту и вкушай и пей. Не ропщи ни на что, для Бога, помни жития святых отцов... Сказано: «многими скорбями подобает в Царство Небесное внити» (Деян. 14, 22).

О мирских делах не расспрашивай и о монастырских не говори без нужды. О родственниках и друзьях также не допытывайся. Но ты, господин-брат, знаешь более меня... Чем потешит тебя служащий, или старец, то ешь и пей, не рассуждая... Если за обедом или за ужином понездоровится тебе и тебе не хочется есть то, что едят другие, а служащий брат спросит: не хочешь ли ты того или другого, отвечай ему со смирением: воля Божия и твоя да будет; но сам не проси...

Если ты здоров телом, то после всенощной и утрени не спи. Если вчерашний день был на монастырском труде, то после утрени усни, а после всенощной не ложись, - на все опыт, — от того бывает искушение; трудись в молитве и в чтении книг; если не умеешь грамоте, - в рукоделии... Если берет тебя дремота и леность, то борись Бога ради; если не можешь отогнать сна, прими благословение и иди в поварню или хлебную и, что велют, послужи в том... В правиле келейном и церковном не ослабевай, за исключением великой нужды, да испытанный, примешь венец, который уготовал Бог любящим Его (Иак. 1, 12).

Если упал как-нибудь, не лги. Брата не осуждай за недостаток и не радуйся, чтобы самому не впасть в то же, или в иную сеть неприязненную. Таков союз любви. Без него не совершается никакая добродетель. Если придет тебе скорбь от кого, то вини себя и терпи для Небесного Царствия. Если кто унижит тебя, или возведет что на тебя, или причинит великое зло: возверзи на Господа печаль твою (Пс. 54, 23) сам не брани; сам ты не должен досаждать другому, ни гневаться, ни помнить зла, ни завидовать. Такова любовь Божия. Господь сказал: любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас и молитесь за

творящих вам напасть и изгоняющие вас (Мф. 5, 44)...

Если найдет уныние до обеда, когда занимаешься рукоделием, или учишь наизусть, или читаешь книгу, то стань на молитву; если не сможешь победить уныние, то, приняв благословение, иди в поварню или в пекарню и там по благословию послужи с молитвою, любовью и молчанием. Если найдет уныние после обеда, или после вечерни, то читай книги, или иди к старцу, которому особенно доверяешь, посиди у него и зачем пришел, скажи без празднословия, только бездельным не будь. Если приходит блудный помысел, или сонное мечтание, или плотское разжение, то спасайся постом, слезными молитвами, рукоделием, - трудись по силе с молитвою, но не твори своей воли. Если придет ночное страхование, то стой на молитве неподвижно и, воздев руки, говори: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго, помилуй мя, создание Твое... Если находят скверные и хульные мысли, когда стоишь, или сидишь, или лежишь, или идешь: то не обращай на них внимания, а молись Богу со смирением и усердием...

С братьями живи ровно, не кажись очень хорошим. Если и по Боге жизнь твоя, но чтобы не оказалось имя твое выше дел, будь в сердце своем ниже всех, и Человеколюбец Бог избавит тебя от бесовского навета. Если сохранен ты Богом от телесной скверны, то смотри не плошай, - не считай себя в сердце праведником, а повторяй со смирением пророческое слово: в беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя (Пс. 50, 7).*

Тексты публикуются по материалам Интернет-ресурса www.spasi.ru «Православие (Православная страница Николая Ардабьевского)» (Москва).

ИСТОРИЯ В КАМНЕ

Вскоре после того, как в Москве на царство был венчан Федор, сын Ивана Грозного и Анастасии Романовны (18 марта 1584 г.), на берегах Сурского озера бывший игумен Алексей завершил труд над составлением жития своего преподобного учителя и запись чудес, явленных в обители.

По всей видимости, не позже этих, 1580-х гг., т. е. при жизни старца Алексия, пришел в Геннадиев монастырь уроженец Костромы Амос и принял здесь постриг с именем Адриан. Он станет потом известен как Монзенский преподобный Ст 1619; память 5 мая).

23 апреля 1585 г. в Москве умер схимник Нифонт - еще недавно бывший одним из опекунов нового государя, всесильным шурином царя Ивана Грозного, боярином и дворецким Никитой Романовичем Юрьевым. Его старший сын Федор будет пожалован в боярство через два года, а 12 июля 1596 г. в Москве, в родовом дворе недалеко от Кремля, в Зарядье, у боярина

Федора Никитича и его жены княгини Ксении Ивановны родился сын Михаил...

А еще через два года, 3 сентября 1598 г., венчался на царство Борис Федорович Годунов. Через год, 8 октября, государь пожаловал Новую Корнильеву пустынь тарханной грамотой, аналогичной, как мы уже видели, тархану Ивана Васильевича. «Жалования» потомкам Никиты Романовича были совсем другими: на них обрушилась опала. Единственный из братьев уцелел в ней - Федор Никитич, но он с княгиней Ксенией были пострижены, из их сыновей выжил только Михаил...

11 июля 1613 г. молодой правнук окольного Романа Юрьевича Захарьина был венчан на царство, а уже 11 сентября он слушал тарханную грамоту, данную Новой Корнильевой пустыни Борисом Федоровичем, «а выслушав... велел им сее грамоту подписати на свое, цареве и великого князя Михаила Федорвича всеа Руси, имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ни чем, а велел ходити о всем по тому, как в сей грамоте писано. А подписал государев царев и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси диок Иван Болотников».

Однако в июльский день для костромских земель (впрочем, как для вологодских, ярославских и многих других) беды Смутного времени начала XVII в. не закончились. Историк А. Л. Станиславский приводит по дозорным книгам 1615 г. сведения о бесчинствах сторонников атамана Заруцкого в Костромском уезде: «а те крестьяне побиты в прошлом, в 122-м [1613/1614] от казаков... запустела деревня от казачья разоренья в прошлом, 122-м году - высекли тех крестьян казаки... крестьяне от казачья разоренья побрели в мир безвестно». Например, в одной из вотчин «из 50 осталось всего 9 крестьянских и 10 бобыльских дворов; 6 дворов были сожжены казаками в 1613/14 г. и 25 запустели», а их владельцы «от казаков и от черкас посечены и от казачья разоренья разошлись в мир безвестно».

Мы не знаем, когда игумен Гедеон с братией вновь били челом юному царю, что испытания не обошли стороной их далекий монастырь: пустынь разорена «от польских и литовских людей и от русских воров». В обители все строенья, ризы, книги - «все поймали без остатка». Вотчина монастыря также разорена, многие «крестьяне побиты, а иные пойманы в плен». Скорее всего, эти беды случились именно в 1614-м - тогда же, когда «воровские казаки» «наборзе Любим-городок разорили». (Грамота царя Михаила Федоровича в ответ на эту челобитную адресована костромскому воеводе А. С. Колычеву - он ведал уезд дважды, после Смуты в 1614-1615 гг., что также

свидетельствует о разорении монастыря уже после воцарения Романовых.)

Судя по тому, что во всех этих испытаниях государевы грамоты и акты на вотчины обители сохранились, можно сделать вывод, что в отличие от многих и многих других, монастырь полностью не был выжжен. В Ярославле, например, обители Рождества Богородицы и Вознесенская в Толчковой слободе после жестокой осады 1609 г. лишь в памяти народа остались, но только словами «была такая...» - ни строчки в документах, ни камня какого.

Десятки и десятки православных монастырей нуждались тогда в помощи государства, а их земли - в ратаях. Денег в казне не хватало, единственное, что могла дать власть, - освободить на какое-то время землевладельцев от сборов в свою пользу, чтоб те сами как-то жизнь наладили.

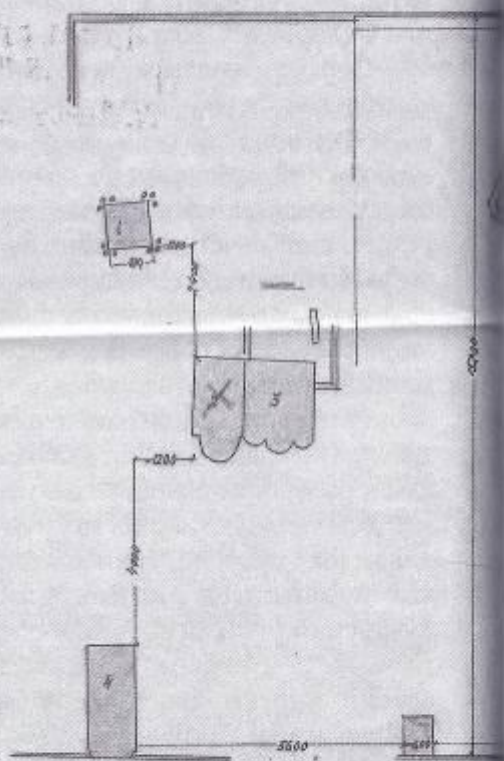
В коллекции монастырских документов ГАЯО хранятся подлинники грамот, освобождавших обитель (повторим, сначала Корнильеву, а с 1617-го - Геннадиеву) от взимания податей и хлебных запасов на два года (не раньше 1614); от оброка с меда, который собирался в бортных лесах (1615); от кормовых и поворотных денег «за намеснич доход» (1617).

Сколько раз упоминались некоторые из этих грамот в печатных материалах о монастыре и его первом настоятеле, но так и нет до сих пор научной публикации всего комплекса. Мы с тобой увидели, уважаемый читатель, насколько оказались полезны для понимания истории Геннадиевой обители тексты грамот, представленные в подборке А. В. Антонова. Ярославский комплекс сулит еще большие возможности.

ГЕНПЛАН

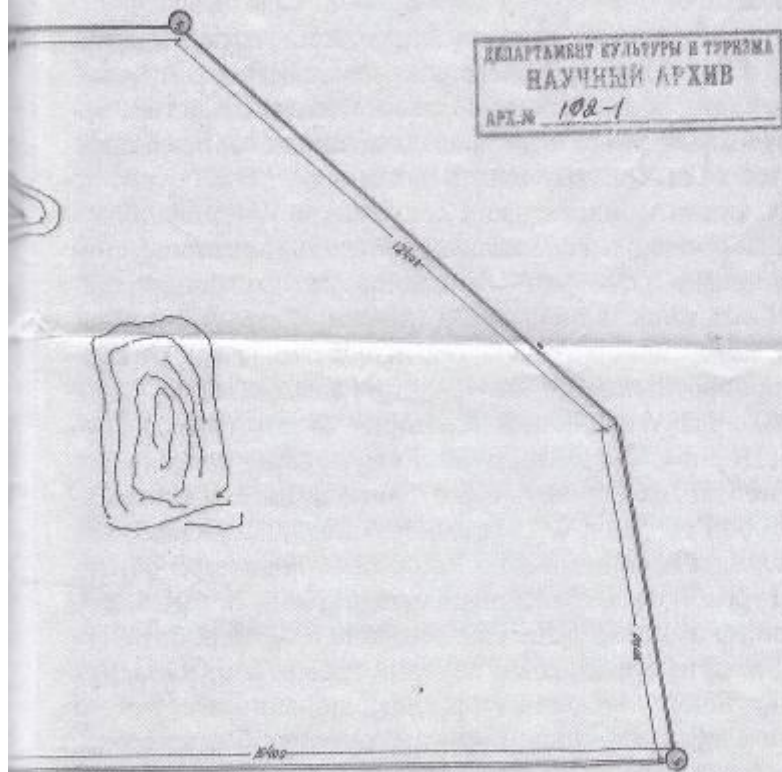

- 1 Колокольня
- 2 ц. Сергия-Радонежского
- 3 Преображенский с.
- 4 Алексеевский ц.
- 5 Угловая башня

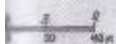

М. 01
С. 1
0

Плано-Геннадиева монастыря XVII XVIII в.

М 1:1000

Исп. а. Е. В. Докучаев
Холмогорск

1946

Генеральный план Геннадиева монастыря по обмерам ГНИМА 1946 г.
КИКН

Есть, например, список с царской грамоты от 28 марта 1623 г. Она упоминается в повторном подписании все той же «тарханно-несудимой» царя Бориса Годунова: «Лета 7131-го, марта в 30 день, мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец и отец наш, государев, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси, сее грамоты слушав, указали по нашему государскому уложению переписать вновь на наше государское имя, а сее жаловальную грамоту указали, подписав на наше ж государское имя, отдать Костромскаго уезда Преображенскаго монастыря Генадьевы пустыни игумену Гедиону з братьею впредь для спору вотчинных земель и всяких вотчинных крепостей, а о всем указали ходити по тому, как в нашей в новой государской грамоте нынешняго 131-го году написано». Было бы интересно сравнить льготы, подтвержденные в 1613-м и жалованные через 10 лет.

А грамота из приказа Большого двorca от 25 июля 1625 г. впервые связывает обитель с укрепшим городом при слиянии Обноры и Учи - дана она любимскому городовому приказчику. Ему же 31 января 1627 г. поручается «составление отписных книг Геннадиева монастыря по случаю назначения нового игумена Ионы, вместо отставленного по старости игумена Гедсона».

А «сколько нам открытий чудных готовят», например, три сотни листов архивного дела «Отписи об уплате разных податей с вотчины Геннадиева монастыря. 1610-1723 гг.»?

Или еще пример. Есть в коллекции список с богомольной грамоты патриарха Филарета в Кострому о рождении царевича Алексея Михайловича го марта 1.629 г. Может, именно она стала в скором времени при возобновлении в обители второго храма поводом для посвящения его небесному патрону царевича, Алексею, человеку Божиему? Той самой церкви, что станет в 1644-м местом пребывания чудотворных мошей преподобного Геннадия до 1647 г. О постройке вместо нее в 1687 г. новой деревянной церкви мы узнаем из другой грамоты собрания ГАЯО - см. в главе о каменной Алексеевской церкви.

В своей статье Н.А. Зонтиков указывает, что в «Росписи русского войска» Московского стола 1604 г. от монастыря упомянуты «2 чел. конных». Это очень интересные темы - участие Церкви в формировании русского войска и содержание в монастырях отставных и увечных солдат. В ярославском собрании есть и об этом документы: о лошадях «на корме» в вотчинах обители и при Алексее Михайловиче, и в петровское время; об обмундировании даточных солдат и об их присылке,

Вид на монастырь с северо-запада. «Выполнена по рисунку художника И. Терebeneва литографом Д. Сироткиным и напечатана в Санкт-Петербурге в мае 1862 года»

о розыске беглых стрельцов, о кормлении в монастыре некоего отставного стрельца Федьки Васильева в 1684 г. и других.

А разве не интересно, что монастырские работные люди были в Лисьем Носу у «гаванного строения» на берегах Финского залива?

Наконец, есть в коллекции две челобитные братии патриархам Иоасафу (1667-1672) и Иоакиму (1674-1690) о поставлении в монастырь игуменов. В обеих фигурирует имя соборного старца Павла Френдебер(х)ова. Столь «русское» отчество наводит на мысль, не имеет ли он отношения к Вильгельму фон Фюрстенбергу? Ведь именно ссылка Иваном Грозным в 1560-м в «костромское местечко Любим» гордого магистра, взятого в плен воеводой князем Андреем Курбским и не изменившего данной присяге, сделала острог известным в Европе (пленник проживал «на стрелице» Учи и Обноры до своей смерти около 1580 г.).

Хочется верить, что настанет время, и эта непростая, но столь необходимая и Ярославской земле, и всей России работа по изучению и публикации документов местной истории будет проведена. Без такой незаметной работы в архивах и библиотеках, часть которой выполнила Г. И. Фадеева (а она привлекла и несколько документов собрания ГАЯО), невозможно было даже начать серьезную реставрацию храмов, дошедших до нас сквозь страшные испытания XX в. в полуразрушенном состоянии.

Конечно, восстанавливать историю сооружений помогают сами уцелевшие камни, дополняющие и поясняющие строки старых актов. Потому и знания наши о каменных храмах, возведенных в монастыре, подробнее и глубже, но немного бы мы понимали во всех перипетиях их перестроений и украшений, кабы не те выцветавшие строки. А от периода правления каждого следующего русского самодержца по сравнениям с временами предыдущего доходит их до нас все больше и больше. И не столько из-за того, что время становится менее безжалостным к бумаге, а благодаря постоянному и небескорыстному интересу Власти к владениям Церкви и отладке бюрократической машины, эти владения контролирующей.

Итак, история монастыря в камне. И конечно, в старых документах. А чтобы читателю было проще представлять, где какие сооружения на территории обители располагались в начале XX в., приведем «топографическую» часть описания из книги Е. Р. Романова:

«Между рекой Костромой и монастырем находится еще длинное озеро Сурба, бывшее некогда руслом названной реки. [Как мы уже видели в старых актах, «некогда» было и озеро, и река.] С другой стороны монастыря протекает река Обнора, впадающая в Кострому, и благодаря

этому весеннее половодье монастырь весь окружается водою, и всякое сообщение с миром тогда прекращается.

Монастырь расположен параллельно береговой линии озера Сурбы и, окруженный высокою каменною стеною, имеет вид неправильного четырехугольника, растянутого по линии Ю-В - С-з. Длинные стороны четырехугольника имеют: С-В - 144 сажени, Ю-з - 96; короткие: Ю-В - 51 сажень, С-з, имеющая вид ломаной линии, - 87. Вся стена имеет протяжение 378 сажений. Высота ея 5 аршин, толщина 1, оштукатурена и крыта железом. По углам ограды имеются башни; три из них круглые одноэтажные, четвертая, в Ю-В углу, двухэтажная, внизу четырехугольная, вверху восьмиугольная...

В обитель ведут Святые ворота, находящиеся в С-В стене. Вся площадь монастыря вправо от Святых ворот занята монастырскими садами, огородами и службами. Здесь же находятся пруды, ископанные Геннадием, его «житница» и деревянный дом настоятеля. На левой стороне от Святых ворот находятся все храмы, колокольня, колодец преподобного Геннадия и одиночная келья. Братский корпус двухэтажный, каменный, с поварней и трапезной внизу находится против Святых ворот у задней [северо-западной] стены ограды».

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

...Монастырь готовился к строительству каменного собора. Патриаршая грамота, как и царская «проезжая» на беспошлинный провоз братией, «извести, что у них куплено у Солигалицкой на церковное строение», традиционно датируется в краеведческой литературе 1644 г. Вторая из них, «воеводам нашим и приказным людем и таможенным верным головам и откупщикам и перевозчикам», подписана царем Михаилом Федоровичем «на Москве лета 7152 [1644] года февраля 13 дня»: «... как Костромского уезду Геннадиевы пустыни от Солигалицкие мимо Буй городка повезут сухим путем и водою в стругах на церковное строение извести и во городом воеводам нашим и приказным людем уездным головам и откупщикам и поместом мытчиком и перевозчиком с тое извести, что они повезут на церковное строение, наших пошлин и мыту, и с людем годовщины, и рекою стругой причалу неимати». Указывается, что эта самая известь к «152» г. уже куплена.

Понятно, что бить челом святейшему «пожаловати благословити велети на тот каменной храм и на придел готовить запас... и на тот новый каменный храм и на придел велети ему и антимиинса дати и освятити» полагалось до начала работ. А так как, повторим, в допетровскую эпоху календарный год считался с I сентября, то следует полагать, что игумен

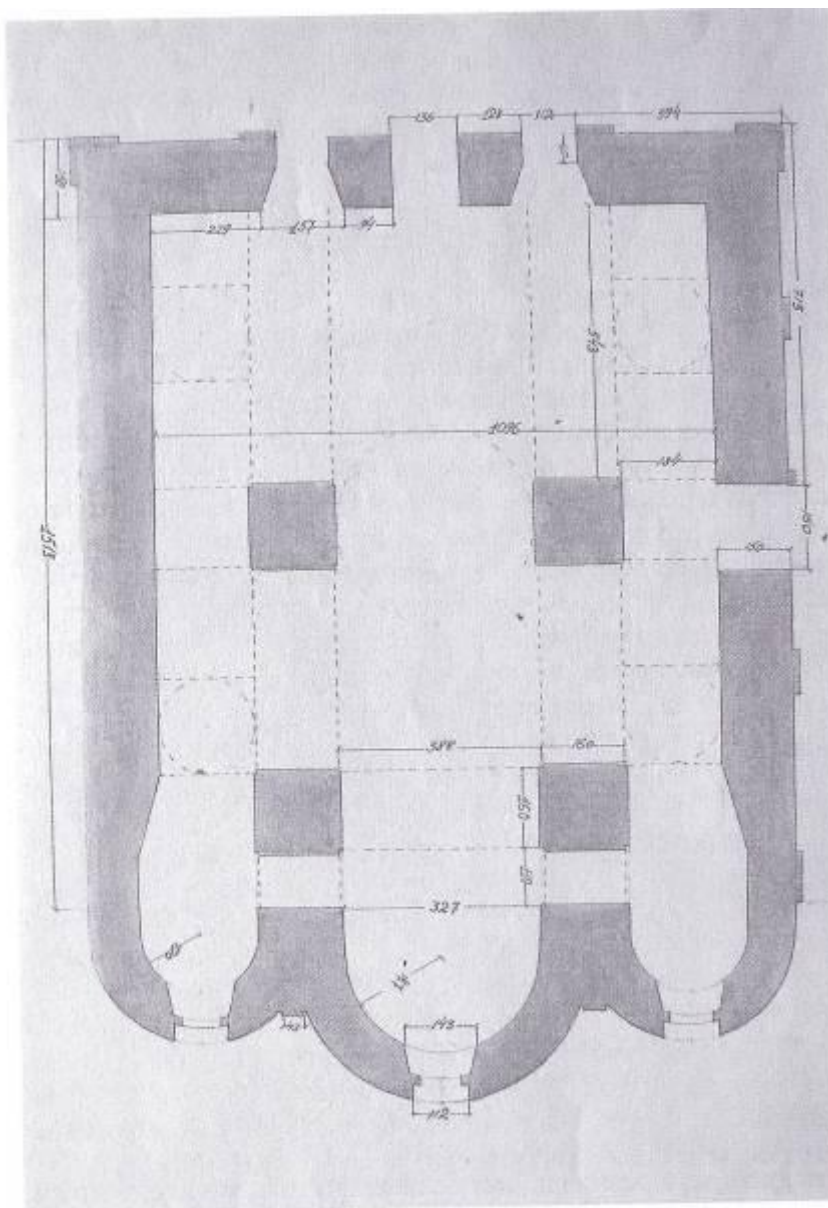
Филарет с братией начали хлопоты о строительстве летом-осенью еще 1643 г., т.е. не позже начала 7152 г. Очевидно, благословенную грамоту следует на год «состарить».

Заготовив для каменного собора необходимые «связи, бут и камень, и кирпич, и песок, и известь», на что ушло около года, в обители начали по полученному благословию «ров копать и бут бутити». Тут-то и произошло «7152-го, августа в 19 день» знаменательное событие, о котором рассказывает «Повесть об обретении мощей преподобного Геннадия».

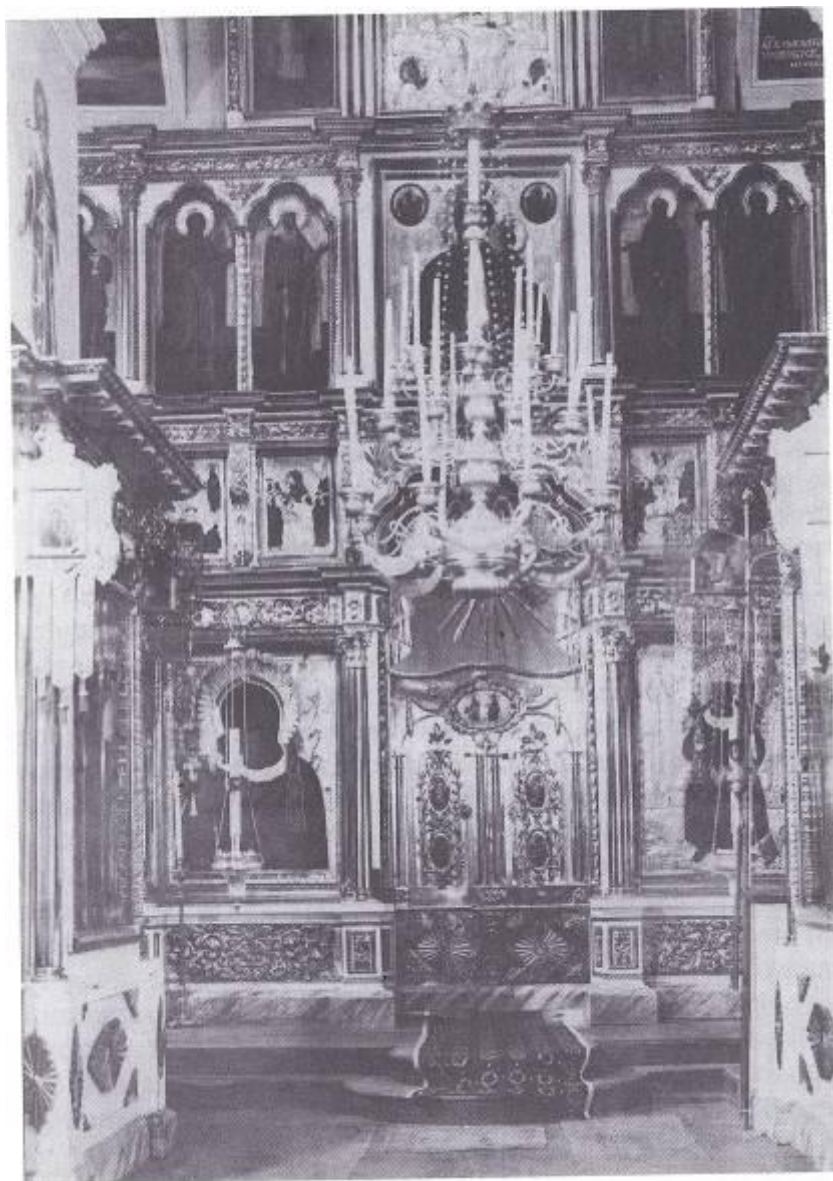
Итак, строительство Спасо-Преображенского собора датируется 1643-1647 гг.: в 1643-м начали подготовительные работы, на следующий год заложили фундамент храма (и обрели мощи преподобного), а в 1647-м освятили оба его престола: главный - во имя Спаса Всемилостивого Преображения и придельный - Благовещения Пресвятой Богородицы. Такими посвящения престолов в четверике главного храма обители оставались вплоть до ее закрытия.

О первоначальном облике храма мы можем судить (конечно, с понятными оговорками) по иконе из ГИМа, датированной второй половиной XVII в. Мы видим собор с юго-западной стороны: с юга к основному объему никаких пристроек еще не примыкало, а западный вход оформлен крыльцом - небольшой папертью. Галина Ивановна Фадеева обратила внимание, что иконописец даже обозначил место, где находились мощи преподобного Геннадия: на южном фасаде ярким красным пятном отмечен широкий арочный проем. Только изограф сместил арку в южной стене собора к западу: на самом деле она была сделана в его восточной части - против правого клироса, у самого алтаря, а точнее, у дьяконника, в котором и был устроен Благовещенский придел. В этой нише и поставили открыто гроб с мощами преподобного Геннадия. О главной святыне монастыря мы расскажем отдельно. Здесь надо остановиться на важной архитектурной особенности собора, на которую первым обратил внимание ярославский архитектор-реставратор С. Е. Новиков. Речь идет о так называемой «двустолпной» конструкции его перекрытий.

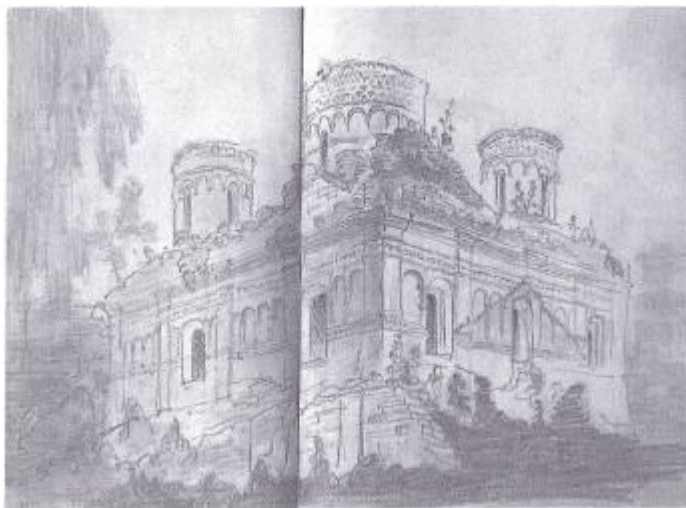
Двустолпные храмы встречаются в русской архитектуре не часто, их количество значительно уступает четырехстолпным или бесстолпным постройкам, но среди костромских церквей XVII в. было несколько: до наших дней хорошо сохранились знаменитые церковь Воскресения на Девре (1645-1651) и Троицкий собор Ипатьевского монастыря (1650-1652).

План четверика собора по обмерам 1946 г. ГНИМА

Спасо-Преображенский собор. Центральная часть иконостаса. 1910.
ГАИМК

Спасо-Преображенский собор. Вид с северо-запада.
Рисунок. 1946. ГНИМА

Чтобы не уводить читателя в архитектурные подробности, упростим пояснение: на самом деле, столпов все же четыре, но два восточных скрыты алтарной преградой, а в интерьере основного четверика оставалась видной молящимся только западная пара столпов, которые и поддерживали своды храма с главами.

Все пять барабанов Преображенского собора были световыми, причем центральный, как и положено при «истинном» двустолпии, расположен строго по оси столпов (названные костромские храмы отличаются «ложным» двустолпием: в них центральный барабан сдвинут к востоку, в сторону «спрятанной» пары столпов).

Ныне на территории Ярославской области единственным двустолпным остался собор Спасо-Геннадиева монастыря.

Спасский храм всегда был богато украшен. В книге Е. Р. Романова приводится описание его иконостаса (высота $9\frac{1}{4}$ аршина, а ширина $17\frac{1}{2}$):

«Иконостас в Спасском храме четырехъярусный, столярной работы, царские врата тоже, но прорезные. В них пять «клеим» с изображениями евангелистов и Благовещения. Направо от царских врат дар царицы Анастасии Романовны: иконы Спасителя и Преображения Господня, далее образ Благовещения и редкостная икона Геннадия, написанная вскоре после его кончины, реставрированная в 1722 и в 1871 гг. и прекрасно сохранившаяся доселе. Центр иконы занимает Геннадий, стоящий пред обителью, а вокруг него изображены события из его жизни и чуда, всего в 54 клеймах, начиная от сцен рождения Григория в

Могилеве.

Слева от царских врат также дар царицы Анастасии, иконы Владимирской Божией Матери и Успения, далее архидиакон Стефан на двери и икона Покрова.

...Теперь на всех иконах нижнего яруса серебряные ризы, 84-й пробы, устроенные в 1806-1831 гг. Риза Спасителя весом 17 ф. 31 зол., Божией Матери - 15 ф. 36 зол., Успения - 12 ф. 36 зол. и Преображения - 35 ф. 58 зол.

Во втором ярусе над царскими вратами медный золоченый крест с распятием и по сторонам его двенадцатые праздники в медных золоченых окладах. В центре третьего яруса изображение Спасителя на престоле с припадающими Сергием и Геннадием и по сторонам Божья Матерь, Иоанн Предтеча, архангелы Гавриил и Михаил и апостолы - все в медных венцах. Посреди четвертого яруса Вознесение и по сторонам ветхозаветные первосвященники и пророки.

Множество икон хорошего древнерусского письма на столпах, поддерживающих своды».

К XX в. власти поняли, сколь ценны для русской культуры старые храмы и украшающие их творения мастеров. Был введен обязательный порядок согласования планируемых работ не только с местным епархиальным начальством, но и с Императорской археологической комиссией. Иногда только благодаря этому мы можем найти в архивах дела о таких ремонтах, а в них - документы, которые говорят об истории формирования богатого внутреннего убранства храма, о создании иконостаса и стенных росписей, о других подробностях. Такое дело «О ремонте церквей в Любимском Спасо-Преображенском монастыре в 1901-1913 гг. » Г. И. Фадеева выявила в Государственном архиве истории материальной культуры.

В ноябре 1901 г. в Императорскую археологическую комиссию поступило письмо из Ярославской духовной консистории: «Настоятель ... иеромонах Хрисанф с братиею обратился с ходатайством о разрешении произвести следующие исправления в соборном храме Преображения Господня, устроенном в 1647 году: поновить живопись, сделать новую уборку, иконостас окрасить вместо зеленого в белый цвет, позолоту промыть и прочистить, над иконостасом сделать надстройку вверх на пять аршин и написанное на полотне изображение Вознесения Господня, поставленное над иконостасом, заменить новым деревянным иконостасом».

Спасо-Преображенский собор. Северо-западный угол. Фото середины XX в.

Разбираться следовало на месте, и в 1902 г. в Спасо-Геннадиев монастырь приехал художник-архитектор, член комиссии П.П. Покрышкин, он дал следующее заключение: «Иконостас этот сделан в

1825 году и представляет из себя произведение в стиле ампир. Он выкрашен в приятный зеленоватый тон, на котором выделяются золоченые полированные колонки, рамки киот и элегантные украшения». Инспектор настаивал на «сохранении нынешнего зеленоватого фона окраски».

Судя по копии книги, заведенной в монастыре для записи исторических достопамятностей с 1814 г. и представленной в столицу вместе с ходатайством о ремонте, иконостас в 1820-е не изготавливался заново, а капитально переделывался: «В соборной Преображения Господня церкви [?] мая [1827 г.] начали разбирать иконостас для очистки старого левкаса... 22 ноября [1828 г.] в соборной Преображения Господня церкви иконостас и киоты кончены лаковою и позолотою, за работу и с материалом заплачено 6850 руб.». Эти работы выполнялись в соответствии с консисторским указом: «иконостас поправить порезкою 30 глухими колоннами с капителями коринфского ордера и таковыми царскими вратами; в оной же Преображенской церкви около двух столбов сделать 6 киотей с колоннами с капителями коринфского ордера и с резьбой по пристойным местам, спереди оных двух столбов к киотам приделать переплет для месячных икон, при оных же столбах сделать новые клиросы столярной работы». Причиной столь больших работ стал пожар в ризнице, случившийся в 1824 г. (см. ниже о пристройках к собору).

Более того, это «поправление» иконостаса, как говорят другие документы из другого архива, Государственного древних актов, было не первым. Еще в 1773 г. в соборе случился пожар - «иконостас... отчасти сгорел, а отчасти разломан». Два года устранили его последствия «подгородной костромской Ипацкой слободы житель» столяр Степан Захаров, и костромские посадские резчик и позолотчик Макар Дмитриев Быков, и иконописец Дмитрий Васильев Воцин. Приходно-расходная книга 1775 г. в описании выполненных ими работ сохранила подробности устройства иконостаса и размещения в нем икон. Пожар захватил тогда и алтарь, был поврежден и престол. По завершении всех работ храм был вновь освящен: «В святом алтаре престол по обычаю, а жертвенник в стене, на святом престоле под одеждой к срачице пришит святой антиминос, писан полууставом на полотне, священнодействован 7155 года при государе Алексее Михайловиче и патриархе Иосифе [Это тот самый первый антиминос каменного храма 1647 г.]. На престоле святой антиминос печатан на полотне, священнодействован Симоном, епископом Костромским и Галицким 1778 года апреля 26 дня».

Спасо-Преображенский собор.
Фрагмент росписи центрального барабана.
2007

В описании Е. Р. Романова убранство Благовещенского придела лишь упоминается: «... с [трехъярусным] иконостасом художественной резной работы, с куполом-сводом, покоящимся на витых колоннах». Так же, весьма лаконично, написал он и о стенописи собора, которая «многokrатно поновлялась и искажалась. В 1765 г. при игумене Варсонофии ей придан южнорусский характер, с темными красками и обилием масла. В 1825 г. при игумене ПалладиИ II - западнорусский характер, со светлыми тонами и яичными красками».

Г. И. Фадеева выявила подробности поновления стенописей, фактически - создания их заново, причем дважды, в 1822 и 1825 гг.: «В течение апреля месяца [1822] штукатурку в соборной Преображения Господня церкви со стен обивали и вновь подштукатуривали с пенькою... С первых чисел мая начали писать стенное письмо в соборной Преображения Господня церкви, которое кончено в половине сентября месяца.

Мастер оногo был ярославский мещанин Федор Васильев Банщиков, коему за работу плачено 3100 руб. да за штукатурку 525 руб.».

Но через год, в феврале 1824 г., произошел тот самый пожар, поэтому в 1825 г. «6-го апреля в соборной Преображения Господня церкви начали подмащивать леса вновь для стенного письма и 8-го начали обивать повредившееся от пожара письмо стенное... 1-го августа кончено стенное писание, за работу заплачено 2700 руб., краски голубца и белил на 179 руб. 50 коп., штукатурку 170 руб., извести на 45 руб.». Исполнителем росписей 1825 г., очевидно, был все тот же ярославский мастер Федор Банщиков.

Уже упомянутый Петр Петрович Покрышкин в 1902 г. назвал эти старые фрески интересными и просил прислать в комиссию фотографические снимки иконостаса и старых фресок. Сделать это сам он не смог, так как собор был загроможден лесами. В это время в нем проводилась реставрация росписей, которой «заведовал» живописец из Москвы Александр Александрович Пентюхов. По мнению Покрышкина, последний выполнял свою работу «весьма заботливо и аккуратно, но с нарушением стиля к худшему» (в своем заключении он писал «о принятии мер к сохранению стиля фресок 1825 г. при реставрации их»).

Остается посетовать вместе с Г. И. Фадеевой: «Затребованный комиссией снимок через несколько лет все же был сделан, но только один, на нем видна лишь центральная часть иконостаса. Росписи же так и остались вне фотофиксации, а мы - без исторических документов».

ПРИСТРОЙКИ К СОБОРУ

Основной объем собора, его четверик, потом практически не изменялся, а

вот внешний облик претерпел весьма существенные изменения уже в первые десятилетия после возведения. О них свидетельствует описание монастыря конца петровского правления из ярославского архива.

Во-первых, к южной стене собора пристроена теплая церковь Геннадия Чудотворца с трапезной, с главой, «обитой чешуею деревянною», с крестом, «опаянным белым железом». В ней «церковные двери и столбцы и сень резные золочены. На царских на дверях образы...»

Во-вторых, появились пристройки и по двум другим фасадам: по западному была добавлена «паперть до трапезы» с двумя входами, а над нею «в трех кружалах стенное подписание святыя образы»; с северной стороны была приделана «полатка каменная ж» (в ней помещалась монастырская ризница). Все эти пристройки мы видим на иконе из ГРМ, написанной во второй половине XVIII столетия. Только ответить на вопрос, когда они были сделаны, не можем (есть основания полагать, еще в XVII в.).

Мы уже упоминали о пожаре 1824 г., но куда чаще из-за «пожарных бедствий» страдали не фрески, а кровли храма, а вместе с ними главы и кресты (деревянные «крышки» в нашем климате ветшают очень быстро). Г.И. Фадеева выявила сведения о крупном пожаре 1773 г. и мерах, предпринятых игуменом Тимофеем и братией для устранения его последствий. В представленном рапорте «о погорении от пожарного случая» настоятель сообщает: «Церкви каменные необходимо требуют к следующей осени и зиме какого ни есть прикрытия, дабы от мокроты своды не повредились, а внутри от тех же мокрот подмазка не опала».

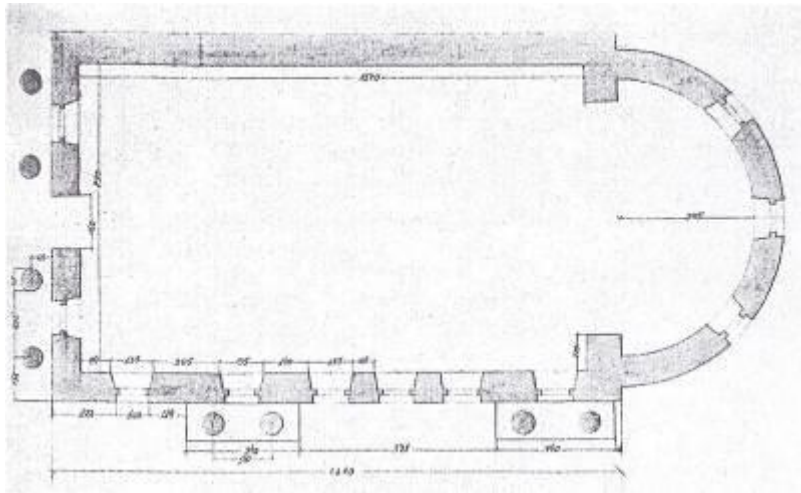
Особенно существенным разрушениям подверглась теплая церковь Геннадия Чудотворца, которая «в крайнее пришла обветшание, а именно: кровля на ней совсем ветха, сквозь которую в мокрая погоды бывает немалая течь, свод каменной от расселин, имеющихся в стенах, а притом от помянутой течи, на многих местах повредился, в окошках деревянные косяки согнили и оконницы в них стеклянные ветхие, печи в ней две сколь ветхи, столь неисправны от чего, а при том и по пространству церкви тако ж и по высоте своду никакого почти во время больших стуж тепла не бывает, стены и своды по давности строения пылью и по неисправности печек дымом закоптили, иконостас тако ж стар ветх и потемнел».

Вид собора с первыми пристройками. Фрагмент прориси с иконы

Спасо-Преображенский собор. Вид с запада.
Конец XIX - начало XX в. Фото В. Лопатина.
ЯМЗ

План храма Сергия Радонежского по обмерам 1946 г. ГНИМА

Игумен Тимофей поднимал в рапорте вопрос о полной реконструкции теплого храма. Но, видимо, из-за значительности общего объема восстановительных работ ограничились его ремонтом - и то он растянулся на несколько лет. Пришлось подвести «на двух папертных углах для подкрепления паперти четыре быка каменные», «свести» «окошечные и дверные повредившиеся от помянутого пожара перемычки», «зачинить» «в тех же папертях расселины, щели и выбоины».

Хронологическая лакуна в документах начинается с конца 1770-х гг. и тянется до 1800-х, поэтому не известно, насколько эффективны оказались работы по укреплению теплого храма, но, судя по всему, он продолжал ветшать и в конце концов

Южный фасад церкви Сергия
Радонежского.
Конец 1940-х. ГНИМА

был разобран (сказать точно, когда именно, мы не можем).

С западной стороны к собору при игумене Исае была «приделана каменная трапезная с кумполом, покрыта листовым железом, выкрашенным черною краской, а на кумполе - зеленою, на ней пять глав, средняя глава покрыта белым железом, а четыре выкрашенным железом зеленою краской, на них кресты четвероконечные белые железные... В оной трапезе два придела... две кирпичные печки» - читаем в описи монастыря первой четверти XIX в.

Фактически к собору пристроили здание нового теплого храма (в публикациях называются разные даты: 1803-1805 гг.; скорее всего, это годы начала и завершения строительных работ). Оба его престола стали преемниками имевшихся в обители ранее: преподобного Геннадия - он расположился справа, до этого был в старом теплом храме, а левый, во имя Корнилия Комельского, перенесли из церкви «под колоколами» (о ней см. в главе «Монастырская колокольня»). Печатанные на атласе антиминсы были священнодействованы через 2 года после завершения строительства в 1807 г. преосвященным Антонием (Знаменским), архиепископом Ярославским и Ростовским. В 1846 г. стены и свод новой теплой церкви были «украшены живописью с приличною уборкою». Интересно, что «кумпол» пристроенного храма, как и центральный барабан собора, поддерживался двумя четырехгранными столпами.

По-видимому, разобрали не только старую теплую Геннадиевскую церковь у южной стены собора, но около 1807 г. и палатку у северной стены: ризница была устроена над новым теплым храмом, вход в нее был с хоров собора. Но просуществовала здесь она недолго: «с 15 на 16 февраля [1824 г.] случившись неизвестно от какого случая в ризнице пожар, которым истреблено: два креста, три Евангелия, потир, дискос, звезда, два блюда и лжица; находящаяся ризница сгорела вся и книги» -

это был тот самый пожар, от которого в соборе «иконы и иконостас

Южная стена четверика Спасо-Преображенского собора. Видны следы пристройки Сергиевской церкви. Справа арка, в которой стояла рака преподобного Геннадия. 1980-е. КИХН

весьма повредился, а также и стенное письмо».

В 1846 г. палатку возобновили у северной стены Спасского храма, в ней опять разместились ризница.

Южная стена собора оставалась незастроенной менее четверти века. В книге Е. Р. Романова читаем: «... справа в 1843 г. пристроен храм Сергия Радонежского, в память придела Сергия, построенного преп. Геннадием. Таким образом, древний Спасский храм оказался застроенным со всех сторон, кроме алтарной».

Автор не точен, не придел, а отдельный теплый деревянный храм во имя Радонежского чудотворца был устроен в обители ее преподобным строителем. Однако, как мы отмечали, уже с середины 1590-х в обычной для документов формулировке названия пустыни почему-то вообще нет упоминаний второго храма. О возведении деревянной церкви «Сергия чудотворца» можем уверенно сказать: до 1545 г. Время же упразднения остается неопределенным: после 1581 г., когда Сергиевский престол упоминается последний раз.

В бумагах Д. Н. Горшкова имеется выписка о церквях монастыря в 1739 г. К сожалению, в машинописи нет никаких указаний на место хранения документа, но есть в тексте неожиданные сведения. В каменном теплом храме, пристроенном к южной стороне Преображенского собора,

было два престола: преподобных Геннадия Любимоградского и Сергия Радонежского (напомним, что Геннадиевский храм имел трапезу- в принципе в ней и мог быть устроен второй престол).

Итак, возобновление Сергиевского престола в южной пристройке при игумене Павле стало уже вторым в истории обители. По ряду сведений можно сделать вывод, что строительство началось в середине 1830-х гг., в 1837-м завершили строительные работы, а в 1847-м, видимо, состоялось освящение.

Продолжим цитату из виленского издания: «Сергиевский храм в противоположность древнему Спасскому и темному теплому, блещет золотом и массой света. Длина его $9^{1/2}$ саж., а ширина 4 саж. Иконостас в нем резной двухъярусный, обновленный в 1906 г. с позолотою червонным золотом. Царские врата с шестью клеймами. В первом ярусе Спаситель на престоле, на южной двери Мельхиседек, далее Алексей, человек Божий, преп. Сергей; слева: Божья Матерь Печерская, на северной двери Аарон, далее Геннадий и Корнилий. Ниже их в медальонах сцены из жизни изображенных, например: Геннадий строит церковь, Корнилий с Геннадием рубят лес. Алексей открывается пономарю и т. д. Выше первого яруса, также в клеймах, Сошествие Св. Духа и по сторонам праздники. Во втором ярусе в центре икона Распятия и по сторонам апостолы».

В сквозной арке, имевшейся в смежной с новой церковью стене Спасского храма, над тем местом, где в 1644 г. были обретены мощи основателя монастыря, стояла рака преподобного Геннадия. Она была видна молящимся не только в соборе, но и в новой церкви: «У первого яруса [иконостаса Сергиевской церкви], слева, там, где иконы преп. Геннадия и Корнилия, на особом пьедестале возвышается великолепная рака преподобного».

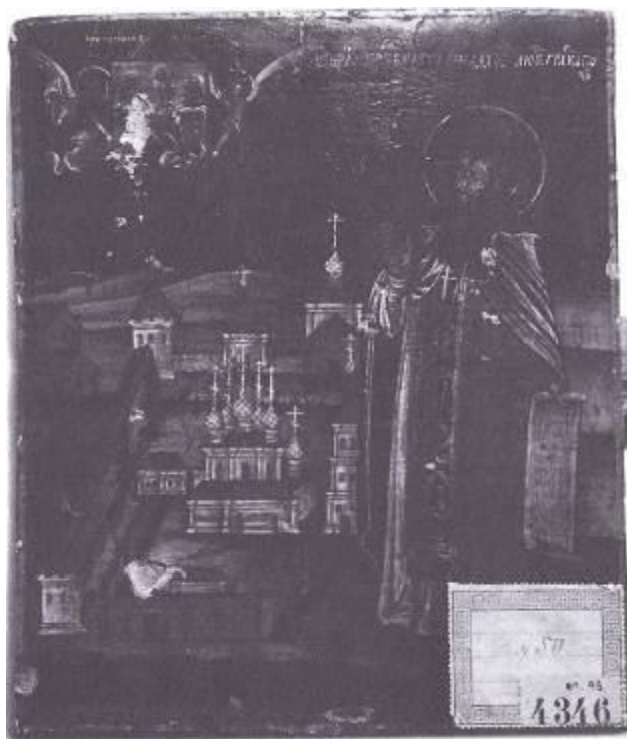
ГЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ СПАСО-ГЕННАДИЕВА МОНАСТЫРЯ

Почитание первого настоятеля в Спасской обители началось уже вскоре после его кончины. К этому призывал настоятеля и монахов в своем «Сказании» бывший игумен Алексей: «Молитесь Всемилостивому Спасу и теплой любовью к чудотворной раке преподобного старца Геннадия приносите должную молитву». То есть уже к 1580-м гг., через 15 лет после упокоения, гробница над местом его захоронения стала признанной местночтимой святыней.

Интересно, что в документе 1580/1581 г. именование обители отличается от обычного в предшествующие годы: кроме престолов Спасского и Сергиевского храмов в ней указан еще один. Матвей Федоров

Бедарев пишет о своей доле в селе Григорьевском: «даю к Спасу и Пречистой и Сергию чудотворцу», т. е. к этому времени придел в соборе был опять переосвящен (см. главу «Итог земных трудов»). Какому празднеству или иконе Пречистой посвятили тогда престол - в документах не указано.

Логично было бы предположить, что он был во имя Благовещения Богоматери - именно такой придел в сгоревшем через 58 лет деревянном храме упоминается в благословенной грамоте патриарха Иосифа на построение в монастыре каменного собора (см. главу о соборе). Представляется символичным, что именно этому двенадцатому православному празднику в честь первой благой вести, дарованной человеку после его грехопадения, посвятили престол в обители, почитающей среди прочих чудес своего первого настоятеля дар предвидения и помощь в чадородии.

Преподобный Геннадий.
Икона второй половины XVIII века. ГРМ

в честь первой благой вести, дарованной человеку после его грехопадения, посвятили престол в обители, почитающей среди прочих чудес своего первого настоятеля дар предвидения и помощь в чадородии.

Есть документ, указывающий, что еще до конца XVI в. посвящение престолов в пустыни изменилось. Говоря о границах Каргановского уезда, мы опирались на список с писцовой выписи, сейчас для нас важно в нем наименование обители: «В выписи 104-го и 105-го годов... в Луговой половине в Осетцком стану в монастырских вотчинах написано: Вотчина Новые Корнильевы пустыни *Преображения Спасова и чудотворца Геннадия*... Каргановский уезд». Получается, что еще до 1595 г. в монастыре во имя аввы Геннадия был освящен престол! А это свидетельствует, сколь глубоко было уже тогда почитание преподобного, сколь признано было еще за полвека до констатации этого иерархами Церкви его подвижничество в Костромской земле. (Несомненно, что к этому времени уже был написан для иконостаса Спасского собора тот «редкостный» образ с житием преподобного в 54 клеймах, о котором говорилось выше.)

Где же был устроен Богородичный престол? Если в приделе Спасской церкви, еще деревянной, в которой пребывала чудотворная гробница преподобного, - возникает два вопроса: 1) что заставило через три десятка лет вернуть посвящение престола Пречистой? 2) Что произошло до этого с теплым храмом? (В описи Осецкого стана Костромского уезда 1629/1630 гг. в обители указан только один престол - «церковь Преображения Спасова». Отсюда, кстати, следует, что Алексеевская церковь появилась в Геннадиевой обители не раньше начала 1630-х гг.)

Проще предположить, что к середине 1590-х переосвящена была во имя преподобного Геннадия сама теплая Сергиевская церковь. А то, что позже второй деревянный храм в документах больше не упоминался, вполне может быть связано с его обветшанием или пожаром, наконец, с разорением обители в Смуту - вспомните, что стало, например, с угличскими монастырями. И уже только в каменных пристройках к собору престолы обоих преподобных были возобновлены...

Как мы знаем, гроб с мощами святого Геннадия после освящения нового храма в 1647 г. открыто пребывал в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы, устроенном в диаконнике собора. В описи первой четверти «осмнадцатого» столетия значится: «на гробе Геннадия чудотворца образ его, преп. Геннадия, оклад и венец с цатою серебряные

золочены. На гробе одеяние полосатое тафтяное с кружевом. Над гробом чудотворца Геннадия стенное писание. В тот придел царские двери, столбцы и сени писаны на красках».

Живопись, которой были украшены стены, поновлялась в 1765 г. - «выдано иконописцу Науму Федорову за починку... в приделе Благовещения Пресвятыя Богородицы стенного писания святых икон». Через полвека в другой описи значится, что «по правую сторону в стене сделана арка, в ней написано: Господь Саваоф, Преображение Господне, Преподобные Корнилий Комельский и Александр Свирский, во оной под спудом почивают св. мощи препод. Геннадия, на поверхности гроб деревянный, наверху оного образ преподобного Геннадия, писан в рост человека, на нем риза». Можно предположить, что сквозная арка в южной стене четверика была устроена в самом начале XIX в. в ходе пристройки новой Геннадиевой церкви, чтобы открыть раку молящимся в обоих храмах. Когда священная реликвия обители была перенесена в специально сделанный для этого склеп, - документам не известно.

Поклониться святыне в монастырь притекало множество богомольцев, их пожертвованиями она благоукрашалась. Уже после составления процитированной описи, в первой четверти XIX в., над местом погребения на средства жителей Любима была установлена рака. Публикация 1866 г. уточняет: «Половина раки, ко внутренней стороне храма, серебряная, а другая, к наружной, - аппликовая. На раке икона угодника в рост в серебряной 84-й пробы ризе, которая в 1851 году, усердием любимских граждан позлащена червонным золотом, а венец украшен стразами и разноцветными камнями. Длина иконы 186,74 см, ширина во главе 71,12 см, в ногах 57,85 см., по преданию, икона эта написана на той самой доске, которою покрыт был могильный гроб преподобного».

Публикация в «Ярославских епархиальных ведомостях» отражает состояние монастыря в самом конце 1850-х гг., т. к. известно, что в 1860 г. была сооружена новая рака преподобного. Заказана она была любимским купцом, а позднее - крупным костромским фабрикантом Иваном Савельевичем Михиным на известном предприятии Н. Д. Полтавцева в Москве (его же мастера изготавливали раки ярославских благоверных князей: Василия и Константина в Успенском соборе и Федора, Давида и Константина в Преображенском соборе Спасского монастыря). Е.Р. Романов приводит ее подробное описание:

«Рака представляет массивный серебряный 84-й пробы гроб,

изящнейшей чеканной работы. По длинным сторонам гроба чеканные золоченые гирлянды в два ряда; по углам золоченые же херувимы. Посредине длинных стен гроба две чеканные же картины, высокохудожественной работы. Одна из них, правая, изображает сцену обретения, именно на сем месте, мощей преподобного в 1644 году и исцеления немощных, бывшие при этом. На другой картине, левой, изображена та трогательная сцена, когда Геннадий благословляет детей боярина Романа Юрьевича и предсказывает отроковице Анастасии Романовне, что она выйдет замуж за русского царя. Сцена эта скомпонована и выполнена превосходно.

Длина раки 2 арш. 12 верш., и ширина 1 арш. 1^{1/2} верш., высота 1 арш. 5 верш., вес 3 пуда 26 золотников. ...Обошлась в 6 тыс. рублей. Рака установлена на катафалке, отлитом из зеленой меди и покрытом резным орнаментом. На верхней доске раки положена икона препод. Геннадия во весь рост... Лик на ней покрыт слюдою, а остальное изображение закрыто серебряной чеканной ризой, в 25 ф. весом.

Внизу раки находится склеп, где покоятся под спудом мощи преподобного. Доступа в склеп нет. У раки теплится неугасимая лампада».

Как это ни удивительно, но в монастыре не сохранилось даже предания, что стало причиной помещения мощей под спуд, зато отчет о посещении обители в 1880 г. архиепископом Ярославским и Ростовским Ионафаном (Рудневым, 1877- 1903) сообщает нам о другом событии, касающемся главной святыни обители:

«За чаем пришлось выслушать из живого устного рассказа отца игумена сказание о бывшей некогда, в тридцатых годах нынешнего столетия, неблагоприятной попытке игумена Палладия осмотреть мощи угодника Божьего Геннадия, почивающие под спудом. Однажды в собрании своей братии Палладий отправился к месту его покоя во храме Божьем и приказал разбирать кирпичную кладку и разрывать землю. Дело пошло своим чередом, как вдруг послышался необычайный треск во всем храме, как будто рушились своды его или поколебались все основания его.

В страхе за жизнь свою игумен убежал из церкви. За ним все бывшие во храме - зрители и работники, пораженные ужасом, стремительно бросились вон, ибо треск не прекращался... О событии было запрещено говорить. Но настоятелю и братии пришлось убедиться, что открытие мощей совершается не по расчетам человеческим, а по одному, таинственному и премудрому, действию промысла Божьего о судьбах

воинствующей на земле церкви Христовой...»

В виленском издании 1909 г. говорится и о других реликвиях, связанных с именем чудотворца:

«Тут же [подле раки] находится секира преподобного, которою он срубал лес, строил обитель и рубил дрова, которые ночью разносил по кельям братии. В Спасской церкви хранятся его вериги, которыми он изнурял свое и без того изможденное тело. Судя по размерам вериг, преподобный был роста среднего и телосложения не крупного.

Древняя так называемая житница находится теперь в центре монастыря. Постройка ее приписывается Геннадию, и она пользуется глубоким почитанием у богомольцев. Теперь это небольшой сруб, в 7 аршинов длиною и шириною, и в 3 аршина высоту, с дверью, но без окон».

Что касается секиры и вериг, то ни в одной монастырской описи эти предметы не фигурируют, не упоминаются они и в других дореволюционных публикациях о монастыре. Однако предания возникают не на пустом месте. В этих случаях сухой науке по имени История не остается, по нашему мнению, ничего другого, как признать существование неоспоримого факта человеческой истории - бытия предания в памяти людских поколений. Факта такого же упрямого и реального, как строки в документе, только по-иному проявляющегося.

Такая же ситуация с Геннадиевой житницей в монастыре. В описи 1739 г. как житница указано вдвое большее сооружение, 4 на 3 сажени. Но бытовало, видимо, предание, что единственная оставшаяся в обители древняя совсем небольшая постройка, срубленная в крюк, сооружена еще самим преподобным Геннадием и именно для житницы. (Заметим, «в крюк» - самый сложный тип углового сочленения бревен в срубе: без выступов, но с внутренним шипом, требующий мастерского владения топором.) В описях ее нет, но в жизни-то она существовала: в первые десятилетия XIX в. была покрыта тесовой крышей и обращена в часовню, а в 1846 г. игумен Сергей обнес ее на расстоянии аршина деревянным футляром - навесом на столбах. В источниках она впервые связывается с именем первого настоятеля обители в публикации 1866 г.: «Деревянная житница очень малая. Она находится почти посреди монастыря; это единственный остаток после зданий, сооруженных преподобным Геннадием».

Предание это получило распространение и несколько неожиданное преломление - богомольцы, страдающие зубной болью, отрезали стружки

от ее стен или отгрызали зубами кусочки дерева, получая при этом (как и от кедров в Толгском монастыре) исцеление. В 1913 г. в Императорскую археологическую комиссию из Ярославской духовной консистории сообщали: «По ходатайству настоятеля Спасо-Геннадиева монастыря архимандрита Дмитрия разрешено произвести летом текущего года нижеследующий ремонт: ...внутри монастыря часовню, или футляр, заключающий в себе «житницу» преподобного Геннадия, окрасить масляной краской и привести в благолепный вид»...

Связываются с именем преподобного еще монастырские пруды и колодец. Уже в «обер-офицерской» описи о прудах это уверенно утверждалось: «за игуменскими кельями имеется огород, в коем три пруда рыбных ископаны из древних лет Геннадием чудотворцем, точию оные заросли травой и тиною, в коих ловли рыбной не происходит». (А вот два деревянных колодца в этой описи «безымянны».) В епархиальных ведомостях 1866 г. сообщалось, что прудов изначально было четыре, но ныне «из них два завалены», а колодец на монастырском огороде - один. В бумагах нет о его связи с преподобным, а в памяти была она и есть сегодня, а колодец и в XXI в. воду дает...

* * *

В 1920 г., когда по всей России шел вал надругательств над Церковью и ее святынями, склеп в Спасо-Преображенском соборе был публично вскрыт. Мощи преподобного Геннадия передали в Ярославский губернский музей.

Со слов местных очевидцев, когда их повезли, лошади перед слободским мостом встали на дыбы. Солдаты отказались провозить повозку, но взялся один местный житель. Когда он начал стегать лошадей, то увидел стоящего на дороге перед ними преподобного Геннадия. Этот человек сошел с ума, им овладело буйное беснование, и он умер в цепях...

Дальнейшая судьба главной святыни обителя неизвестна.

ВЫСОКИЕ ПОСЕЩЕНИЯ

Безусловно, именно к чудотворным мощам преподобного стремились самые разные богомольцы, направляясь в Спасо-Геннадиеву обитель. В конце XIX - начале XX в. берега Сурского озера уже не были столь малолюдными, как во времена преподобных отцов-основателей, но, как и уездный Любим, оставался монастырь в стороне от больших дорог. А потому не привелось никому из братии с гордостью записать в летописце, даже если бы они его и вели, о высочайших посещениях.

Даже в 1545 г., когда юный великий князь Иван Васильевич с благочестивой благодарностью навещал едва ли не все «заволжские обители», в которых зимой 1528/29 г. возносились моления о его желанном рождении, - Кириллову Белозерскую, Ферапонтову, Корнильеву Комельскую, Павлову Обнорскую, - в документах весь маршрут расписан, но ничего не говорится о посещении приозерной пустыни. Нет и предания.

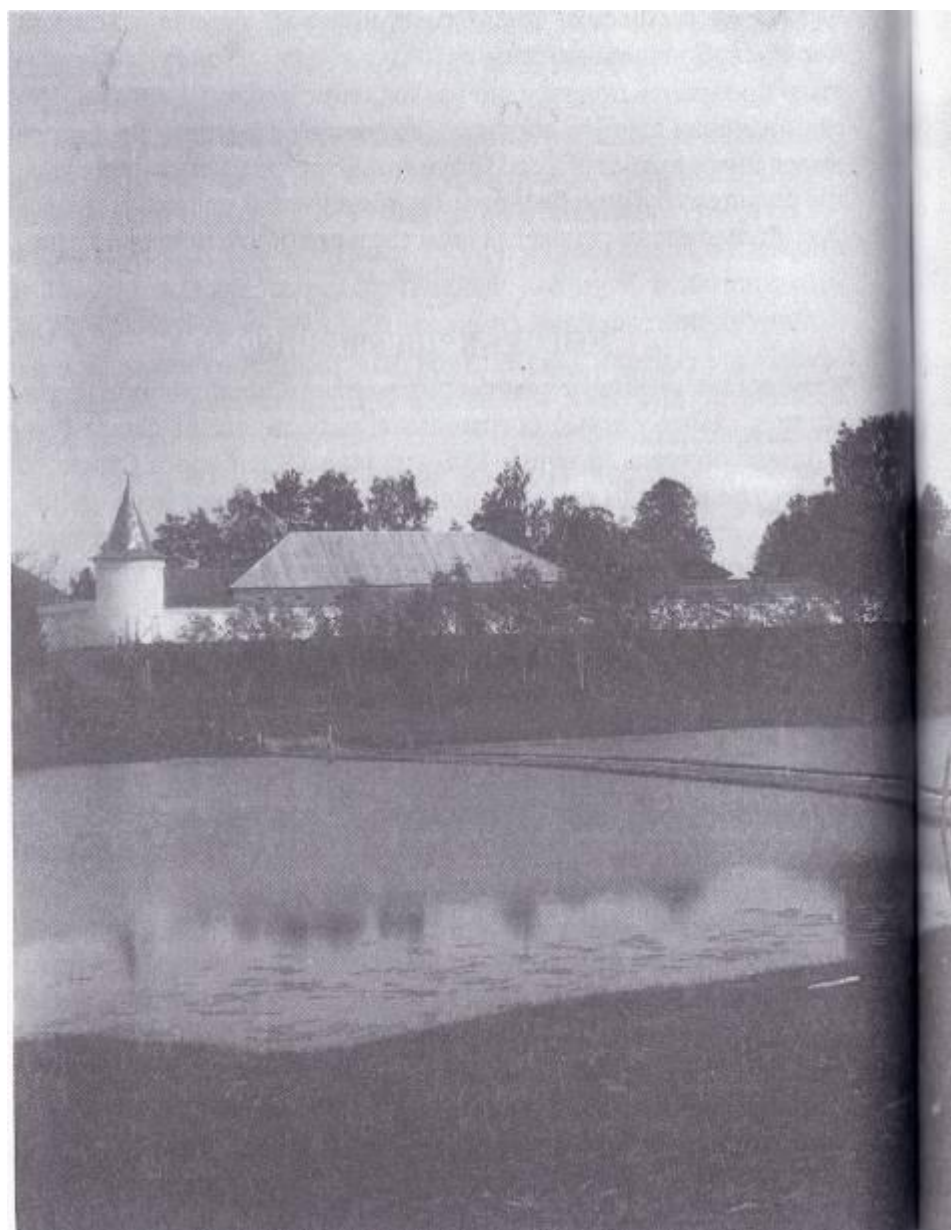
Что уж говорить, не часто случались в истории обители и ее посещения правящими архиереями. Епархиальная хроника зафиксировала два таких визита. Отчет об упомянутом приезде архиепископа Ионафана в монастырь 14 августа 1880 г. написан довольно ярко:

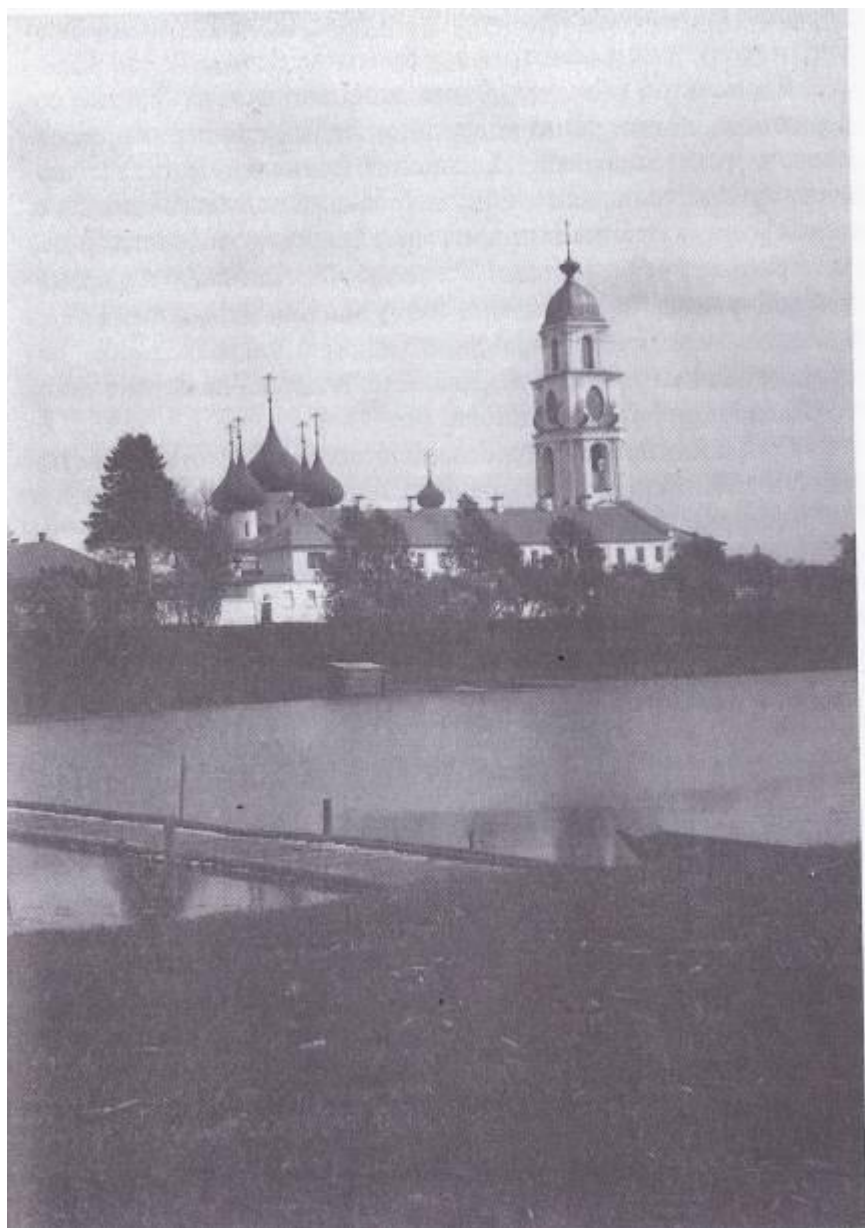
«Утром преосвященный Ионафан после ранней литургии совершил пред гробницей угодника Божьего Геннадия молебное с акафистом пение, после которого занялся осмотром Преображенского храма со всеми его приделами. Отсюда он перешел в Алексеевскую церковь и рядом с ней помещенную библиотеку, затем осмотрел все братские кельи.

В комнатах казначея, чисто отделанных и аккуратно содержимых, неожиданно встретило владыку пение пернатых. Казначей оказался любителем такого пения и в клетках содержал двух соловьев, канарейку и дрозда. С половины зимы соловьи начинают петь и продолжают пение до половины лета. Канарейка с дроздом поют постоянно. Почтенный отец казначей собирает своими руками в пищу для них муравьиные яйца в близлежащем лесу и тараканов в кухне и, таким образом, доставляет своим узникам содержание. Владыка не осудил такого развлечения в жизни инока.

Сопровождающий преосвященного настоятель монастыря - игумен Вениамин оказался стоящим всякого уважения по примерно воздержной жизни и прямоте своего характера. В ответах преосвященному он был так прямодушен и откровенен, что невольно напоминал евангельского израильтянина, похваленного Спасителем. В комнатах казначея на вопрос архипастыря о его поведении игумен сказал: «Казначей-трезвой жизни и надежный человек».

В комнатах рясофорного свечника владыка спрашивает игумена: «Не время ли ему принять полный постриг?» Настоятель, не задумываясь, говорит: «Нет, пускай погодит. Часто за рыбой ходит и уходит иногда из церкви раньше конца обедни».

Спасо-Геннадиев монастырь. Вид с запада.
Конец XIX - начало XX века. Фото В. Лопатина.
ЯМЗ.

В братской трапезе встретились владыке пятеро крестьян. «Это - наемные ваши люди?» - спросил он. А настоятель, не стесняясь присутствия сторонних лиц, отвечает: «Вот эти двое - наши работники, а эти трое - подмонастырской слободы шатуны. Пьют дома водку, а опохмелиться нечем. Идут в монастырь и канючат: «Отец настоятель, по стаканчику поднеси, заслужим». А заслуга-то ровенькая. Вот они кто».

Приезжают к настоятелю иногда родные и берут у него последнее его имение. Знают его характер и просят у него кто чего пожелает. Старец отказать не может и живет истым бессребреником...

...В кельях игумена явились преосвященному благочинный Обнорского благочиния священник села Воскресенского на Обноре Николай Успенский с принтами от трех церквей: Спасской на Элноти, Спасской в Кинтанове и Успенской на Секте. Благочинный объяснил при этом, что прибывшие с ним священно-церковнослужители явились не в указанных в маршруте местах по случаю храмовых праздников Успения Божией Матери и Нерукотворного образа Спасителя, когда они имеют быть заняты совершением крестных ходов и отлучка их в таковые дни была бы принята с ропотом со стороны их прихожан. Преосвященный одобрил такое распоряжение благочинного. По осмотре церковных документов владыка сделал отеческое наставление священнику села Спасского в Кинтанове по случаю возникших против него неудовольствий от прихожан, расспросил его о событиях, которые вызвали это неудовольствие, предложил ему мудрые советы, как снискать расположение его паствы и как должно устроить спасение каждого из пасомых. Затем, благословивши предстоящих ему служителей храмов Господних, преосвященный отпустил их в свои дома. Вслед за духовенством собралось все монастырское братство выслушать прощальное архипастырское наставление. Владыка напомнил братии об их монашеских обетах и их непреложном долге свято выполнять их, предложил более упражняться в молитве, выходить за ворота монастыря только по нужде или для исполнения наложенных послушаний и, с пожеланием мира и благодати, благословил каждого из предстоящих, оставил святую обитель...»

К сожалению, стиль «Ярославских епархиальных ведомостей» в начале XX в. заметно изменился, сухой канцелярит протокольных отчетов подменил живые очерки первых трех десятилетий. Но хотя бы так мы узнаем, что стенам Спасо-Геннадиевского монастыря довелось видеть и слышать святителя Тихона:

«Июля 11 числа 1908 года в 12-м часу ночи

высокопреосвященнейший Тихон, архиепископ Ярославский и Ростовский, выбыл со свитою и архиерейскими певчими из города Ярославля водным путем через Кострому и на пароходе по реке Костроме для обозрения Спасо-Геннадиева монастыря Любимского уезда. 12-го числа в 5 часов пополудни высокопреосвященнейший архиепископ Тихон прибыл в Спасо-Геннадиев монастырь, был встречен в ограде за Святыми воротами настоятелем и братией в полном облачении со святым крестом. Проследовав во храм, по окончании ектении и обычных многолетий владыка здесь в главной Преображенской церкви совершил всенощное бдение, выходил на величание преподобному Геннадию, Любимскому чудотворцу, и помазывал елеем от лампы преподобного сослужащих и богомольцев. Архипастырю сослужили Любимского Богоявленского собора протоиерей Иоанн Розов, настоятель монастыря - иеромонах Хрисанф и старшая братия обители.

Июля 13 числа, в неделю шестую по пятидесятнице, высокопреосвященнейший Тихон, архиепископ Ярославский и Ростовский, служил божественную литургию в Спасо-Преображенской церкви Геннадиева монастыря. Архиепископу сослужили Любимского собора протоиерей Иоанн Розов, настоятель монастыря - иеромонах (на малом входе со Евангелием возведенный в сан игумена) Хрисанф и старшая братия обители. Пред литургией, во время чтения часов, указанный послушник Алексей Введенский владыкой посвящен в стихарь. На литургии владыка произнес поучение на апостольское чтение, а в конце новопоставленному игумену Хрисанфу вручил жезл с положенным по чину поучением.

Владыка обозревал здесь храмы обители и здания хозяйства и выбыл тем же водным путем обратно в город Ярославль...»

Здесь надо сказать об особом внимании, проявленном к обители и ее преподобному строителю еще одним архипастырем, архиепископом Ярославским и Ростовским Нилом (Исаковичем; 1853-1874). В отделе рукописных источников Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранится конволют, в котором собраны некоторые рукописи из собрания высокопреосвященного. Среди них есть писарские копии жития и чудес, но особый интерес представляет текст акафиста преподобному, испещренный правками владыки. Их количество и содержание позволяют утверждать, что архиепископ Нил фактически написал заново, «пересочинил» акафист, предложенный в 1861 г. Карцевым и направленный Священным Синодом владыке для

редактирования. Нынешний наместник Спасо-Преображенского Геннадиева монастыря игумен Вениамин подчеркивает: «Сегодня во всех храмах России звучат слова акафиста преподобному Геннадию, написанного ярославским архиереем».

АЛЕКСЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Дата устройства в обители первой деревянной церкви во имя Алексия, человека Божия, в публикациях никогда не указывалась. Выше мы предположили, что устроена она была через несколько лет после рождения царевича Алексея Михайловича. Каких-либо подробностей о том храме в литературе не было.

Здесь мы вновь обязаны добром вспомнить подвижников Ярославской губернской ученой архивной комиссии: среди сохраненных ими документов есть патриаршая грамота на возобновление храма: «Алексия, человека Божия, что на святых воротах, разобрать, а на новую церковь лесу готовить и с того лесу вместо ветхой церкви построить вновь церковь во имя Алексия, человека Божия, а верх на той церкви бысть нешатровый, и алтарь сделать круглой тройной, а в церкви во алтарных стенах царские двери были посреди, а по правую сторону южные, а по левую северные... а старые церкви бревна, которые годятся, имать к новой церкви в поделку кроме мостов, а которые не годятся и те бревна в чисто мест... и как та церковь совершится и ко освящению изготовлена... бить челом нам, святейшему патриарху, и для антиминса велеть прислать священника нам. Лета 7196 года декабря 15 дня».

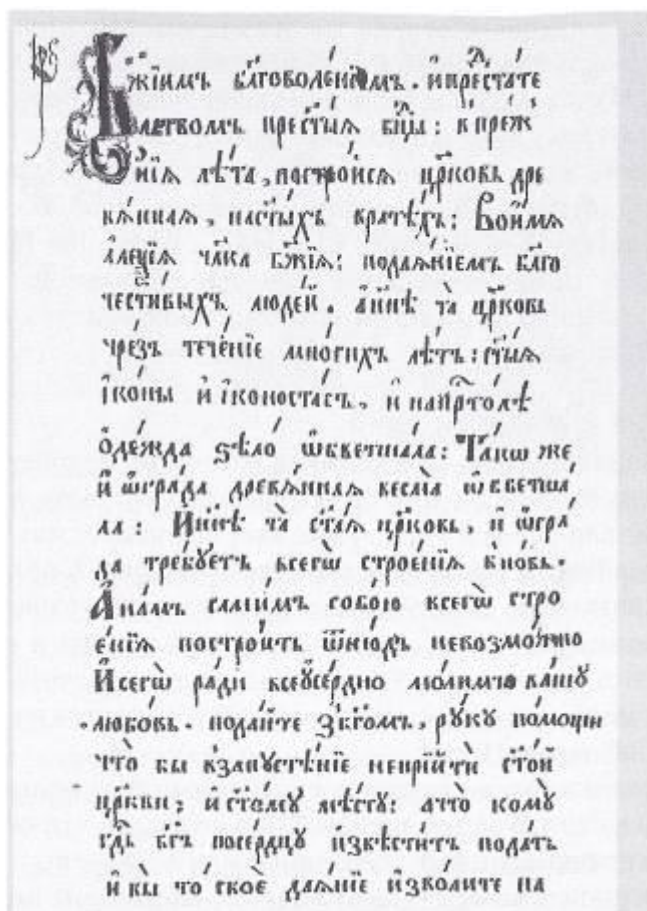
Итак, к декабрю 1687 г. Алексеевская церковь на Святых воротах в приозерной стене обители уже обветшала и вскоре была построена вновь. В описи первой четверти XVIII в. она значится: «надвратных воротах церковь деревянная во имя Алексия, человека Божия, на ней крест опаян белым железом. В церкви царские двери и столбцы и сень писаны на красках».

На иконе из Эрмитажа, выполненной предположительно в первой половине XVIII в., видно, что в то время Святые ворота были устроены не с восточной, а с приозерной, западной, стороны. Они изображены на переднем плане в центральной части монастырской стены, отделявшей территорию монастыря от Сурского озера, и представляли собой широкий арочный проезд с одноглавой церковью над ним, с двух сторон от нее круглые башни. В угловой юго-восточной части монастырской стены, где впоследствии будет выстроена каменная Алексеевская церковь, располагалась лишь круглая деревянная башня с широким проездом под

ней.

Второй деревянный Алексеевский храм простоял около 60 лет - по-видимому, на долговечности деревянного строения вновь сказалась близость воды. Все без исключения монастырские описи относят постройку каменной церкви к 1751 г., однако не уточняют - это дата закладки церкви или ее освящения.

Отчасти пролить свет на этот вопрос позволяет копия документа, обнаруженная в бумагах Д.Н. Горшкова. Из него следует, что в 1748 г. игумен монастыря Николай подал прошение о выдаче разрешения на сбор пожертвований на строительство новых каменных Алексеевской церкви и монастырской ограды:

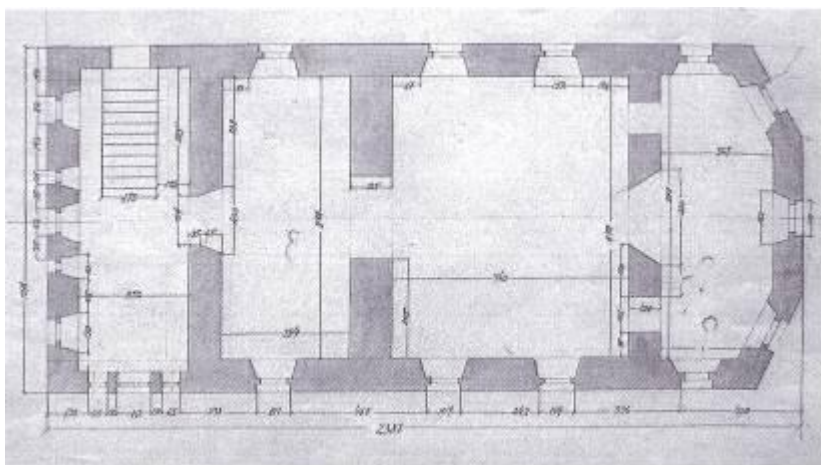
Прошение о выдаче разрешения на сбор пожертвований на постройку каменной церкви во имя Алексия, человека Божия. 1748.

«Божшим благоволением и предстательством Пресвятыя Богородицы в прежния лета постройся церковь деревянная на Святых вратах во имя Алексия, человека Божия, подаянием благочестивых людей. А ныне та церковь чрез течение многих лет святые иконы и иконостас и на престоле одежда зело обветшала. Тако же и ограда деревянная весьма обветшала. И ныне та святая церковь и ограда требует всего строения вновь. А нам самим собою всего строения построить отнюдь невозможно. И сего ради всеусердно молим вашу любовь подайте с Богом руку помощи, чтобы в запустение не прийти святой церкви и святому месту». К посланию прикладывалась прошнурованная и запечатанная книга, в которой каждый жертвователь мог оставить свое имя и фамилию (а также сумму взноса на богоугодное дело) для последующего благодарственного поминовения в молитвах братией монастыря. Владыка, а им тогда был архиепископ Костромской и Галицкий Сильвестр (Кулябка, 1745-1750), дал разрешение на сбор пожертвований.

Следует предположить, что на это весьма непростое, как и ныне, денежное дело ушло немало времени. Заметим, что даже начало работ в 1751 г. вызывает сомнение: на это требовалось благословение правящего архиерея, а после владыки Сильвестра кафедра в Костроме три года «вдовствовала». Кроме того, в самой обители дважды, в 1751 и 1755 гг., сменялись настоятели. Характерно, что в некоторых описаниях монастыря строительство приписывается не игуменам, а казначею Иосифу.

Продолжалось каменное строительство, как правило, несколько лет. В описи начала XIX в. указано, что печатанный на полотне антиминс для престола Алексеевского храма был священнодействован в 1756 г. епископом Костромским и Галицким Геннадием (Андреевским, 1753-1757)- Таким образом, Алексеевскую церковь следует датировать 1748-1756 гг.

В «Обер-офицерской» описи 1763 г. новый храм уже учтен: «церковь каменная во имя Алексия, человека Божия, об одном престоле в самой оградной каменной стене, при ней паперть деревянная, которая из той стены вышла в монастырь, в длину 10^{1/2} и поперег 5 сажен. Под нею теплый погреб для клажи хлеба».

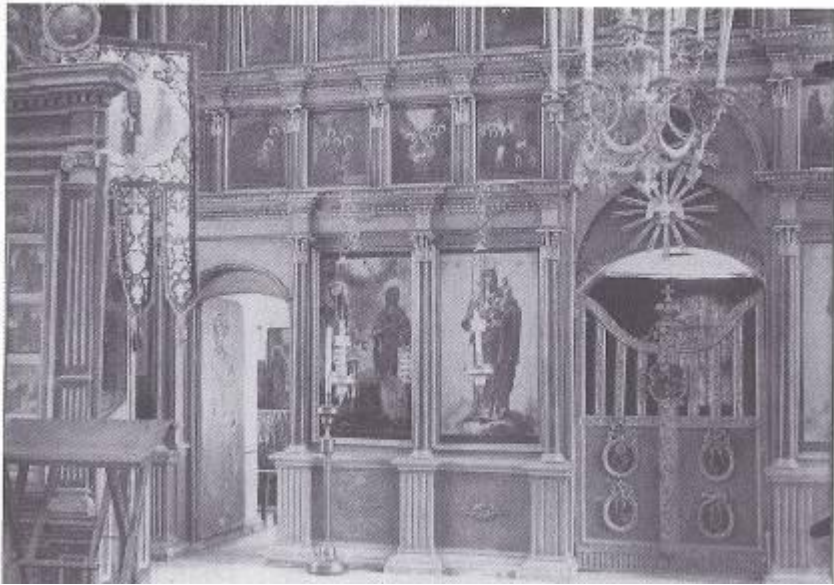
План 2-го этажа Алексеевской церкви по обмерам 1946 г. ГНИМА

Двухэтажная церковь была выстроена «кораблем». Под храмом располагался подклет, в котором, по примеру деревянной Алексеевской церкви, устроили было проезд, но уже вскоре его перенесли в новые Святые врата.

Представление о первоначальном облике каменной церкви дает ее изображение на иконе второй половины XVIII в. Высокий каменный четверик с лопатками по углам и карнизом, протянутым по верху стены (без кокошников), покрыт четырехскатной крышей и увенчан луковичной главкой на круглом барабане с восьмиконечным крестом над ней. К церкви с западной стороны примыкает деревянная паперть.

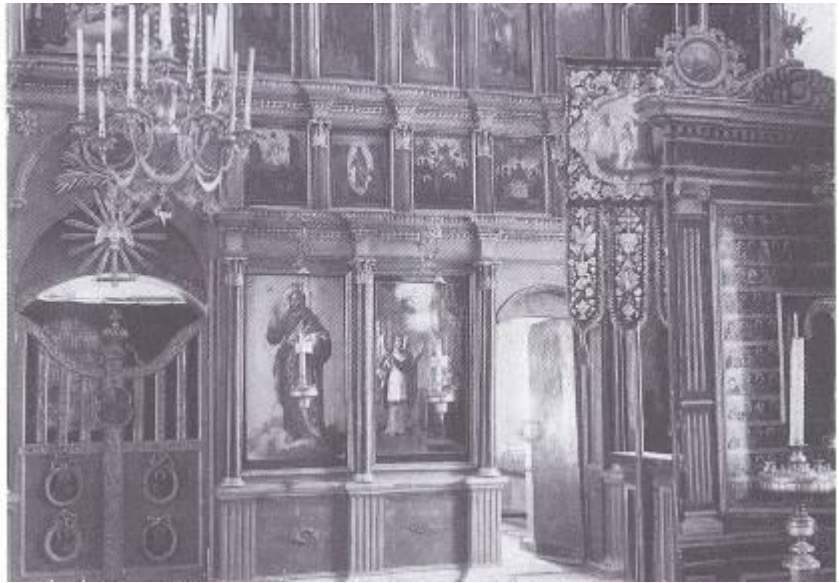
Приходно-расходные книги 1760-х - 1770-х гг. отражают обычные работы по поддержанию храма: «делание ... дверей новых и в хлебной келье лавок» (ворота были заложены, помещение под церковью приспособили под монастырскую житницу), починку «у лестницы приступок деревянных», ремонт оконниц и т. п.

К 1779 г. деревянные кровли на храме и паперти обветшали, требовала ремонта и сама паперть - были куплены бревна и «еловых кровельных тесниц триста».

Алексеевская церковь. Иконостас. Северная половина. 1910. ГАИМК

Был ли выполнен этот ремонт, мы не знаем: уже с описи первой четверти XIX в. деревянная паперть не упоминается - скорее всего, пристройка каменной трапезной произведена после завершения каменных работ в новой теплой церкви собора, т. е. в конце 1800-х гг.: «Церковь каменная об одной главе с трапезой и папертью... алтарь настоящей и глава покрыты железом, выкрашенным зеленой краской, на главе крест четвероконечный фигурный, выкрашен краскою, трапеза с папертью покрыты тесом». Трапезная перекрывалась коробовым сводом, а новая паперть - плоским деревянным подшивным потолком. Перечисляя отдельные части здания - церковь, трапезную, паперть, составитель документа отмечает, что основная часть храма соединялась с новой каменной трапезной арочным проемом, устроенным в центре его западной стены. Аналогичная арка теперь вела из трапезной в паперть.

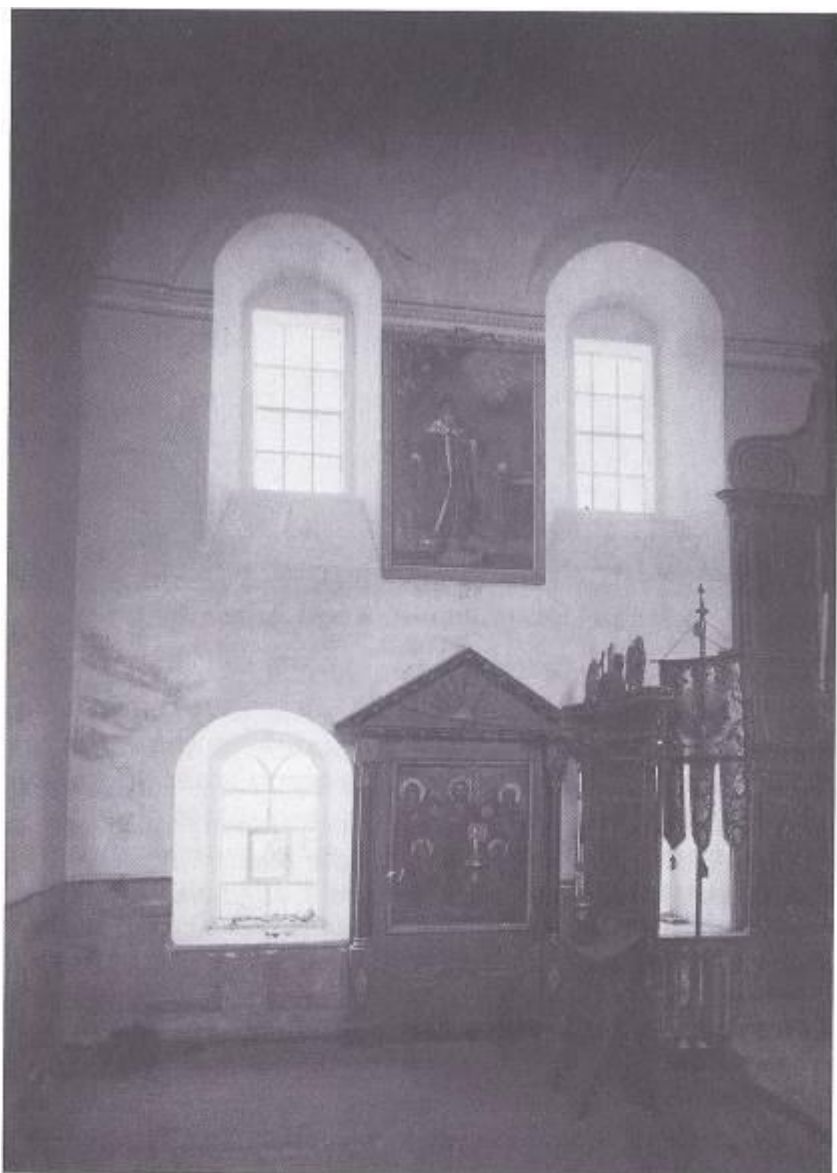

Алексеевская церковь. Иконостас. Южная половина. 1910.
ГАИМК

Ближе к южному углу западной стены трапезной устроили еще один арочный проем: там было выгорожено место для монастырского архива и библиотеки, которые перенесли сюда из колокольни.

Хранить было что: в начале XX в. библиотека монастыря включала святоотеческие писания, духовные журналы, большое число книг исторического содержания, оставшихся после иеромонаха Нифонта. Кроме того, здесь сохранялось множество древних рукописных документов различного содержания - от времен Ивана Грозного до Петра Великого.

Всех грамот, отписных бумаг, судебных дел, описей, челобитных и прочего в обители сохранялось до 494 наименований. Все они были представлены в 1848 г. в Общество истории и древностей российских, там разобраны и в 1851 г. возвращены в обитель. Эти акты были не одинакового достоинства, но важнейшие из них имели значение не только для монастыря, но и вообще для истории российской, о чем с гордостью писалось в епархиальных ведомостях в 1866 г.

Алексеевская церковь. Северная стена. 1910.ГАИМК

Не вызывает никакого сомнения, что какая-то часть именно этих документов и составила позднее то уникальное собрание древних актов Геннадиева монастыря, которое обнаружилось в конце концов в ГАЯО и дошло до наших дней. Непонятно, каким образом и когда эти документы оказались в руках специалистов Ярославской губернской ученой

архивной комиссии, но какой замечательный пример являет собой сам факт передачи этих документов из далекого монастыря в руки специалистов! Хочется надеяться, что при изучении самих документов выяснятся подробности и этого сюжета...

Вернемся к описи начала XIX в., в ней приводится достаточно подробное описание интерьера: «Во оной церкви по своду и стенам написаны 4 клейма, в первом над иконостасом Господь Саваоф и град Иерусалим, во втором держание креста Константином и Еленюю, в третьем князь Владимир, в четвертом на убрусе Нерукотворенного образа, держимого двумя ангелами.

...иконостас столярной работы о четырех ярусах с колоннами и порескою... выкрашен бирюзовою краскою, колонны под вид мрамора темно-яхонтового, капители пореска, дорожки, клейма вызолочены.

...на железной нетолстой коленчатой цепи висит паникадило медное посеребренное и местами позолоченное о четырнадцати шандалах и под ними привешена кисточка золотая небольшая.

...В трапезе иконостас об одном ярусе выкрашен перловою краскою, колонны, капители, пореска, флямы вызолочены.

...На паперти на стене написано: над дверьми деисус, на правой стороне Алексей человек Божий, Страшный суд, Ануфрий Великий, на левой преподобный Геннадий, явление Божьей Матери преподобному Сергию и преподобный Петр Афонский».

В книге Е. Р. Романова, помимо уже известных сведений, мы видим описание иконостаса: «Церковь Алексеевская находится над амбарами, на втором этаже; длина ее 34 арш., ширина 17 арш., высота всего здания 12 саж. Глава одна. Иконостас столярный в 4 яруса, письма южно-русского. Царские врата с короною, четырехконечным крестом и пятью клеймами; справа Господь Вседержитель, Благовещение, на двери Аарон, храмовая Алексия и на завороте Макарий; слева Божия Матерь, Захария и Елисавета, на двери Стефан, далее Иоанн Златоуст и на завороте Сергей. Во втором ярусе Тайная вечеря и по сторонам праздники; на заворотах: Спаситель с предстоящими и Живоносный Источник. В третьем ярусе: деисус, архангелы Гавриил и Михаил и апостолы. Здесь на правом завороте икона архидиакона Стефана, приписываемая кисти Геннадия. [Последнее замечание автора, по-видимому, восходит к фразе владыки Филарета (Гумилевского) из жития преподобного: «Любимым занятием его было, по преданию, писание святых икон, и он своими трудами украшал свои храмы». Однако документально подобные предания не

зафиксированы, да и игумен Алексей не упоминает об иконописных занятиях аввы Геннадия.] Наверху четырехконечный крест с предстоящими и по сторонам клейма со сценами страданий».

Двери иконостаса Алексеевской церкви: архидиакон Стефан (слева) и пророк Аарон.
1906 ГАИМК

О времени изготовления иконостаса и его икон сведений не сохранилось. Имеется лишь донесение игумена Хрисанфа, который в 1910 г. сообщил консистории, что «иконы могут быть отнесены к концу XVIII столетия, а именно, к 60-70 годам его, и все они сохранились хорошо за исключением изображений на северных и западных дверях иконостаса, которые требуют безусловной поправки ввиду того, что левкас этих икон совершенно облупился».

Как мы уже писали, приозерной обители, а еще больше нам с вами, «повезло»: Г. И. Фадеевой удалось обнаружить не только архивное дело о ремонтах в монастыре, но в переписке об Алексеевской церкви и

фотографии ее интерьера!

Выше мы привели описание настенных росписей в начале XIX в. В какой технике они были выполнены - по штукатурке или на холсте, не указано. Галина Ивановна предположила, что это были именно картины, выполненные на холсте и помещенные в деревянные прямоугольные рамы, прикрепленные к стенам (видны на фотографиях). При необходимости они снимались. Поэтому осмотревший Алексеевскую церковь в 1911 г. А. А. Пентюхов (тот самый иконописец, работавший ранее в соборе) сообщал, что стены церкви лишены всякой живописи и покрыты только штукатуркой. Причиной его приезда было прошение консистории в Императорскую археологическую комиссию о разрешении ремонта живописи в Алексеевской церкви. Затеявая ремонт, игумен Хрисанф предполагал «иконную и верхнюю живопись с прибавкою картин сделать из масляной краски, резьбу и низ вышиною на одну сажень выкрасить масляной краскою, стены выкрасить клеевой краской». («Верхняя живопись» названа не стенным письмом, а «картиною», что подтверждает предположение.) Планировалось также привести в порядок обветшавший иконостас, который «покрыт только одним слоем голубой масляной краски, совершенно испортившейся от времени, иконы же требуют сравнительно малой поправки»

Однако этим дело не ограничилось. В ведомости 1911 г. указывается: «После довольно долго продолжавшегося запущенного состояния означенная церковь обновлена в 1911 году при архимандрите Василии, а именно: стены внутри ее покрыты новою живописью, иконостас тоже окрашен масляной краской, и живопись в нем вся промыта, снаружи церковь вся обелена, крыша и купол починены новым железом и окрашены медянкой, а крест на куполе вызолочен». Возможно, что автором росписей, фрагменты которых видны на стенах храма и по сей день, был все тот же А. А. Пентюхов.

Завершая описание храма, Е. Р. Романов писал: «Внутри оной в алтаре, церкви, трапезе и паперти полы деревянные».

И последнее, что мы узнали о работах в церкви: в 1913 г. «по ходатайству настоятеля Спасо-Геннадиева монастыря архимандрита Дмитрия разрешено произвести летом текущего года нижеследующий ремонт... оконные рамы Алексеевского храма окрасить масляной краской, равно и портики с улицы при том же храме».

МОНАСТЫРСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

Первое документальное упоминание о колокольне обители, построенной еще при преподобном Геннадии, находим уже в «Отписной списке» 1565 г. При нем она, само собой разумеется, деревянная, получила и свой ансамбль: «семь колоколов, один очапной». (Заметим, что и в Корнилиево-Комельском монастыре использовались и язычный, и очапной способы звона, последний, когда звонари раскачивали не язык, а сам колокол - для благовестника.) Зафиксировано наличие колоколов (без уточнений) и в переписной книге Осецкого стана 1629/1630 гг.

Колокольня, выстроенная менее чем через столетие к юго- западу от соборной церкви, стала вторым каменным зданием монастыря. Она значится в первой известной нам в XVIII в. описи Спасо-Геннадиева монастыря и его угодий: «Колокольня каменная, на ней крест железный золоченый, в середине церковь Корнилия Комельского чудотворца не освящена. В церкви царские двери и столбцы и сень резные. На той же колокольне семь колоколов, в том числе один большой, другой повседневный, пять маленьких с часами, с исподи под церковь две полатки, у них затвор и двери железные. Под полатками внизу погреб теплый». Часы на колокольнях уже стали к этому времени явлением очень распространенным - в Корнилиевом монастыре они появились еще в середине XVII в. Механика отмеряла время, и звон разносился над полями, пахали которые все еще по старинке...

Документ этот не содержит не только конкретных числа- месяца, но и года (в описи уникальной коллекции монастырских документов в ГАЯО она отнесена к началу столетия). Ясно, что он составлен спустя какое-то время после окончания работ по строительству колокольни: стало возможным и крест над ней воздвигнуть, и часы установить, и колокола развесить. И храм под ярусом звона, посвященный «крестному отцу» обители, уже обустроили, но он еще не освящен.

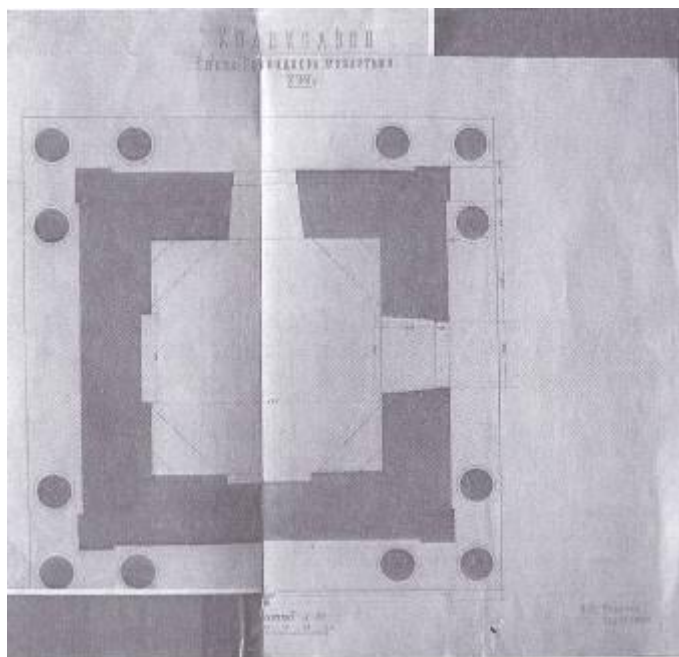
В литературе о монастыре указывается, что колокольня возведена в 1715 г. С этим согласуются и сведения надписи, которую несли два небольших колокола: «1715 г. приложил сей колокол вкладу в обитель Всемиловитового Спаса и Геннадия Чудотворца дворянин Иван Михайлович Сурмин при игумене Мелетии» (П. М. Строеву этот настоятель был известен по упоминанию в 1716 г.). Логично предположить, что колокола вкладывались уже для нового сооружения. Кампанолог Н. С. Каровская считает, что по весу эти колокола, и пудов 12 фунтов и 5 пудов I фунт, вполне могли служить «старшими» в часовом

ансамбле.

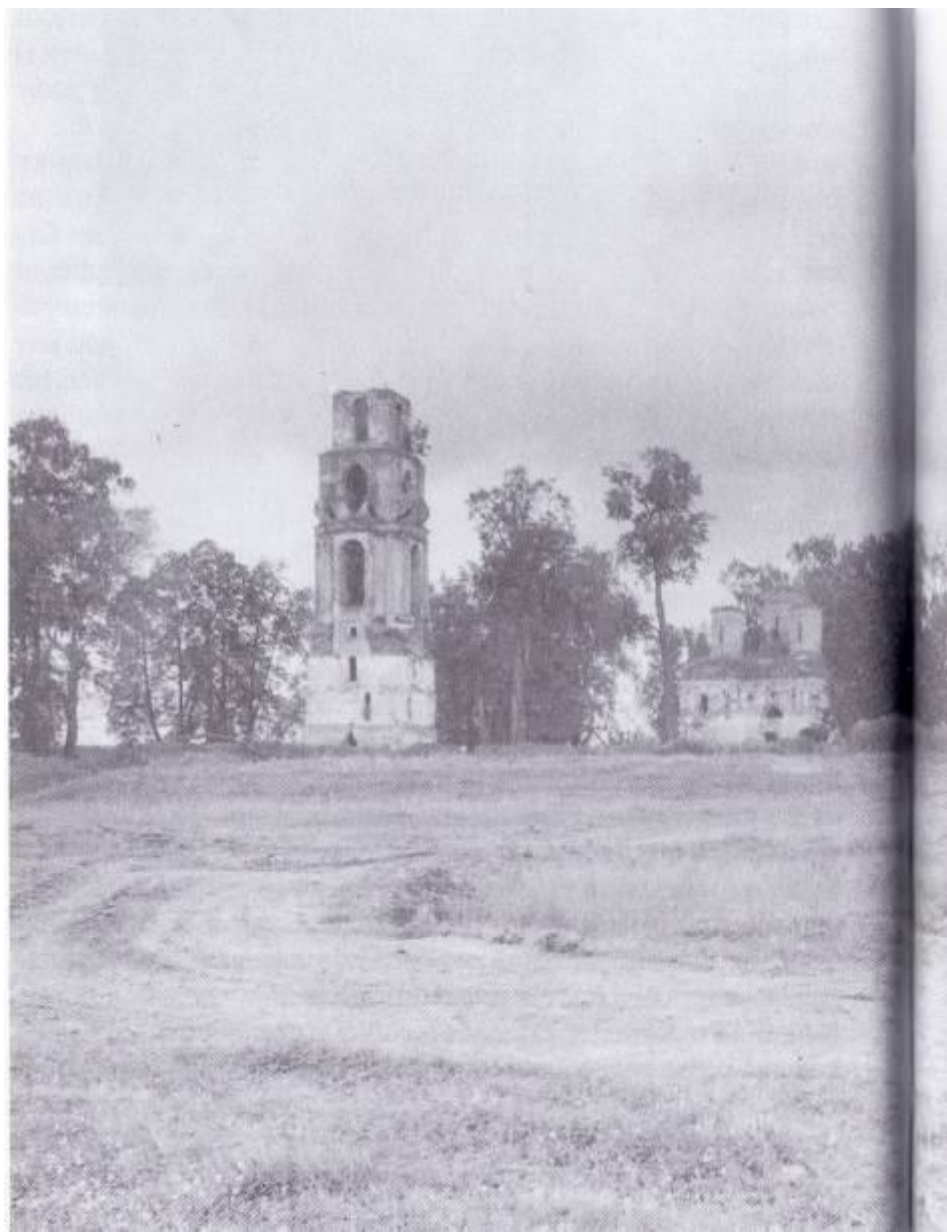
Мы уже не раз обращались к процитированной описи из ГАЯО и датировали текст концом правления Петра I. Чтобы обосновать это, нам пришлось сначала разбираться с периодами настоятельства игуменов обители. В тексте документа далее упомянуты «в том монастыре игумен Стефан казначей иеродиакон Иоасаф», более того, рука этого настоятеля приложена к 56 листам книги с описью. В своем труде П. М. Строев подчеркивал, что Стефан определен во игумены 7 марта 1723 г. «по прежнему» - имея, вероятно, в виду, что тот настоятельствовал ранее, когда предыдущий указанный им игумен, Гурий, был в 1720 г. переведен в Пошехонский Николо-Тропский монастырь. (Прекращение игуменства Стефана автор датировал 1729 г.) В статье о Спасо-Геннадиев монастыре в «Ярославских епархиальных ведомостях» 1866 г. приведен список настоятелей за всю историю обители. В первой трети XVIII в. в нем значатся игумены Корнилий (1704 и 1705 гг.), Мелетий (с 1713 по 1719 г.) и Стефан (с 1719 по 1728 г.), а Гурий вообще не упоминается.

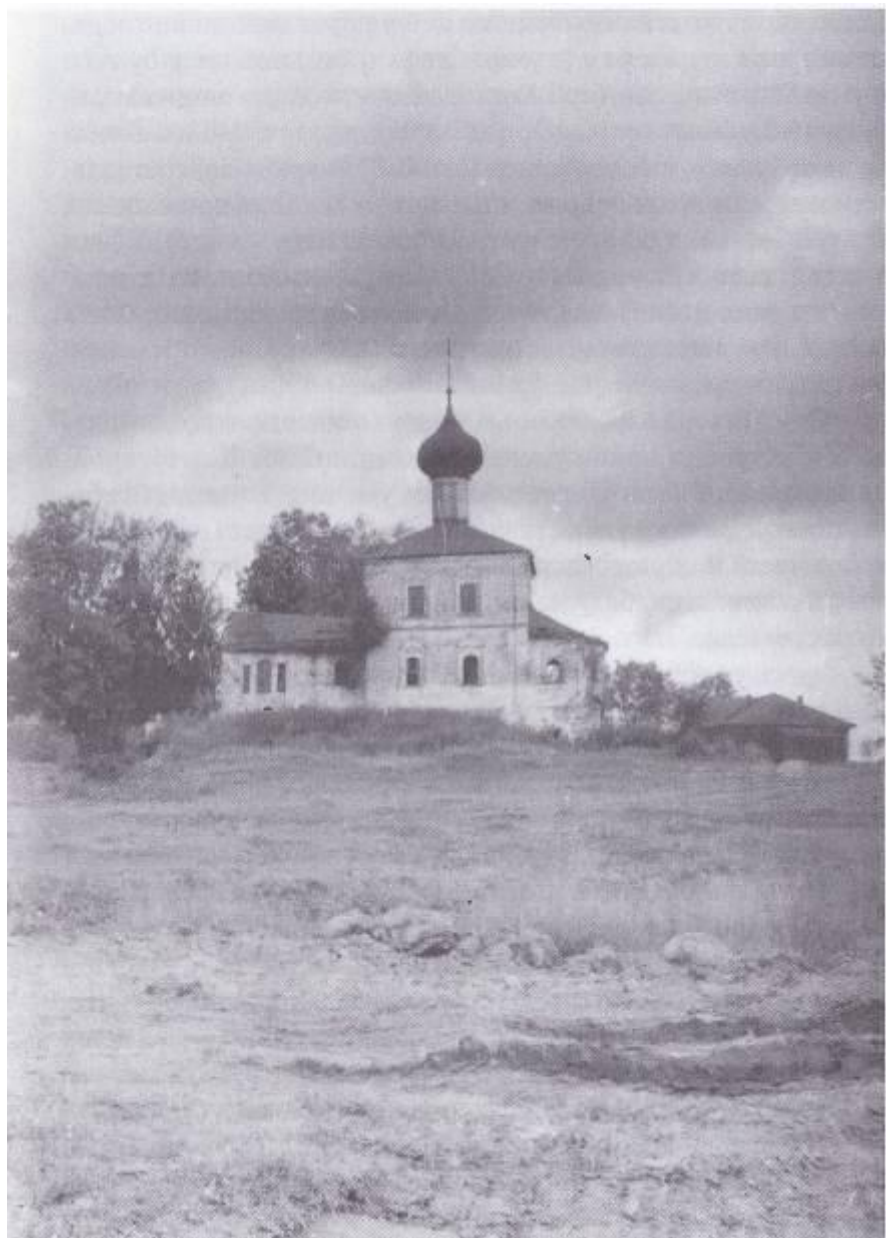
Наверное, так и остался бы невыясненным вопрос о настоятеле, выстроившем колокольню, если бы не... американка Кэтрин Атуэлл. Благодаря ее интересу к религиозной жизни православных в России XVIII в. мы подержали в руках «Вкладную книгу Спасо-Геннадиевского монастыря», хранящуюся в Ярославском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, и вместе с Татьяной Ивановной Гулиной перелистали ее 192 страницы. Нет необходимости уточнять, что и этот интереснейший документ не изучен. А сколько важных и разнообразных выводов позволил бы сделать вдумчивый анализ записей в нем. И о социальном составе вкладчиков, и о размере вкладов (от коров и быков до икон и дорогих книг, от тканей до облачений), о географии мест, откуда происходили богомольцы, и о частоте вкладов...

Завел вкладную книгу игумен Мелетий уже после вклада колоколов И. М. Сурминым (записи о них мы не обнаружили), а с декабря 1719 г. каждый лист в ней на протяжении почти десятилетия заверял уже игумен Стефан. Водяной знак бумаги в этой части книги - герб Амстердама - по справочникам филиграней указывает на период с 1711 по 1725 г. Но на аналогичной бумаге, как сообщила нам С. В. Севрюкова, составлена и опись из архива. Более того, поводом для ее составления наверняка стала смена игумена в монастыре - в 1719 г. (или в 1723 г., если, как указывал П. М. Строев, имело место его переназначение)..

План колокольни по обмерам 1946 г. ГНИМА

Вид на монастырь с юга: колокольня, собор, Алексеевская церковь,
гостиница.

1980-е. КИХН

Вот поэтому мы можем уверенно датировать последнюю настоятельством игумена Стефана, или последними годами правления Петра I

Итак, второе каменное здание монастыря воздвигнуто и обустроено при игумене Мелетии. А вот благоустроили и освятили Корнилиевский храм уже при игумене Стефане, поэтому, видимо, и осталась в памяти его роль в создании колокольни и церкви «под звонами». Только ничего не знаем мы об обоих этих, безусловно, много сделавших для обители ее настоятелях.

Здесь уместно посетовать на одну давнюю традицию нашей исторической культуры. Так сложилось еще в российском «церковно-археологическом» краеведении, что авторы, рассказывая о замечательных памятниках православной культуры, практически ни слова не говорят о вплетенных в их историю людских судьбах, даже оставивших о себе заметную память.

Известно, например, что в ризнице собора бережно хранился на престольный крест в басемном окладе с мощами 11 святых, пожертвованный в 1647 г. Никитой Васильевичем Кафтыревым и сыном его Дмитрием на поминование родителей. С пиететом писалось также про два старинных евангелия с надписями, которые были пожертвованы первое - игуменом Тихоном в вечный поминок по себе и родителям в 1677 г.; второе - боярином Иваном Михайловичем Сурминым в поминок по иеродиакону Серафиму в 1703 г. Но кто были эти игумен, иеродиакон и жертвователи? Ни слова...

Узнать, что конкретно связывало Никиту Васильевича с обителем в Костромском уезде, нам не удалось. Всего за несколько лет до этого он вернулся в Москву из «сибирской службы» - был воеводой. В словаре Брокгауза и Ефрона сказано про Н. В. Кафтырева: «потом судья Владимирского приказа, участвовал в войне с Польшей (1654-1656)». Но в связи с чем им был вложен крест в новый храм у Сурского озера? Может быть, Никита Васильевич - потомок сыновей Есипа (Осипа) Кафтырева, назначенного в 1538 г. первым городовым приказчиком Любима? Тех самых его сыновей, которые в 1565/1566 г. владели землями в Осецком стане Костромского уезда по соседству с вложенными тогда в монастырь семьей Нелюбовых (Бедаревых)? Вообще род-то костромской...

Кстати, в Туринске (этот острог-город на Урале основан в 1600 г. на месте городка Епанчина, близ которого Ермак разбил татарское войско) первым воеводой был Иван Лихарев. Уж не тот ли это Лихарев, Иван

Пятово сын, который в 1571/1572 г. при игумене Алексии дал в Спасскую обитель половину своего села Никольского с деревнями по р. Андоме?

И род Сурминых с Костромским уездом связан был давно: в 1591-1592 гг. указаны они среди патриарших детей боярских по Костроме, сам Иван Михайлович в 1703 г. тоже был боярином патриаршим. В это, кстати, время ему была отдана из монастырского приказа деревня Колпинская Костромского уезда. Известно, что стряпчий Иван Сурмин в 1709 г. был переписчиком вотчин Ипатьевского монастыря. Вот такой костромской дворянин в 1715 г. вложил в обитель два колокола.

А потом ему «не повезло». Документы времен первой русской императрицы рассказывают, что в 1726 г. дворянин Иван Сурмин просил о возвращении из Тайной канцелярии конфискованных у него двора и 24 882 рублей, поскольку он, как выяснилось на следствии, «не приличился ни в каком преступлении» и был оговорен «неправым доносом» фискала Семена Меньшого. Екатерина I милостиво повелела выдать пострадавшему... 5 тысяч рублей - видимо, остальные деньги к тому времени уже были потрачены.

У его потомков с императрицами отношения сложились иначе. Дочь Иван Михайловича Марфа стала женой Р. И. Воронцова. Богатая наследница своего отца, скончавшегося в 1729 г., она была близка с Елизаветой Петровной в те времена, когда положение дочери Петра Великого при дворе Анны Иоанновны было совсем нелегким. После смерти Марфы Воронцовой младшую внучку до четырех лет растила бабушка Федосья Артемьевна Сурмина. Выросшая внучка спасогеннадьевского владчика стала подругой другой русской императрицы, Екатерины II,- это Екатерина Романовна Дашкова, президент Российской академии...

На наш взгляд, именно живые человеческие судьбы помогают «развязать» многие и многие узелки прошлого.

Но вернемся к истории колокольни. Из «Обер-офицерской описи» 1763 г. следует, что для входа в церковь Корнилия Комельского служила деревянная паперть, которая с самого начала примыкала к зданию колокольни. Палатки и погреб размещались в четверике нижнего яруса колокольни. На ярус звона, который находился над церковью, в верхней половине восьмерика, можно было подняться по внутрискрипной лестнице.

Шатровое завершение над ярусом звонов, к этому времени обветшавшее, было деревянным и покрывалось по стропилам, как и паперть, тесовой кровлей со скалою (между слоями теса прокладывалось

широкое полотнище бересты). И шатер, и паперть неоднократно горели не только от небрежности звонарей, но и от молний, сведения о ремонтах после пожаров в приходно-расходных книгах монастыря сообщают новые подробности об ее устройстве.

Так, в сентябре 1770 г. было выдано 8 рублей «села Фоминского крестьянину Семену Иванову за зделание... в колокольне каменной полу бревенного нового и с лестницей деревянной и за прикрышку той колокольни тесом вместо згоревшого от грому шатра деревянного и полу и за забрание в той колокольне в окошках балясами в брусья». В марте 1771 г. - 12 рублей «села Никольского деревни Быстрова кузнецу крестьянину Фадеею Федорову за исправление ... на колокольне пожаром поврежденных часов железных и за зделание дверям колокольни крюков железных».

В 1777 г., после очередного пожара, крестьянин села Буюкова плотник Александр Никитин получил 75 рублей за починку колокольни, а именно: «вместо сгоревших на каменной колокольне деревянного шатра и деревянной бывшей при той колокольне паперти, построены оной шатер и паперть новые, паперть шириною во всю колокольню на четыре сажени, а вышиною с кровлею до шести сажень, и в ней зделана лестница для всходу к колоколам и в имеющуюся в той колокольне пониже колоколов церковь преподобного Корнилия Комельского, а шатер вышиною на осмнадцать сажень, на шатре глава чешуею покрыта».

В конце XVIII в. звон в монастыре производили по-прежнему 7 колоколов. Но надписи на больших колоколах сообщали, что их отлил в Костроме мастер чебоксарский купец Алексей Григорьевич Синцов: первый, весом 112 пудов 22 фунта, в 1787 г., второй, в 40 пудов, - в 1776 г. Третий, в 22 пуда 35 фунтов, надписи не имел. Может быть, только он и остался от ансамбля XVI в. - колокола ведь тоже страдали во всяких катаклизмах: например, в марте 1770 г. оплачивали переливку старого разбитого колокола. О четвертом и пятом, вложенных Сурминным, мы уже упоминали, в шестом колоколе было 3 пуда 28 фунтов, а в седьмом i пуд 20 фунтов.

Около 1807 г. церковь «под колоколами» упразднили - Корнилиевский престол был, как мы уже знаем, перемещен в придел собора, в новопостроенную теплую трапезу, а в бывшем храме разместился монастырский архив с библиотекой. В описи монастыря, составленной вскоре после этого, колокольня в своем первоначальном виде упомянута в последний раз: «каменная с боевыми часами, шпиль

покрыт тесом, крест и глава опаяны жестью белой, в ней 8 окошек с железными решетками и 2 железными дверями, на ней в 7 окошках перила железные, на ней 7 колоколов. В оной колокольне [как и в Корнилиевом монастыре] палатка для хранения письменных дел».

Такой колокольня оставалась до 1831 г., когда через год после ходатайства настоятеля было дано разрешение на ее перестройку. Строительство затянулось до 1835 г. Оно не ограничилось заменой деревянного завершения каменным, но придало всему сооружению совершенно новый облик: «игумен Палладий [П] снял ... деревянный шпиль, наложил ... еще два яруса каменной кладки и все вместе старые ярусы и новые украсил заложенными снизу на новом фундаменте колоннами, фронтонами и пилястрами, верх колокольни увенчал главою из листового железа и водруженным на нее крестом».

Оказалось, что реальные расходы намного превысили намеченные по смете 1830 года, началось разбирательство, в результате которого траты были признаны обоснованными. Колокольня высотой 19 сажен с аршином получилась замечательной. Уникальность этой постройки, не находящей прямых аналогий в подобных ей сооружениях, делает ее заметной, запоминающейся и заслуживающей внимания историков архитектуры. Дореволюционные исследователи имя архитектора не упоминали - в XIX в. говорить об авторе проекта считалось излишним. Сегодня это стало предметом дискуссий.

Предварительная смета 1830 г. подписана ярославским губернским архитектором Петром Яковлевичем Паньковым. Хотя нельзя исключить, что подпись чиновника губернского правления под сметой была отражением его служебной обязанности. Сам факт, возможно, и дал основание Н. С. Борису решительно утверждать в книге «От Ярославля до Вологды», что перестройкой колокольни руководил именно губернский архитектор. Исследователь творчества Панькова С. Н. Овсянников связывает с его именем перестройку и строительство целого ряда колоколен в Ярославле, Ростове, Рыбинске и Любиме. Всем этим постройкам был придан новый классицистический облик, что нельзя не объяснить и модой, и особым личным пристрастием к этому стилю правящего архиерея, архиепископа Ярославского и Ростовского Авраама (Шумилина, 1824-1836).

В архитектуре колокольни Спасо-Геннадиева монастыря, пожалуй, в первый и последний раз, произошло явное и подчеркнутое смешение стилей барокко и классицизма, которое было обусловлено желанием

стилистически объединить новую колокольню со старым собором. Столь смелый шаг был вполне по плечу занимавшему высокий пост талантливого и независимому самоучке, каким и был этот ярославский губернский архитектор

В первоначальном виде колокольня представлена только на иконах, изображение на которых очень условно и позволяет судить о ее облике лишь в самых общих чертах. Изображение ее в перестроенном виде мы встречаем на известной гравюре с видом Спасо-Геннадиева монастыря с северо-западной стороны. Это единственное достаточно точное, очень близкое к оригиналу изображение колокольни целиком от первого яруса до последнего.

При посещении монастыря в 1880 г. архиепископ Ионафан обратил особое внимание на колокольню и дал своеобразную, но высокую оценку трудам игумена Палладия И: «... это значительное по высоте красивое здание и, что удивительно, не имеет трещин, которых надобно было бы ожидать от разновременной кирпичной кладки различных частей ее».

Ведомость 1911 г., также напомнив о трудах игумена Палладия, сообщает новые факты: «Звон производится в 9 колоколов, из которых весом: большой - 308 п. 20 ф., второй полиелейный - 112 п., а прочие мелкие. В 1911 году при архимандрите Василии вся колокольня отремонтирована заново, выбелена, стропила и купол исправлены, железные части выкрашены и крест вызолочен». (К старому ансамблю добавился купленный в 1896 г. почти пятитонный благовестник и совсем малый 9-й колокол - в I пуд.)

В ведомостях Спасо-Геннадиева монастыря значились и две деревянные часовни. Первая, крытая железом, находилась на р. Костроме и служила пристанью для пароходов, вторая, с тесовой кровлей, стояла в деревне Белоглазово на большой дороге. В 1911 г. они были отремонтированы.

ДРУГИЕ СТРОЕНИЯ МОНАСТЫРЯ

Мы уже отмечали небескорыстность интереса царской власти к монастырским владениям. Интересно смотреть, как со временем (и конечно, в зависимости от поставленных перед переписчиками задач) менялся подход к включаемым в документ «объектам». В отписном списке 1565 г. наличие трапезы, погреба, поварни упоминается только для того, чтобы указать, где именно хранятся фиксируемые «материальные ценности». Очевидно, эти отдельные строения (а возможно, была и какая-то ризничная или казенная палатка) менее ценны, чем медные котлы и

белые сковородки - строевого леса на Руси хватало. И кельи в те времена по той же причине власть не особо интересовали, в том числе и настоятельская (которая вряд ли внешне чем-то особо отличалась от пристанища простого чернеца - во многих заволжских лесных обителях еще витали идеи личной аскезы, а в устроенной Геннадием по заветам Корнилия - наверняка: перечитайте тексты игумена Алексия).

В описи Осецкого стана Костромского уезда 1629/1630 г., монастырь учтен совсем лапидарно: «а в церкви образы местные и дейсусы и двери царские и сосуды и свечи и ризы и колокола и всякое церковное строение государево и монастырское, а около монастыря ограда деревяна, а на монастыре в 12 кельях живут старцы черноризцы игумен Исакей с братиею, да за монастырем два двора, конюшенной и коровей». Тут важнее другое: в Москве уже начинают считать черноризцев и беломестцев - оскудело государство «черными людишками»- налогоплательщиками, весь XVII в. будет идти борьба за возвращение закладчиков в тягло, «в уме» держится и хозяйственная деятельность - с нее ведь в казну может доход поступать... Кстати, оборот «церковное строение государево и монастырское» - здесь формальный и указывает не на какое-то конкретное царское пожалование, скорее напоминает, что все строения на Руси - и его, царевы, тоже.

Так называемая «Обер-офицерская» опись 1763 г. полна подробностями. (Тогда по городам и весям составлялись детальные реестры всех церковных имуществ для их отписания на казну, воплощались еще петровские планы: и двери посчитаны, и печи с трубами, и петли с крюками железные - все измерено, все учтено, до последней балясины точеной. Теперь останется только собирать ежегодные ведомости-отчеты да «следить, чтоб государству нашему ни в чем убытку не было».) Из этих деталей и можем мы извлечь некоторое представление не только о зданиях, но и о быте Геннадиева монастыря.

МОНАСТЫРСКАЯ ОГРАДА

Первое документальное упоминание деревянной ограды мы встречаем в процитированной описи XVII в., хотя можно не сомневаться, устроена она была еще при преподобном строителе. Е. В. Романенко в своей книге о наших средневековых монастырях подчеркивала, что в русских общежительных обителях древнюю традицию ставить границы «по лаврскому обычаю», т. е. четырехугольником, не нарушали. Преподобный Корнилий Комельский также «устроил четверуголен образ монастыря». Можно не сомневаться, что и преподобный Геннадий

знал о символическом значении обители как «Небесного града Иерусалима, описанного в «Откровении святого Иоанна Богослова» как «четвероугольник», «и длина его такая же, как и широта» (Откр. 21,16). Можно предположить, что в начале своей истории пустынь была менее вытянута к северу, но уже тогда направления сторон ограда были близки к описанным в брошюре 1909 г. - их изначально диктовал окружающий озерно-речной ландшафт.

Упоминания деревянных стен и башен в описи 1720-х гг. («Вокруг... ограда деревянная, с башнями, крыты тесом»), а затем в описи 1739 г., к сожалению, ничего не говорит об их устройстве. Располагались башни наверняка уже изначально по четырем углам стен, еще 2 - в западной стене у въездных ворот, над которыми потом устроили первый деревянный Алексеевский храм.

Как мы знаем из истории этой церкви, к середине XVIII в. монастырские стены обветшали и подлежали вместе с церковью перестройке в камне. Строительство «крестьянами и вкладчиками» было начато с восточной части, куда и была перенесена каменная Алексеевская церковь, а новая стена примкнула к северному и южному фасадам алтарной части храма, который задумывался как надвратный.

Состояние на 1763 г. в описи указано подробно. «Вокруг того монастыря ограда с приезде с одной стороны вся каменная в длину 127 сажень, з другую стену вновь закладена еще в 762 году, коея уже и выкладена 72 сажени, покрыты тесом в вышину и с крышкою 2 сажени, тоиже стены еще не докладено 19 сажень, коя и загорожена забором в столб.

Третья стена... точию она за ветхостию во многих местах как крышка так и стена обвалилась и загорожена вместо того забором мерою 98 сажень.

Четвертая стена также рублена в тарасы и покрыта тесом точию пришла в самую ветхость в коей мерою 50 сажень.

Вокруг всей стены... каменной и деревянной мерою 366 сажень... каменных две, деревянных 4 башни.

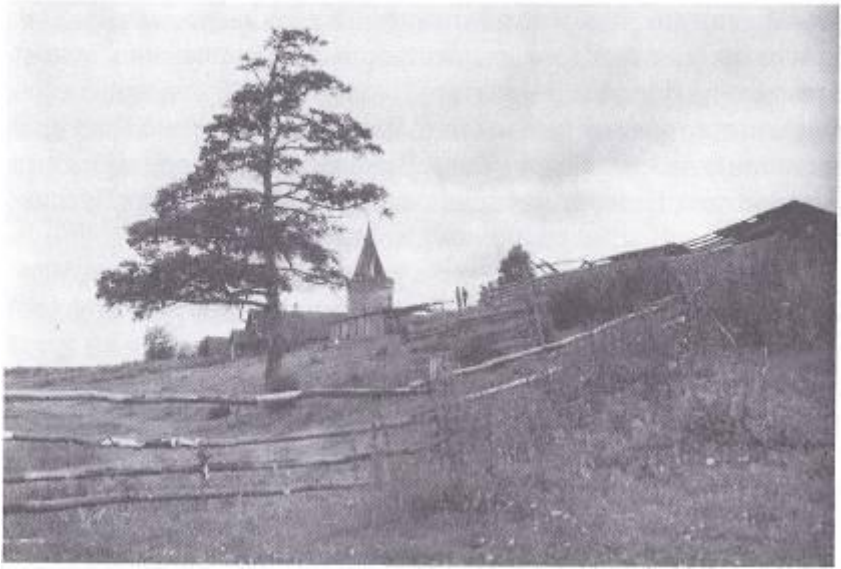
В длину ограды в половине входные трои врата каменные крыты тесом, в них трои двери створные выкрашенные зеленою краскою на больших железных крюках и петлях, в одних вратах написано живописным письмом Преображение Господне на стене на досках по сторонам Николая чудотворца и Иоанна Златоустаго, наверху на стене каменной коронование Пресвятой Богородицы, по сторонам два ангела на

досках».

Кстати, на иконе из Русского музея мы видим и каменные, и деревянные стены, но в восточной стене между Алексеевской церковью и угловой башней расположен то ли храм (имеющийся на иконе крест над ним в прориси не обозначен!), то ли Святые врата монастыря с тремя проходами.

Сведения о конструкции ветхих деревянных стен очень интересны. Оказывается, ограда была не самой простой, не «забором в столб» - бревенчатым тыном. Чтобы такие, рубленые в тарасы и покрытые тесом, обветшали требовалось немалое время, т. е. возведены они были не менее века-полутора назад. Это означает, что стены обители при первых Романовых или даже раньше имели весьма серьезную конструкцию, по тем временам обычную для деревянных русских крепостей. Знаток крепостной деревянной архитектуры Н. П. Крадин пояснял: такое «ограждение состояло из двух параллельных стен, отстоящих друг от друга на полторы-две сажени и соединенных между собой перерубами с промежутками в одну-две сажени. Узкие клетки заполнялись “хрящем” [смесью земли и камней], а широкие оставались полыми. Они предназначались для защитников крепости. В каждой из них обычно было сделано по две бойницы [в наружной стене] и дверь [во внутренней]». Высота таких рубленых в тарасы стен составляла обычно 2,5-3 сажени, сверху они имели еще двускатную крышу.

Общая длина стен приозерной обители (даже если считать, что вначале это был квадрат, т. е. около 250 сажень) была вполне сопоставима с размерами таких стратегически важных острогов, как Илимский, Якутский или Туровский.

Остается загадкой, когда и с какими целями далекий приозерный монастырь был оснащен фортификационными сооружениями. Ведь никакого оружия и боеприпасов, в отличие, например, от Кирилло-Белозерского монастыря, в известных нам документах не упоминается...

Для оставшихся не возведенными 167 саженьей каменной стены в 1763 г. «уже и кирпича в приготовлении несколько имеется тысяч до десяти». Но строительство растянулось на десятилетия: то старую кладку церковей приходилось латать, то печи кирпичные в хлебне-поварне, а в марте 1773-го разрушительный пожар заставил радикально решать вопрос перестройки теплого Геннадиевского храма, позднее - настоятельских келий. Временный деревянный забор приходилось чинить, а в 1779-м потребовала подпоры уже и каменная стена, «которой до тридцати сажень по слабости фундамента наклонилось к падению» (видно, сказалась близость озера и рек).

Только после устройства пристроек к собору дошли руки до стен и башен - завершили все в 1810-м, еще раз немного «землицы прирезав» к первоначальному плану и отойдя от правильного четырехугольника: длина стен составила 378 саженьей и I аршин.

В описи первой четверти XIX в. читаем, что «вокруг всего монастыря ограда каменная, с восточной стороны в длину 144 сажени, в оной стене в одном месте трои каменные ворота, в них двери деревянные, в той же стене от ворот церковь Алексея человека Божия. С полуденной

стороны 51 сажень; с западной стороны [она видна на фотографии В. А. Лопатина, снятой из-за Сурского озера] в длину 96 сажений, в одной стене корпус братских келий, по сторонам корпуса 2 круглые небольшие башни, одна с дверью железной и с внутренним замком; с северной стороны в длину 87 сажень и 1 аршин, в одной стене ворота с дверью деревянной; по углам одной ограды 4 башни, 3 круглые небольшие, 4-я четырехугольная большая; ограда и башни покрыты тесом». Тесовую «крышку» стен, видимо, заменяли: высота ограды указана 5 аршин, толщина 1 аршин. Башни использовали «для хозяйственных потребностей»

В 1845 г. в стенах ограды были пробиты двое ворот «с калиткою и келией для привратника», около 1890-го были устроены третьи ворота. Вся ограда в 1911-м при архимандрите Василии исправлена, выбелена внутри и снаружи, и железная кровля на ней выкрашена масляной краской.

КЕЛЬИ И ТРАПЕЗНАЯ

Монашеская келья предназначена, в первую очередь, для уединенной молитвы, «келейного правила». Е. В. Романенко отмечала: «монашеские кельи строили полукругом с восточной стороны от храмов, так чтобы монах в оконце своей кельи мог всегда видеть храм и его святой алтарь», а рассказывая о Кириллове монастыре, подчеркивала: в нем в XVI в. «все кельи стояли отдельно друг от друга, а не образовывали единые корпуса, как перестроили их позже - в XVII веке». Во времена Корнилевой пустыни так, наверное, и было: к востоку от храмов, ближе к Обноре, встало их несколько, самых простых бревенчатых срубов. Один, чуть побольше, в стороне от них - трапезная. Ведь совместная трапеза в общежительном монастыре обязательна, она продолжение богослужения, а принимать пищу в кельях или где-либо еще воспрещалось.

Позднее для нового насельника не отдельную избушку ставили, а к имеющейся келье прируб делали, благо конструкция «клецкая» это позволяет, а в нашем климате обогреться сообща проще. Не раз перестраивались в Геннадиевом монастыре деревянные братские кельи, становились основательней, потом со временем ветшали. Так, на 1739 г. были братские кельи в шесть «клецок» длиной 15, шириной 7 с половиной сажений, еще две длиной 9, шириной 2 сажени с половиной, казначейская келья 4 на 4 сажени и поварская келья с поварней длиной 9, шириной 3

сажени с половиной.

Обер-офицерская опись через 25 лет указала «поперег одной [оградной] стены 7 келий в том числе 2 казначейских о четырех покоях, и сени находятся також и анбар; во всех кельях вдоль 30 поперег 4 сажени с половиной, при которых небольшие огородцы, в коих посажен всякой овощ, огорожены честоколом.

По другой стене, вдоль озера Сурского, братских же три кельи ветхие, в том числе одна о четырех покоях крыта тесом, а другая брацкая поварня крыта драньем, при коих всякие перегородки имеются, в них во всех трех кельях в длину 20 поперег 4 сажени».

В 1778 г. плотник Александр Никитин «построил в одной связи четыре брацкия кельи с двумя сенями и в каждой кельи зделал по два для дву жильцов чулана, и выскобленные скобелью в крюк, а с лица в угол и оные по надлежащему нарядил и покрыл барочным тесом, дано ему - 90 руб.».

А менее чем через 20 лет при игумене Иннокентии начали возводить «к западу от соборнаго храма в связи с оградой, окнами в монастырь и на озеро» уже каменный двухэтажный братский корпус. Закончили было стройку в настоятельство Исайи, но решили еще на треть удлинить здание - завершал игумен Палладий I, и с 1810 г. оно более века исправно служило братии - его мы видим на упомянутой фотографии.

В описи 1911 г. значится «корпус братский каменный 2-х этажный 19 сажен длины и около 5 сажен ширины, крыт железом, по ту и по другую сторону парадного крыльца на протяжении всего лицевого фасада корпуса деревянный закрытый с окнами коридор, крытый железом, построенный в 1876 году. Верхний этаж корпуса занят кельями казначея и братии, а нижний: трапезной, кухней, хлебопекарней, з кельями, 2 кладовыми, 2 зимними подвалами и особым помещением для колодца с питьевой водой для продовольствия братии и кухни. В 1911 году при архимандрите Василии весь этот корпус отремонтирован внутри, а снаружи выбелен, окрашена и починена крыша. В трапезе обновлена живопись, и вся она окрашена масляной краской». Кроме этого корпуса указываются также две кельи, «находящихся в ряду с папертью» собора, и некая одиночная.

С описи конца петровского правления, а позднее во всех документах обители, уже отдельно от монашеских значатся в Геннадиевом монастыре «три кельи игуменских, казначейская келья о пяти стенах, шесть келий братских, а те кельи деревянные крыты тесом и драньем».

Современный святогорский старец Ефрем, игумен знаменитого Свято-Андреевского скита на Афоне, говорит: «Послушание является источником, родителем и корнем умной молитвы, поста и всякой другой добродетели. Но не человекоугодничество и не подчинение человеку ради человека, а послушание Христу и ради Христа, правильное послушание, которое выражается в любви к Святому и Троичному Богу. Наша любовь к Богу является главной заповедью Ветхого и Нового Заветов, поэтому послушание является источником всех добродетелей. Но у нас не должно возникать человекослужение, или старцеслужение; послушание должно быть ради Христа, а не старцу как человеку. Нужно иметь в виду, что сам старец тоже живет в послушании. Если старец сам не оказывает послушания, то и мы не будем слушаться старца. Послушание за послушание. Наши послушники не ниже нас, мы ими не владеем, мы ими не управляем - мы их пасем, то есть мы им служим. Пасу - значит служу. Пасу - значит умываю ноги учеников и отираю полотенцем. Я полотенце, я губка. Хотя мы и носим жезл, мы не палка. Жезл помогает подняться выше, в рай, и это огненный жезл против демонов и страстей, но не против людей; это символ духовной власти. В православии все строится на послушании, это наивысшее выражение главной заповеди Нового Завета...»

Об удивительной высоте личной аскетичности великого учителя русского монашества хорошо известно, жития рассказывают о верности заложенной Радонежским чудотворцем традиции и некоторых его учеников-преподобных. Не случайно и в житии аввы Геннадия говорится о дровах, которые он рубил и разносил по кельям своих духовных чад. Со времен преподобных Иосифа и Нила менялась Россия, одно при этом было неуклонно: самодержавие становилось все абсолютнее, все чаще и больше требовало оно от монастырей участвовать в мирских делах. Сказывалось это на всем, в том числе и на быте православных обитателей, все труднее становилось избегать «человекоугодничества» - игумены должны были принимать в своих покоях не столько богомольцев, сколько полномочных чиновников.

К 1739 г. упомянутые настоятельские кельи были расширены: «в них пять покоев с сеньми и с чуланами, в покоях три печи обращатых крыты тесом со скалою, в длину 14 поперег 6 сажень». А через четверть века они, помеченные как «ветхие», «были оставлены для приезду богомольцев» - к этому времени, к началу 1760-х, уже возвели для игуменов северо-западнее собора новые, «на каменном фундаменте об одном апартаменте

деревянные, в них и с поварней го покоев, подмазаны алебастром штукатурною работою, между ними трой сени с чуланом; в тех покоех окошки стекольчатые з затворами, у тех затворов поперечник и болты железныя; в тех покоех пять печей израцатых разных цветов, шестая кирпичная; два шкапа больших столярных росписаны красками, у одних дверцы стекольчатый; оные покои крыты тесом скалою с уступкою в длину 18 поперег 5 сажен, вокруг их внизу и вверху болясы точены». Но через го с небольшим лет всю эту красоту уничтожил пожар.

Приходно-расходные книги говорят, что в 1776 г. при игумене Тимофее «вместо сгоревших настоятельских келий построены новые на каменном по низкому местоположению фундаменте, брущатые о четырех покоех с сенями и кладовым чуланом, да при них в той же связи два покоя для принятия гостей, людская изба, поварня с печью и очагом, и кладовым для посуды чуланом, а строил оное строение Судиславскаго уезда вотчины села Буюкова крестьянин плотник Александр Никитин - 200 руб.». Позднее их обшили тесом и покрасили красной краской. Через 90 лет в епархиальных ведомостях сообщалось, что настоятельские покои выштукатурены и снаружи и внутри, «высота их в 13^{1/2} аршин, широта 29^{1/4} арш.; длина 29^{1/2} арш.; всех комнат и, дверей более 30; под келиями подвал» - видимо, их еще раз перестраивали. В начале XX в. покрыли железом, а в 1911 г. «дом отремонтирован заново снаружи и внутри».

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СТРОЕНИЯ

Опять обратимся к книге Е.В. Романенко: «Согласно древнему Студийскому уставу, разработанному в IX веке на основе правил Студийского монастыря в Константинополе и до XV века остававшемуся образцом для русских обитателей, в монастырях различалось два круга хозяйственных служб-работ: службы “домовые”, внутренние, где работы производились руками монахов, и службы внешние, которые иноки исполнять не могли (например, работы на скотном дворе). Внешние службы размещались за монастырем, и монахи только наблюдали за работой мирян и слуг. Впоследствии это правило признал и Стоглавый собор. В XVI веке внутри монастырской ограды Кириллова монастыря, как мы уже видели, находились службы, занятые главным образом приготовлением и хранением еды, а также прачечная, воскобойня, кузница, оружейная, библиотека, часть огородов. Все остальное находилось за стенами обители...

Трапезные постройки составляли отдельный комплекс из самой трапезной палаты, поварни, хлебни, ледников, амбаров... Казенная палата в монастырях предназначалась, как правило, для хранения казны, почему

и получила такое название... Кроме того, в казенной палате хранили иконы, ризы, жалованные грамоты, приходно-расходные книги и “всякую рухлядь”: монашескую одежду, посуду, скатерти, часы, дорожную упряжь, земледельческий инвентарь, запас бумаги, воска, тимьяна, льна и конопля. Мука и солод хранились в хлебном амбаре, стоявшем неподалеку. Рядом с трапезной находились поварня и хлебня со своим нехитрым имуществом... Продукты, подверженные порче, хранили в погребах-ледниках... Сушило... было хранилищем сушеной рыбы».

К сожалению, старые описи Спасо-Геннадиева монастыря не позволяют нам указать точное расположение конкретных хозяйственных служб:

«Каменные хлебные две кельи об одном апартаменте, крыты тесом ветхим, в них вдоль 12 поперег 4 сажени...

Два погреба с погребницами деревянные в том числе один с сушилом, в обоих вдоль 8 поперег 3 сажени с половиной, крыты тесом.

Пивоварня при ней одна изба, крыты драньем, вдоль 8 поперег 4 сажени.

Братская баня пятистенная, в длину 4 с половиною поперег 2 сажени.

Три анбара небольших хлебных, крыты драньем, во всех в длину 8 в ширину 6 сажень.

А магазейнов [в значении “склад, место хранения продовольственных запасов для армии”] во оном монастыре никаких не имеется.

Четыре сарая крыты дранью, из которых два с кирпичами, а третий с известью, четвертой з дровами.

Два колодезя деревянные.

В том монастыре за игуменскими кельями имеется огород в коем три пруда рыбных ископаны издревних лет Геннадием чудотворцем точию оныя заросли травой и тиною, в коих ловли рыбной не происходит, а садов во оном монастыре никаких не имеется кроме того что некоторые деревья бесплодны.

В том монастыре всяких дров рубленных и нерубленных по примеру сажень до ста двадцати».

Можно проследить историю лишь некоторых из служб. Так, первые две каменные кельи указаны еще в петровское время: «хлебная и поваренная кельи каменные крыты тесом, к ним приделана поварня деревянная» - вероятно, что эти две менее затратные, но безусловно необходимые кирпичные постройки были выполнены одновременно с колокольней из оставшегося кирпича. Они еще долго служили, их поправляли: «в 1770-м в старых хлебной и поваренной в дву каменных полатах две печи кирпичные с трубами зделали; в тех же полатах у их сенях три дверныя деревянные рамы вделали, окошек десять подмазали,

полы кирпичные старья выправили, а в сенях новой настлали, и все ветхости в тех полатах вычинили, и как оные полаты, так и паперть внутри и извне побелили, за которую всю работу дано им каменщикам - 36 руб.».

Когда-то «конюшенный двор и две кельи - одна монашеская, а другая «гостиная с сенями и с чуланом» располагались за монастырем, там стояли «девять амбаров и два сарая с сеновалами». Со временем строгость разделения территории сгладилась, и «конюшный двор с сараями деревянными, крытые тесом» разместился внутри монастыря в его северной части, за прудами. А вот гостей предпочитали в обители не селить: «напротив ворот, за монастырем, в 1849-1850 гг. игуменом Макарием была построена двухэтажная деревянная гостиница на каменном фундаменте, сгоревшая со всеми окружающими постройками 22 июня 1893 г.

К 1896 г. она восстановлена с шестью комнатами по лицевой стороне и кухней «сзади». За гостиницей, во дворе, находились два деревянных флигеля, занимаемые просфорней и скотником, скотный двор, сарай и погреб.

В 1911 г., при архимандрите Василии, все эти постройки были отремонтированы и покрыты дранкой».

«При монастыре бывала одна ярмарка: 17 марта, в день Алексея, человека Божьего. Привоз на эту ярмарку состоял в основном из предметов хозяйственной жизни.

В ряд с Алексеевской церковью, вдоль ограды и напротив нее и Святых ворот, были построены деревянные ряды для торговли в годовые праздники, приносящие монастырю дохода до 100 рублей в год и более. В 1911 г. они были исправлены и покрыты дранкой».

МОНАСТЫРЬ В XX-XXI СТОЛЕТИЯХ

После 1917 г. Геннадиева обитель трагично разделила судьбы всех православных монастырей. Н. А. Зонтиков скупко констатирует: «В 1919 г. Спасо-Геннадиев монастырь был закрыт, насельники зарегистрировались как приходская община при Преображенском соборе. 28 сентября 1920 г. мощи преподобного Геннадия были публично вскрыты и увезены в Ярославский губернский музей, в котором пребывали до середины 1930-х гг. (их местонахождение неизвестно)»...

В 1922 г. Спасо-Геннадиев монастырь, очаг православия на Любимской земле на протяжении почти четырех столетий, очаг, к которому стекались паломники со всей России приложиться к мощам преподобного Геннадия и испить воды из святого источника, - перестал существовать. Иконы и имущество обители были вывезены в Ярославль. Последний игумен Сергей и несколько монахов были брошены в тюрьму. Также местные слободские старожилы помнят очень старого архимандрита Афанасия, который был укрываем ими и похоронен в монастыре, но место его погребения неизвестно. С их слов, последний настоятель Спасо-Преображенского Геннадиева монастыря игумен Сергей несколько раз был в лагерях и тюрьмах. Последние три года служил в Введенском храме села Павловка. Умер в 1950-х годах и похоронен в Любиме.

Поругание монастыря стало каждодневным в 1932 г., когда он был куплен у райфо колхозом «Власть Советов». Но еще в 1930 г., когда для строительства телятника понадобился

Приезд владыки Михея

кирпич, исчезли два придела собора, келейные корпуса и хозяйственные постройки, часть стены монастыря.

Неразрушенные здания приспособляли под разные цели. В приделе Сергия Радонежского находилась конюшня (правда, местные жители говорят, что лошади все «подохли»). Алексеевский храм использовали под колхозную контору, а первый этаж - под зернохранилище и склад ядохимикатов, а у самых его стен с одной стороны была сделана силосная яма.

Фруктовый сад вырубил в 1960-х годах, а колодец преподобного завалили.

Строения обители уничтожались для самых разных «народнохозяйственных» нужд и даже без оных: в 1961 г. был взорван братский корпус, в 1964-м разобрали теплую церковь собора, в 1965-м - придел Сергия Радонежского, в 1988-м - башни...

20 января 1996 г. трудами иеромонаха Евфимия (Дебабова) при архиепископе Ярославском и Ростовском Михее юридический статус монастыря был восстановлен. Началось собирание братии в возрождающуюся обитель. Летом 1997 г. комитетом по охране памятников истории и культуры Ярославской области постройки монастыря (за исключением бывшей гостиницы, занятой тогда управлением колхоза) были переданы Русской Православной Церкви. Трудami наместника монастыря Евфимия, в 2000 г. пожалованного саном игумена, колодец, выкопанный при преподобном Геннадии, был расчищен на глубину 12 метров. Над ним воздвигли деревянный храм.

После почившего в Бозе игумена Евфимия наместником монастыря 1 июля 2005 г. был назначен иеромонах Вениамин (Райников), с 2009-го - в сане игумена. Началось поэтапное восстановление храмов обители. Отреставрирована церковь преподобного Алексия, человека Божия. В ее подклете устроен и 23 августа 2009 г. освящен архиепископом Ярославским и Ростовским Кириллом храм во имя преподобного Геннадия Любимоградского. На Спасо-Преображенском соборе восстановлены главы и купола - вновь в небе над Сурским озером высятся его кресты.

На старом фундаменте возведен двухэтажный деревянный братский корпус, а в 2009 г. в собственность монастырю было возвращено здание монастырской гостиницы. В настоящее время в обители подвизаются два игумена, иеродиакон и 5 монахов. Когда расчистили один из прудов, ископанных отцами-основателями, подтвердилось старое предание: дно пруда оказалось выложено камнем.

В современных местных преданиях рассказывается о трех местах Любимского района, связанных с преподобным Геннадием. Одно из них Соколена (пос. Соколиный), вблизи города Любима. Это место считается проклятым преподобным Геннадием, за то, что местные жители не дали основать ему на нем обитель и прогнали преподобного.

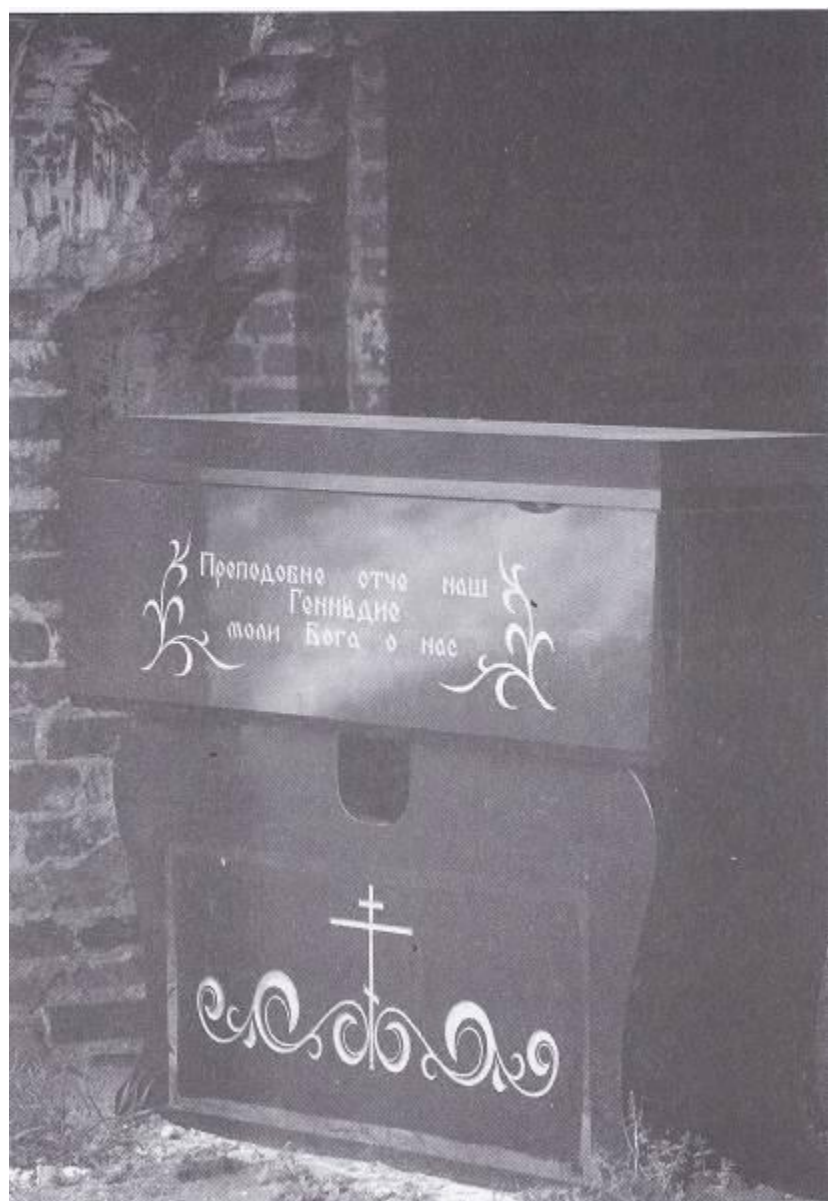
Приезд владыки Кирилла

Местные жители говорят, что у деревни Тимино есть источник, вода которого обладает целительными свойствами и помогает от различных недугов. В Тимино и окрестных селах этот родник называют - Геннадиев. Считается, что он ископан преподобным еще в XVI в. Старожилы помнят на этом месте часовню. Вода в этом святом источнике бьет с маленькой глубины множеством ключиков и не замерзает даже при сорокаградусных морозах.

Тянутся к обители люди из разных уголков России. Многие получают утешение и наставление, исцеление от воды святых источников. Вместе с Россией Спасо-Геннадиев монастырь переживал взлеты и падения духовности, терпел нашествия и разорения, возрождался и укреплялся.

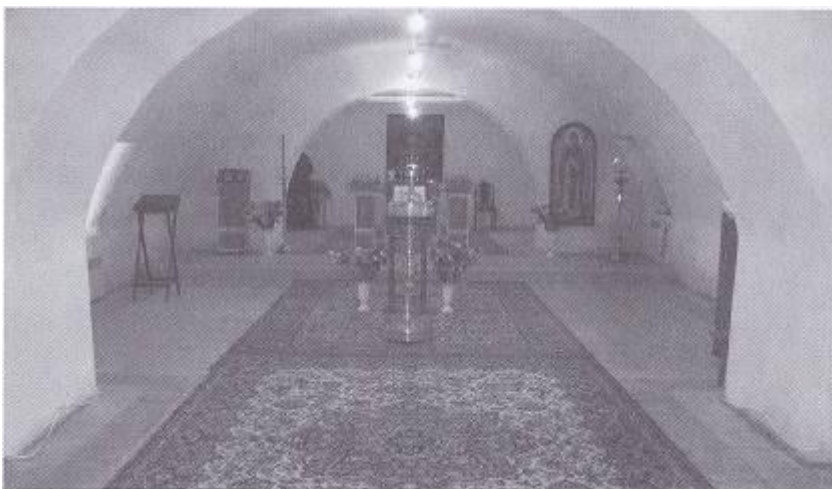

Спасо-Преображенский собор. 2010

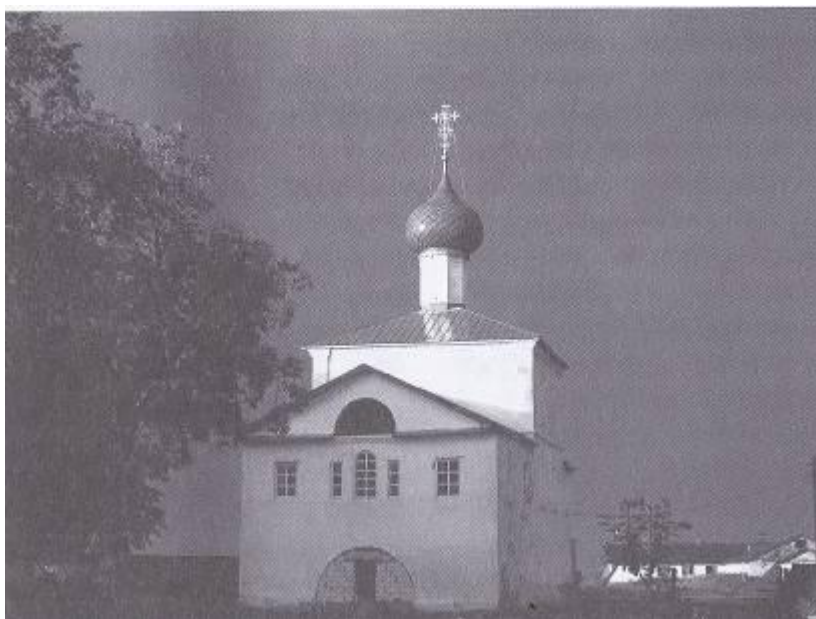

Архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл и игумен Вениамин. 23 августа 2009

Интерьер храма Геннадия Любимовградского в подклете Алексеевской церкви.
2009

Алексеевская церковь. Вид с юго-запада. 2009

В алтаре Геннадиевского храма во время освящения его владыкой Кириллом.

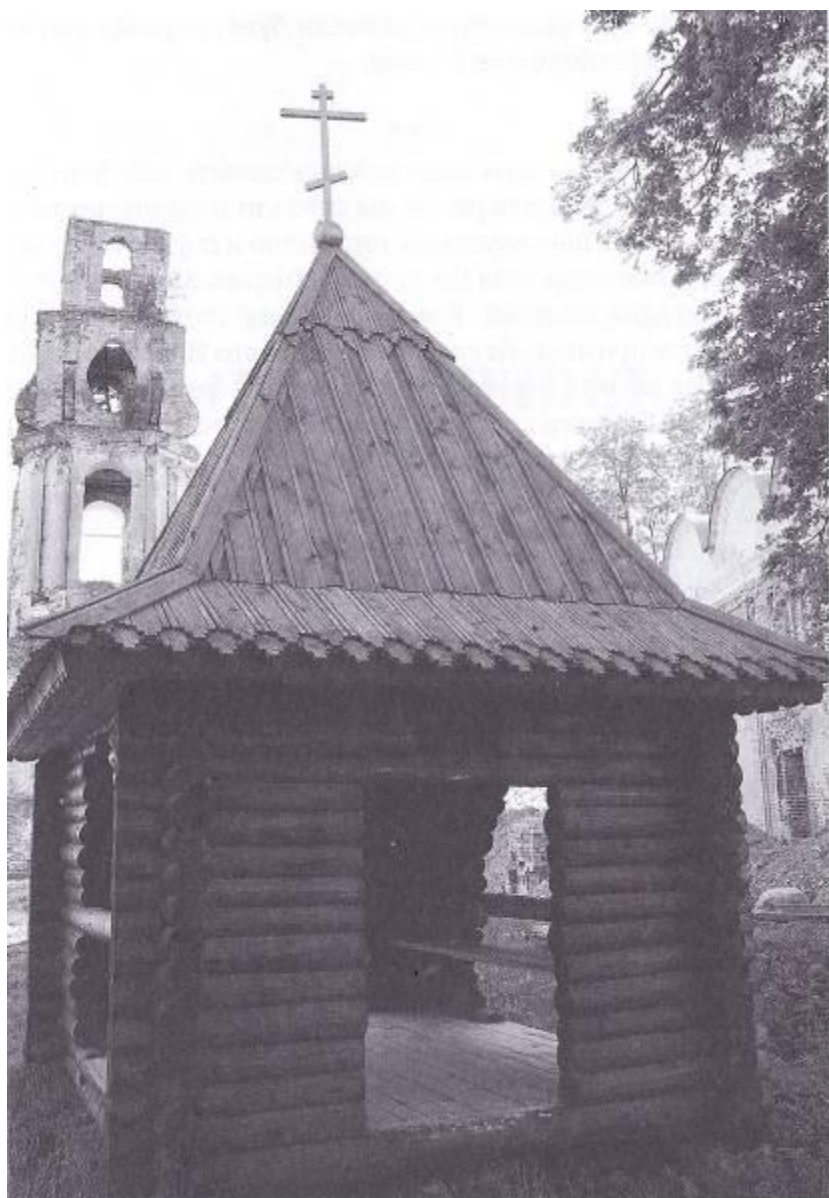
23 августа 2009

Церковь у Геннадиева колодца. 2010

Монастырская гостиница. 2010

Звонница. Колокольню еще предстоит восстанавливать. 2010

И сейчас восстановление обители будет верным свидетельством восстановления России.

Мы понимаем, сколь мало удалось сделать нам в воссоздании истории монастыря, но мы считали первоочередным и показать, сколь неисчерпаемо, интересно и поучительно его прошлое, и подвести хотя бы предварительные итоги накопленным сегодня знаниям. К этой наиболее трудной стороне нашей книги применимы слова преподобного Нила Сорского: «Писах же с разных списков, тщая обрести правы, и обретох в списках оных многа неисправлена, и елика возможно моему худому разуму исправлях».

ПРИЛОЖЕНИЯ

НАСТОЯТЕЛИ СПАСО-ГЕННАДИЕВА МОНАСТЫРЯ

Перечень игуменов монастыря был составлен неизвестным автором первой о нем основательной публикации почти полтора века назад (ЯЕВ. 1866). Он значительно полнее списка, приведенного в труде П. М. Строева, но в части ранней истории, как мы понимаем сейчас, нуждается в серьезной перепроверке, благо хранящиеся в Ярославском областном архиве и других хранилищах документы дают надежду на результативность этой работы. Мы смогли на основании ставших нам известными документов внести в него лишь несколько уточнений и продолжили до настоящего времени. В скобках указаны годы настоятельства или упоминания в источниках (в тех случаях, когда год от сотворения мира в документе приведен без указания месяца, годы, соответствующие ему в современном летоисчислении, указаны через косую линию; неоговоренные цитаты из издания 1866 г.).

1. Основателем пустыни является **преподобный Корнилий**, игумен Комельский (не позже 1528).
2. Первым настоятелем монастыря был **преподобный Геннадий**, строитель Новой Корнильевой пустыни (после 1537-123 января 1565)- Но еще при жизни преподобный сам передал бразды правления монастырем старцу Иосифу (не ранее 1564).
3. **Иосиф I**, строитель (1564,1565/1566). Все последующие настоятели монастыря были игуменами.
4. **Александр** (в известных нам документах не упоминается).
5. **Герасим** (1565/1566).

6. **Алексий**, ученик преподобного Геннадия (1571/1572).
7. **Иов I** (15817,1584).
8. **Никандр I (1593?-1599)-**
9. **Вассиан (1600?).**
10. **Кирилл** (1605,1607,1608).
11. **Гедеон** (1613-1627, при нем обитель стала именоваться Геннадиевым монастырем).
12. **Иона I** (1627?).
13. **Исакий** (1629-1630).
14. **Никандр II** (1632).
15. **Иосиф II** (1634-1636?).
16. **Филарет I** (1643-1647, при нем явились нетленные мощи преподобного Геннадия и был построен каменный собор).
17. **Феодосий** (1647-1648).
18. **Пимен** (Полиэн?) (1648-1654).
19. **Тихон I** (1655-1656).
20. **Иов II** (1662-1667,1672?).
21. **Пахомий** (1667?, «отказался от управления монастырем по болезни», в связи с его отъездом казначей старец Павел Френдеберов с братией били челом патриарху о поставлении игуменом соборного старца Чудова монастыря Лаврентия Башмакова).
22. **Геннадий II** (1680-1684).
23. **Игнатий** (1682-1685, «два года управлял монастырем при жизни Геннадия II, очевидно, по болезни последнего»).
24. **Тихон II** (1686-1687).
25. **Леонтий** (1688-1693).
26. **Сергий I** (1693-1699, **П.М.** Строев указывал: «бывший архимандрит Костромского Богоявленского монастыря, после служил в Дмитровском Борисоглебском»).
27. **Евгений** (П.М. Строев указывает его в 1702, был ли в монастыре, неясно).
28. **Гурий I** (П. М. Строев указывает его в 1703, был ли в монастыре, не ясно).
29. **Корнилий** (1704-1705).
30. **Иосиф III** (1706-1713).
31. **Мелетий** (1713-1719). Как мы видели, при нем была построена каменная колокольня. Замечательный ярославский краевед XIX в. В. И. Лествицын опубликовал «Записки изографа Василия Никитина 1745 г.» Этот мастер был весьма уважаем в Костроме: именно ему, Василию Никитину Вошину-Чудовскому, доверено было дважды, в 1694 и 1745 г., поновление городской святыни - чудотворной Феодоровской иконы. Так вот, есть в его записках такой факт: «А в Геннадиеве монастыре работали мы, иконописцы: Василей Андреев, Яков Васильев, Василей Никитин сын, 1716 году и совершился в месяце октоврии, при игумене Мелетии». Остается загадкой, что же именно игумен поручил создать мастерам. Судя

по году, вероятнее всего, работали они в нововыстроенном Корнилиевом храме - писали иконы для его иконостаса. Но если судить по месяцу завершения, то не исключено, что работали над стенописями. Уж не теми ли самыми, в Спасо-Преображенской соборе, что поновляли потом в 1765 г.? Остается надеяться, что когда-нибудь и на этот вопрос коллекция Ярославского архива ответит...

32. **Стефан** (1719-1729).

33. **Гурий II** (П.М. Строев указывает его в 1720 как переведенного в Николаевский Тропский монастырь, но был ли в монастыре, неясно).

34. **Мисаил Горяйнов** (1729-1733)- Игумен Алексей написал в своем «Сказании»: «иные же игумены малых обителей желают в великие обители на игуменство: как в день ярости Господней не на пользу человеку многое имение, так и нам не на пользу в великих обителях игуменити». Буквальной иллюстрацией к этим словам через полтора века стала история преемника игумена Стефана. Будучи определен игуменом Спасо-Геннадиевого монастыря, в том же году он «заскорбел животною болезнью», из-за которой оставил игуменство и в декабре 1731 г. самовольно отлучился в Москву. Там обратился в Святейший Синод, где объяснил, что священнодействовать по состоянию здоровья не может и желает жить «на обещании» в Толгском монастыре, а прибыл в Москву без паспорта на лечение. В это же время в Московское отделение Святейшего Синода из Переславской провинциальной канцелярии прислано было при доношении вкладчиков Переславского Никитского монастыря прошение, в котором они просили, чтобы в этот монастырь на место умершего архимандрита Иллариона был определен бывший игумен Спасо-Геннадиевского монастыря Мисаил, живущий в Толгском монастыре в братстве. Сам Мисаил тоже подал прошение о назначении его архимандритом, но ему отказали, так как «он этого не достоин, потому что, будучи в Геннадиевском монастыре игуменом, тот монастырь оставил и вышел из него без указа, своевольно, и подлежал бы наказанию; переходил из монастыря в монастырь без паспорта, не прося позволения, тем себя показывает явно бродягою; у вышепоказанного прошения вкладчиков Никитского монастыря об определении Мисаила в оный монастырь в архимандрита от братии и служителей и крестьян рук не приложено, и уповательно, что он в высокой степени себе проискивает». По указу Мисаил отослан был из Москвы к Ростовскому преосвященному Иоакиму. В упомянутой вкладной книге Спасо-Геннадиева монастыря перед записями 1729 г. есть помета о начавшемся периоде: «межигуменство»...

35. **Иона II** (1733-1740).

36. **Филарет II** (1740-1744).
37. **Никодим** (1744-1747, при нем был начат сбор средств на каменное строительство).
38. **Николай** (1747-1751, «при нем строились каменные церковь Алексея, человека Божьего, и ограда на сборную сумму от доброхотных дателей, несмотря на то, что обитель имела много вотчинных крестьян»).
39. **Варсонофий I** (1751-1755).
40. **Поликарп** (1755-1760).
41. **Варсонофий II** (1760-1765, «малороссиянин»).
42. **Иосиф IV** (1765-1772, «был членом Любимского духовного правления»).
43. **Тимофей** (1772-1796, «был членом Любимского духовного правления», переведенный из Галичского Паисиева монастыря, усердно занимался устройством обители. В 1787 г. открыл в Любиме духовное училище, в котором преподавал, оставаясь игуменом и единственным грамотным среди своей монашескующей братии: в 1788 г. Тимофей отправил обратно в Богоявленский Ростовский монастырь присланного оттуда псаломщика, который, как оказалось, «псалмы читать не умел»).
44. **Иннокентий I** (1796-1801, «был членом Любимского духовного правления»).
45. **Исайя** (1801-1809, «старец строгой и благочестивой жизни, при нем отстроены братские кельи», завершены и многие другие строительные работы).
46. Палладий I Львов (**1809-18x2**).
47. **Феофилакт** (1812-1818).
48. **Дорофей** (1818-1820).
49. **Палладий II** (1820-1835, «в 1830-1835 был членом Любимского духовного правления»).
50. **Киприан** (1835?).
51. **Павел** (1835-1846, «был членом Любимского духовного правления, при нем построен придел Преподобного Сергия Радонежского, переведен в Пошехонский Адрианов монастырь»).
52. **Сергий II** (Пятунин, 1846-1848; «переведен в Пошехонский Адрианов монастырь»).
53. **Киприан** (1848?).
54. **Макарий** (Абиссов, 1848-1851, «был членом Любимского духовного правления, за монастырем построил гостиницу, был переведен архимандритом в Угличский Алексеевский монастырь»).
55. **Иннокентий II** (1851-1853, «был членом Любимского духовного правления, переведен в Пошехонский Адрианов монастырь»).
56. **Феодорит** (1853?).

57. **Иннокентий III** (1854-1856).
58. **Георгий** (1856-1858).
59. **Димитриан** (1858-1866).
60. **Феотих** (1869-1871).
61. **Вениамин** (1872-1884).
62. **Мелхиседек** (до 1887).
63. **Досифей** (1887).
64. **Хрисанф** (1901-1911).
65. **Василий** (1911?).
66. **Димитрий** (1913?).
67. **Сергий III** (до 1920?).
68. **Евфимий** (Дебабов, 1995-2005).
69. **Вениамин** (Райников, с 2005 по настоящее время).

КРЕСТНЫЕ ХОДЫ И БОГОМОЛЬЕ

Существовали следующие крестные ходы:

1) кругом монастыря по три дня в неделю Пасхи, по какому случаю этот ход установлен, не известно;

2) с иконой Преподобного Геннадия по окрестным селениям в разные времена, это действие усердия окрестных поселян, которые некогда составляли собственность обители.

Гласные Ярославской городской думы обращались к архиепископу Ионафану (будущему наместнику патриаршего престола в 1925- 1927 гг.) с просьбой продолжить крестный ход из Спасо-Геннадиева монастыря с иконой Св. Геннадия до Ярославля, объясняя это тем, что из всех крестных ходов с чудотворными иконами (за исключением Толгской) это единственный доходящий почти до Ярославля: последний пункт его посещения -Яковлевская слобода за рекой Волгой. Однако Ионафан ответил отказом, вероятно из-за того, что Яковлевская слобода и окрестности издревле были местом «кормления» Ярославского Казанского женского монастыря;

3) в г. Любим в память об избавлении от эпидемии холеры, по прошению граждан с 1831 г. Замечателен рассказ местных жителей о том, что в тех деревнях, где была икона Преподобного Геннадия, болезни не было, но куда ее не принимали, там болезнь жестоко свирепствовала. То же говорили и в Любиме. У соседних крестьян издревле существовал благочестивый обычай по открытии из-под снега полей - поднимать икону Преподобного Геннадия, с которой обходить свои нивы. В девятую по Пасхе пятницу почти все окрестные поселения стекаются на богомолье в монастырь в память, как говорят, прибытия в этот день угодника Геннадия на Сурбское озеро.

КРАТКИЙ МЕСЯЦЕСЛОВ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ГЕННАДИЕВА МОНАСТЫРЯ

- 23 января (5 февраля)** - преставление преподобного Геннадия Костромского и Любимоградского - Собор Костромских святых.
- 17 (30) марта** - преподобного Алексия, человека Божия.
- 25 марта (7 апреля)** - **БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.**
- 19 мая (1 июня)** - преподобного Корнилия Комельского.
- 23 мая (5 июня)** - преподобного Геннадия Костромского и Любимоградского - Собор Ростово-Ярославских святых.
- 5(18) июля** - обретение честных мощей преподобного Сергия Радонежского.
- 6(19) августа** - **ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ.**
- 19 августа (1 сентября)** - обретение честных мощей преподобного Геннадия Костромского и Любимоградского.
- 25 сентября (8 октября)** - преподобного Сергия Радонежского.
- 9-й Пяток по Пасхе** - преподобного Геннадия Костромского и Любимоградского - Собор Белорусских святых.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аминов К. В. Двустолпная конструкция интерьеров в культовом зодчестве России второй половины XVII века//Филевские чтения: Тезисы конференции 16-19 мая 1995 года.М., 1995.
- Антонов А. В. Костромские монастыри в документах XVI-начала XVII века//Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 52, 187-208.
- Богусевич В. Новый архитектурный тип в русском зодчестве XVI-XVII веков//ГАИМК. Аспирантский сборник. 1929. № 1.
- Борисов Н. С. От Ярославля до Вологды. М., 1995. С. 96-106.
- Варлаам, архимандрит. Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре//Чтения в Обществе изучения истории и древностей Российских. 1859. Кн.3. С. 1-104.
- Всеобщий географический и статистический словарь/Сост. С. П. Гагарин. М., 1843. Ч. 1-3.
- Глебова А. А., Маймасов С. Б., Петрова Т. Г. Древнерусское искусство в собрании Вологодского музея-заповедника. Путеводитель по экспозиции. М., 2004.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955-
- Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 920, № 1057.

- Добровольский Г. Ф. Спасо-Геннадиев мужской монастырь и преподобный Геннадий, Костромской и Любимоградский чудотворец. М., 2004.
- Житие преподобного Геннадия, Костромского и Любимоградского// Ярославские епархиальные ведомости (далее - ЯЕВ)л86о. Ч. неофиц. С. 290-293.
- Житие преп. Геннадия, Костромского и Любимоградского чудотворца (еже списано бысть учеником его игуменом Алексием)//ЛЕВ. 1873- Ч. неофиц.С. 183-196, 202-203.
- Зонтиков Н. А. Преподобный Геннадий Костромской [: Житие. Спасо-Геннадиев монастырь]//Православная энциклопедия. М., 2005
- Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1908. Вып. 26. С. 134; 1912; Вып. 44. С. 13.
- Козловский А.Д. Взгляд на историю Костромы. М., 1840. С. 72,146.
- Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.
- Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 12.
- Крылов А. П. Историко-статистическое обозрение Ярославской епархии. Ярославль, 1861. С. 79.
- Кэтрин Атуэлл. Вкладная книга Спасо-Геннадиевского монастыря как источник для изучения религиозной жизни прихожан в XVIII в.//«Минувших дней связующая нить...»: Тезисные материалы V Тихомировских краеведческих чтений. Ярославль, 1995. С. 97-99-
- Лествицын В. И. Записки изографа Василия Никитина 1745 г. //ЛЕВ. 1882. Ч. неофиц. С. 228-232. [Отдельное изд.: Лествицын В. И. Записки изографа Василия Никитина 1745 г. Ярославль, 1882].
- Любимский Спасо-Геннадиев мужской монастырь//ЯЕВ. 1866. Ч. неофиц.С. 75-79, 86-89, Ю2,108.
- Маркелов Г. В. Святые Древней Руси: Материалы иконографии. СПб., 1998. Т. I, таб. 88, 89.
- Материал для историко-топографического наследования о православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем)/Сост. В. В. Зверинский. Книги I— III. СПб., 2005. № 884,1157. [В издании 1892 г.-Т. 2. С. 187, 321.]
- Материалы по истории Корнильево-Комельского монастыря/Публ. Ю.С. Васильева//Городок на Московской дороге: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994.
- Монастыри и храмы земли Ярославской: Краткая иллюстрированная энциклопедия. Ярославль-Рыбинск, 2000. Т. 2. С. 146-149.
- Новиков С. Е. Двустолпные памятники архитектуры в Ярославской области//Архитектура: Краткие содержания докладов секции XXX научной конференции ЛИСИ, Л., 1972. С. 37-40.
- Обозрение епархии преосв. Ионафаном, епископом Ярославским и Ростовским. ЯЕВ. 1880.Ч. неофиц. С. 371-374-

- Общежительный устав преподобного Корнилия Комельского//Древнерусские иноческие уставы/Сост. Т. В. Суздальцева. М., 2001. С. 168-186
- Овсянников С.Н. Ярославский губернский архитектор П.Я. Паньков: творческая личность в контексте среды и эпохи: дис.... канд. искусствоведения: 24.00.01. Ярославль, 2006.
- Огурцов Н. Г. Опыт местной библиографии: Ярославский край. 1718- 1924 гг. Ярославль, 1924.
- Пермяков И. Б., Косцова А. С. Двухчастная икона с изображением преподобных и Спасо-Геннадиева монастыря//Памятники старины: Концепции: Открытия: Версии. СПб.-Псков, 1997. Т. 2. С. 126-128.
- По реке Обноре: Любим и его окрестности. Ярославль, 2005.
- Покровский Н. В. Церковно-археологический музей СПб. Духовной академии. 1879-1909 гг. СПб., 1909. С. 128-129.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2-хт. М., 1992.
- Полный церковно-славянский словарь протоиерея Г. Дьяченко. М., 2000.
- Подушкина Л. Л. [Преподобный Геннадий Костромской: Иконография//Православная энциклопедия. М., 2005
- Православные русские обители/Приложение к журналу «Русский паломник» за 1909 год. Кн. 3. С. 468.
- Православные монастыри в истории, культуре и современной жизни России: Указатель книг и веб-ресурсов. [Электронный ресурс] [Вып. 2]/Авт.-сост.: С. В. Бушуев, В. Е. Лойко; Рос. гос. б-ка, Научно-исслед. отд. библиогр. М., 2009.
- Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852. С. 553.
- Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
- Романов Е. Р. Преподобный Геннадий Костромской и Любимоградский, уроженец города Могилева. Вильна, 1909.
- Россия. Православная культура: Каталог выставки. 2000-2001 гг. № 384, 495-Синицына Е.В. Книжные собрания небольших монастырей Ярославской епархии до начала XX века//Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2005. Вып. 15. С. 147-157
- Синицына Н.В. Русское монашество и монастыри. X-XVII вв.//Православная энциклопедия. М., 2000. С. 305-324.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половинаXIV-XV1.Ч. I (А-К). С. 34-35,146-147, 485-490.
- Смолич И. К. Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность. (988-1917). [Приложение к «История Русской Церкви».] М., 1997.
- Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви/Сост. П.М. Строев. СПб., 1887. Стб. 351-352.

- Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.
- Титов А. А. Город Любим и упраздненные обители в Любиме и его уезде. М., 1890.
- Три новых исцеления молитвами преподобного Геннадия, Любимоградского чудотворца//ЯЕВ. 1872. Ч. неофиц. С. 61.
- Фабричникова Л. Геннадиевы ключики//Золотое кольцо. 1997; Она же. Духовник Ивана Грозного (О преподобном Геннадии, основателе Любимского Спасо-Геннадиева монастыря)//Золотое кольцо. 1998.
- Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Жития святых, чтимых православною церковью. Январь. СПб., 1892. С. 241-250, 346.
- Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.
- Холмогоровы В. и Г. Материалы для историй сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV-XVIII вв.М., 1912. Вып. 5. С. 83.
- Черкасова М. С. К изучению финансового статуса русских монастырей в XVI-XVII вв. (по актовому материалу)//Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып.3. С. 83-84.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890-1907. Т. 1-89.
- Ярославские угодники Божии: Преподобный Геннадий Костромской и Любимоградский//Ярославские епархиальные ведомости. 1992.

АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ ОTCY НАШЕМУ ГЕННАДИЮ, КОСТРОМСКОМУ И ЛЮБИМОГРАДСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ

Кондак 1

Избранный из млада Господу работати, подвизався добрым подвигом веры, течение твое доблестно скончал еси. Водворялся же днесь в небесных селениях, молися еже избавитися нам от лютых обстояний, от всех зол и напастей, да зовем ти: Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Икос 1

Ангельскому житию восхотев подражати, из млада явился еси тшачивейший в дому Божиим делатель, нося выну в сердце законы и оправдания Его. Сего ради радостно вопием ти:

Радуйся, всякое мудрование плоти умертвивый; радуйся, еще от пелен путь истины познавый.

Радуйся, презревший вся суетная блага мира, Господа ради; радуйся, всею душою Богу прилепивыйся.

Радуйся, войне Царя Небеснаго; радуйся, подвигом добрым подвизавыйся

пред Ним.

Радуйся, благая отрасли благаго корене; радуйся, светильниче страны Любимоградския.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 2

Видяще тя приснии еще юна зело, не отходяща от церкви, и пребывающа в посте и молитве, тщахуся ослабити духовный подвиг твой. Ты же, от юности твоя, вдавый сердце Богови, пребыл еси непоколебим, духом горя, Господеви работая и воспевая: Аллилуиа.

Икос 2

Разум, исходящий от Отца светов, яко бисер драгий обрет, тем озаряем, всяку мглу греховную далече отгнал еси от себе: управляем же сый, яко путеводною звездою, в пустыню, сподобился еси очима твоима зрети труды и подвиги Корнилия и внимати словесем мудрости его. Мы же восхваляюще тя, вопием сице:

Радуйся, лучами Божия мудрости озаренный; радуйся, благодатною силою во всячем деле блазе утвержденный. Радуйся, похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую низложивший; радуйся, некрадомое добродетелей сокровище стяжавший.

Радуйся, пустыню благоухавый дел твоих добротую; радуйся, заблудших на путь заповедей и оправданий Господних наставивый.

Радуйся, иноком давый образ кротости и смиренно-мудрия; радуйся, обитель твою молитвами твоими ограждай и спасаай.

Радуйся, Любима града прибежище и радование; радуйся, помощниче притекающих к тебе с верою.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 3

Силою, данною ти свьше, в пустынях подвизаяся, аще и многи напасти и озлобления от враг видимых и невидимых претерпел еси: обаче та вея доблестно победил еси, и козни их разрушил еси, воспевая к Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Имя от юности твоя всажден в сердце твоём страх Божий, не дал сна

очима твоима, и веждама твоима дремания, дондеже обрел еси в пустыне любимоградской, при водах сурских, место Господеви, селение Богу Иаковлю, и рекл еси: «Се покой мой во век века, zde вселюся, яко изволих и». Мы, чудящися всеблаговому о тебе Божию смотрению, вопием ти: Радуйся, яко из млада познал, и всею душою своею возлюбил еси Отца Небеснаго; радуйся, яко вся суетная и тленная презрел еси. Радуйся, яко вся земная, уметы быти вменил еси, взыскуя Иерусалима горняго; радуйся, яко изволил еси подъяти всяко поношение паче, нежели вкушати временную греха сладость. Радуйся, яко скорбьми многими вшел еси в радость Господа твоего; радуйся, яко странник и пришлец сый, создал еси дом Божий, храм Господеви, в немже от лет многих призвася святое Имя Его. Радуйся, вод сурских ликование; радуйся, града Любима ограждение. Радуйся, костромских предел благолепное украшение. Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 4

Бурю злоречия, клевет и шептания, по действию змия древняго, исконаго отца лжи, окаянии воздвигоша на тя в обители доблестнаго Корнилия. Обаче Господь, ведый избавляти и утешати преподобныя Своя, обрати студ на главу враг твоих: тебе же на широту изведе, и постави на пространстве нозе твои, Емуже принося жертву хвалы и благодарения, вопиял еси выну: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаша ближнии и дальний, от днепровских до волжских стран о богоугодном житии твоем, твоих подвигов и терпении мнозем: град же Москва, в пришествие твое с Серапионом и Уаром, чудящися прия проречение, егда рекл еси непорочной, яко агнице сущей Анастасии: «Ты еси розга прекрасная, венцем царским будеши благоукрашена». Еже и сбьется во время свое. Хваляще Бога, давшаго ти дар прозрения, вопием: Радуйся, духа пророчества богомудренным житием стажавый; радуйся, благодатию душу свою ожививый и чистотою возвысивый ю. Радуйся, сбьтием пророчества обрадовавший царство православное; радуйся, яко рукою благочестивой Анастасии утрошася слезы многих. Радуйся, яко царица сущи, державцу Русския земли славу во благочестном жительстве приумножи; радуйся, яко отложив во успении венец тленный, сподобился еси прияти венец славы нескончаемая.

Радуйся, яко и мнозем женам, сущим в болезни и скорбех, помощь и утешение подавал еси; радуйся, яко и немощнии младенцы не отщетишася от твоея помощи, но цельбу и возраста преспеяние от святых раки твоея получиша.

Радуйся, яко и всем притекающим ко гробу твоему скорый являешия помощник.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

КОНДАК 5

Боготечной уподобився звезде, притекл еси от юга во страны севера: и лучами добродетелей твоих озарив пустыню любимоградскую, научал еси, отче, исповедатися Богу Небесному и пети Имени Его, зовуще: Аллилуиа.

Икос 5

Видя благодать яже в тебе и дар Святаго Духа, царь Иоанн изволи, да и чада его твоею рукою, преподобие, обновляются в пакибытие. Мы же, славяще Бога, возносящаго смиренных сердцем и венчающаго их милостию и щедротами, взываем:

Радуйся, Геннадие, яко старцы послушаша тя, и мудрии в совет твой внидоша; радуйся, яко и пред цари глаголал еси о судьбах и оправданиях Господних.

Радуйся, яко слово твое бысть выну во благодати, солию растворенно; радуйся, яко николиже слово праздно и гнило изыде из уст твоих, паче же вся бяху к назиданию верных.

Радуйся, яко был еси сосуд в честь, освящен, благопотребен Владыце; радуйся, яко соблюл еси таинство веры в чистой совести.

Радуйся, яко пребыл еси во истине благовествования; радуйся, яко Ангелу благовестнику уподобился еси, предрек славу Анастасии, о нейже возвеселишася богатии и убозии.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

КОНДАК 6

Пустынножительствовавый на Свире реце преподобный Александр, радостно прият тя со другом твоим Феодором, и прозорливец сый, предпоказа в тебе благаго и мудраго иночествующим вождя и наставника. Слышавший таковая проречения, прославиша Господа, глаголюще: Аллилуиа.

Икос 6

Возсия, яко звезда утренняя, и яко луна полна во днех своих, слава подвигов, труждения и терпения твоего: пустыня бо возвести о тебе и добродетели твоя окрест живущим поведает. Сего ради якоже они, такожде и мы, благодаряще Бога, вопием ти:

Радуйся, презревший славу мира, ища Божия славы; радуйся, сбытие пророчества, еже о тебе, добре показавый. Радуйся, явивыйся присный ревнователь преподобным Александру и Корнилию; радуйся, среди житейских обуреваний тихое пристанище.

Радуйся, пустыню и озеро освятивый ангелоподобным жительством твоим; радуйся, положивый основание твердо обители твоей, и молитвами твоими оградивый ю. Радуйся, образ честнаго жительства иноком собою давший; радуйся, словом и делом наказавый буя и строптивыя. Радуйся, заблудших наставниче, и всех притекающих к тебе скорый в бедах помощниче.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 7

Прославити хотя пустыню непроходную и просветити сидящая во тьме и сени смертной, всеблагий Бог, державным манием Василия Иоанновича укажет ти место, да созиждеша алтарь Богови и селение исповедающим Имя святое Его. Ты же, Господу споспешествуя, сия соделав, с сонмом подвижников и со всеми, иже видеша благословение на делех рук твоих, воспел еси: Аллилуиа.

Икос 7

Новый и дивный злочестия обличитель явился еси, преподобие, егда святотатственную простершаго ко алтарю руку, расслаблением наказал еси: егда же исповеда грех свой пред тобою, и в раскаяние прииде, того благодатною силою исцелил еси, и на путь спасения наставил еси. Сего ради память твою, угодниче Божий, чествуяще, зовем ти сице:

Радуйся, злочестия обличителю; радуйся, кающихся во гресех своих утешителю.

Радуйся, заблудших наставниче; радуйся, молитвами твоими подавая исцеление телесное вкупе же и душевное. Радуйся, заступничеством твоим низлагая демонския возстания; радуйся, благодатию, яже в тебе, подавая силы к животу и благочестию.

Радуйся, слыше данную ти премудростию умудряя неразумныя; радуйся, яко всем притекающим к тебе с верою, присно подаеши утешение и радование.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 8

Странное чудо явися, егда немощетвующий болярин Борис, прияв с благоговением посох от руки твоя, преподобие, здрав бысть. Иерей же Василий, гордостно презрев приятый от преподобного дар, и поверг оный, тяжко искушен бысть. Познав же грех свой, и принеши покаяние Богу, прослави правду Его, и угодника Его, вопия: Аллилуиа.

Икос 8

Весь ум вперив в горняя, единого, искупльшаго нас Господа возлюбил еси, Тому последовал еси и Того язвы на теле своем носил еси, с Нимже и прославляешия днесь.

Сего ради восхваляем тя:

Радуйся, обретеный премудрость, юже никтоже от князей века сего разуме; радуйся, не духа мира сего приявый, но духа, иже от Бога.

Радуйся, верою уразумеваемый тайны судеб Божиих; радуйся, показавый веру твою не в мудрости человечесстей, но в силе Божией.

Радуйся, яко Града Небеснаго взыскал еси; радуйся, яко к Иерусалиму Небесному востекл еси.

Радуйся, яко на вечерю брака Агнча зван еси; радуйся, не к тому себе пожив, но Богови, днесь во Царствии Его вселяешися.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 9

Всякими духовными дарованиями украшен, всякия цельбы податель явился еси, блаженне. Темже хваляще и благодаряще Бога, вопием: Аллилуиа.

Икос 9

Витии немолствоваху, и мудрии века сего изумевяхуся, видяще, како бесный, люте страждай, и пугы железными связан сый, пред гробом твоим, преподобие, абие исцеле и воздаде хвалу Богови, дивному во святых Своих. Таяжде творяще, и мы глаголем:

Радуйся, силы многи сотворивый; радуйся, демонския со противувостания ни во что же вменивый.

Радуйся, обдержимых лютыми недугами уврачевавый; радуйся, безутешным утешение и радость о Господе подавый.

Радуйся, омраченных умом в разум истины приведый; радуйся, от сердечного окаменения и нечестия многих об ративый к Богу.

Радуйся, яко немощствующим духом и телом простерл еси руку помощи; радуйся, яко безнадежных и отчаянных сущих утвердил еси во уповании на Бога жива и истинна.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 10

Спасения некий, яко бисера многоценнаго, и к Богу душою возжадав, якоже елень на источники водные, ничтоже земное в себе помышлял еси: работая же Господу со страхом и радуясь пред Ним с трепетом, сподобился еси, блаженне, с лики избранных предстояти престолу Царя Славы, и присно воспевати: Аллилуиа.

Икос 10

Стена и прибежище был еси, Геннадие, в веде сем: в пустыню бо, в ней же восхотел еси водворитися, к тебе притекаху славнии земли, богатии и убози, вожделевающе, да примут от руки твоея благословение, да слово уст твоих утешит, и молитва твоя оградит их от враг видимых и невидимых: и мы такожде, притекающе верою к раде твоей, и моляще о затуплении нас грешных и неключимых раб, вопием:

Радуйся, яко страстей возстание победил еси; радуйся, яко призывающих тя предварил еси в день озлобления. Радуйся, яко потопляемых напастей бурю, исхитил еси из пучины зол; радуйся, яко влаемых волнами житейских попечений, к тихому пристанищу управил еси.

Радуйся, ищущих Царствия Небеснаго и правды его, молитвами твоими утверждаяй на камени заповедей Господних; радуйся, обители твоея столпе и утверждение. Радуйся, подвизающихся во благочестии неусыпный

спомощниче; радуйся, покаянныя слезы проливающих ко Господу сомолитвенниче.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 11

Пение и славословия, подвиги и молитвенныя труждения, паче же всего

себе принеся еси, преподобие, в жертву живу, святу, благоугодну Богови. Сего ради, стяжав блаженное безсмертие, в чертоге Царя Славы, с тьмами тем безплотных сил ликовствуя, воспевавши: Аллилуиа.

Икос 11

Светозарной звезде уподобився, от Могилева града, от предел днепровских, аможе первии возеяша, посреди идоль скаго нечестия, лучи благодатныя веры, притекл еси, да и во мраце пустыни костромския узрят людие славу Божию, и чудеса Его поведят. Сия убо зрим ныне, и славяще Бога, глаголем:

Радуйся, напоивый себе струями вод благодатных; радуйся, утвердивый себе в вере, еуже просветися равноапостольный великий князь

Владимир.

Радуйся, осиянный благословением святых Афонския горы, почивающим на обители Антония и Феодосия, Печерских чудотворцев; радуйся, их житию подражавый.

Радуйся, яко оставль богатство и славу дома отчаго, пустыню возлюбил еси; радуйся, яко хлад и зной и всяку тяготу понесл еси.

Радуйся, яко поругания и озлобления, Господа ради, претерпел еси; радуйся, яко в терпении мнозе стяжав душу свою, живот вечный наследовал еси.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 12

Благодать и силу, данную ти от Бога, еже целити немощствующия духом, немощствующия телом, еже спасти погибающих и избавляти от лютых обстояний, даяти же даяния благая, с верою и любовию притекающим к тебе: знаменьми и чудесы научени суще, свемы. Темже молимся ти, преподобие: молися о нас, яко скорбьми, паче же многими грехми обдержими есмы выну, да ходатайством твоим уллучивше спасение, воспоем Господеви: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще и превозносяще Бога, дивнаго во святых Своих, благолепно чествуем святую память твою, угодниче: еще во днех плоти твояе чудодейственный благодати был еси причастник: по блаженном успении твоём наследствуя с лики святых вечную жизнь, молиши о чтущих тя.

Сего ради вопием:

Радуйся, прославивый Бога в душе и телеси своем; радуйся, яко славы от человек не приял еси, слава же Господня осия тя.

Радуйся, яко обитая в небесных селениях, не оставлявши нас ходатайством и заступничеством твоим; радуйся, яко надеющися на тя, возсылаем молитвы наши и тобою хвалимся.

Радуйся, яко надежда, притекающих к раце твоей с верою, николиже посрамися; радуйся, яко старцы и младенцы возрадовашася о тебе.

Радуйся, яко присный хранитель еси любимоградския страны, сподобльшиися хранить святяя мощи твоя; радуйся, яко память твоя во благословении и чудеса твоя возвещаются в роды родов.

Радуйся Геннадие, теплый наш к Богу молитвенниче и чудотворче.

Кондак 13

О святче Божий и чудотворче, преподобие Геннадие! Приими молитвы и благохваления наша, приносимыя тебе днесь по достоянию, и не забуди нас, притекающих к тебе, и ищущих помощи твоея и заступления. Паче же буди ходатай наш пред Богом: да отбегше нечестия и избавльшеся от всякаго злато обстояния, сподобимся наследити Царство Небесное и тамо, с лики святых, славити Отца и Сына и Святаго Духа, и во вся веки воспевати пред Ним: Аллилуиа.

Сей кондак чтется трижды. И паки чтутся икос 1 и кондак 1.

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ ГЕННАДИЮ, КОСТРОМСКОМУ И ЛЮБИМОГРАДСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ

Избранниче Божий и чудотворче, преподобный отче Геннадие! От юности твоей исполнен сый духа премудрости и разума, духа благочестия и страха Господня, и приим вся оружия Божия, препоясав чресла твоя истинною, оболкся в броня правды и обув нозе во уготование благовествования мира, над всеми же восприим щит веры, возмогл еси, яко добр воин Христов, вся стрелы лукаваго разжженныя угасити. Сего ради, водворяйся днесь, с ликами безплотных сил, в обителех Отца Небеснаго, неувядаемым венцем увязен еси: и предстоя престолу Царя славы Господа сил, имаши дерзновение возносити к Нему моления и благохваления твоя. Мы же окаяннии, возводяще из глубины зол очи и сердца наша к горнему Сиону, жилищу Бога Иаковля, молим тя, преподобне Геннадие: буди заступником и ходатаем нашим пред Богом и

Господем нашим, Судиею праведнейшим, Егоже выну прогневаем, согрешающе пред Ним. И якоже во дни плоти своя дивная и преславная совершил еси, отче всехвальне, тако и ныне, прешед от нас в обители Отца Небеснаго, удиви ходатайством своим милость Господню на нас. Да, отбегше нечестия и мирских похотей, Богови же благоугодивше, обрящем помощь Его во время благопотребно, и благословение на ны и на дела рук наших, и да сподобит нас наследити Царство Небесное и с лики святых славити и воспевати пречестное и великолепое имя Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков!

Аминь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЮБИМСКИЙ МОНАСТЫРЬ	СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ	ГЕННАДИЕВ	7
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ЛЮБИМОГРАДСКОГО	ГЕННАДИЯ	КОСТРОМСКОГО И	7
ПОВЕСТЬ ОБ ОБРЕТЕНИИ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО	ГЕННАДИЯ		11
ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ			13
ПРЕДСКАЗАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ			13
ЧУДЕСА, СЛУЧИВШИЕСЯ ПРИ ЖИЗНИ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ			13
ЧУДЕСА И ИСЦЕЛЕНИЯ ОТ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ			13
ИСТОРИЯ ЛЮБИМСКОГО ГЕННАДИЕВА МОНАСТЫРЯ	СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО		22
ПРЕПОДОБНЫЙ КОРНИЛИЙ КОМЕЛЬСКИЙ			22
УСТАВ ПРЕПОДОБНОГО КОРНИЛИЯ			27
ПУСТЫНЬ ИЛИ МОНАСТЫРЬ?			32
ВРЕМЯ ОСНОВАНИЯ			39
ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕННАДИЙ И ЕГО ОБИТЕЛЬ			46
ЦАРСКИЕ ГРАМОТЫ ПУСТЫНИ			49
МОНАСТЫРСКАЯ ВОТЧИНА			60
ИТОГ ЗЕМНЫХ ТРУДОВ			68

ДУХОВНЫЙ ЗАВЕТ ПРЕПОДОБНОГО ГЕННАДИЯ	77
ПОУЧЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АВВЫ ГЕННАДИЯ КО БРАТИИ И КО ВСЕМ ЛЮДЯМ	77
НАСТАВЛЕНИЕ СВЯТОГО СТАРЦА ГЕННАДИЯ, ПРЕДЛОЖЕННОЕ НОВОНАЧАЛЬНОМУ ИНОКУ	79
ИСТОРИЯ В КАМНЕ	82
СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР	90
ПРИСТРОЙКИ К СОБОРУ	99
ГЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ СПАСО-ГЕННАДИЕВА МОНАСТЫРЯ	107
ВЫСОКИЕ ПОСЕЩЕНИЯ	113
АЛЕКСЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ	119
МОНАСТЫРСКАЯ КОЛОКОЛЬНЯ	129
ДРУГИЕ СТРОЕНИЯ МОНАСТЫРЯ	138
МОНАСТЫРСКАЯ ОГРАДА	139
КЕЛЬИ И ТРАПЕЗНАЯ	143
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СТРОЕНИЯ	146
МОНАСТЫРЬ В XX-XXI СТОЛЕТИЯХ	149
ПРИЛОЖЕНИЯ	158
НАСТОЯТЕЛИ СПАСО-ГЕННАДИЕВА МОНАСТЫРЯ	158
КРЕСТНЫЕ ХОДЫ И БОГОМОЛЬЕ	162
КРАТКИЙ МЕСЯЦЕСЛОВ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ГЕННАДИЕВА МОНАСТЫРЯ	163
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	163
АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ ГЕННАДИЮ, КОСТРОМСКОМУ И ЛЮБИМОГРАДСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ	166
МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ ГЕННАДИЮ, КОСТРОМСКОМУ И ЛЮБИМОГРАДСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ	174
Оглавление	175

**ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ
ПРОДОЛЖАЮТСЯ -
БРАТИЯ МОНАСТЫРЯ
С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ПРИМЕТ
ПОСИЛЬНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ**

ПОЛУЧАТЕЛЬ

**Местная
религиозная организация епархиальный монастырь
«Спасо-Преображенский
Геннадиев мужской монастырь»
Ярославской епархии
Русской Православной Церкви**

АДРЕС

**152491 Ярославская обл., Любимский р-н, д. Слобода
Тел: + 7 901 195-33-35**

ИНН 7618002067

КПП 761801001

ОКПО 39189025

ОКАТО 78218835019

Р/сч 40703810177050102025

в Северном банке Сбербанка РФ, г. Ярославль.

БИК 047888670.

Кор/сч 30101810500000000670

**Научно-популярное
издание**

**ЛЮБИМСКИЙ
СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
ГЕННАДИЕВ МОНАСТЫРЬ**

Серия «Земля Ярославская»

Редакторы:
игумен Вениамин (Райников),
А. Новожилова
Корректор А. Новожилова
Дизайнер М. Руданов

Подписано к печати 15.06.2010. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Charter. Уел. печ. л. 14,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 934.

AR

Издатель Александр Рутман
150063 Ярославль, ул. Труфанова, 25-4-89
тел. (4852) 53-16-29
e-mail: arutman@yandex.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

УДК 271.2-788-055.1-9 ББК 86.372-6 Л 93

Издание осуществлено при поддержке

С. В. Ржевского

Консультант

протоиерей, кандидат богословия, доктор философии, профессор

D. А. Марченко

В книге использованы

фотографии, документы и материалы из фондов:

Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), Государственного научно-исследовательского музея архитектуры (ГНИМА), Государственных Исторического (ГИМ) и Русского (ГРМ) музеев, Государственных архивов Ярославской (ГАЯО) и Костромской (ГАКО) областей, Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ЯМЗ), комитета историко-культурного наследия департамента культуры правительства Ярославской области (КИКН) и современные фотографии из архивов Ярославской епархии и А. В. Ржевского

Рутман, Мария Д.

Л 93 Любимский Спасо-Преображенский Геннадиев монастырь / [авт. текста Мария и Александр Рутман]. - Ярославль: Изд. А. Рутман, 2010. - 224с. - (Серия «Земля Ярославская»). - Авт. указаны на обороте тит. л. - ISBN 978-5-91038-033-6.- ISBN 978-5-900962-57-1 (серия).

I. Рутман, Александр М.

В книге рассказывается о почти полутысячелетней истории обители от устройства преподобным Корнилием Комельским пустыни в Костромском Заволжье, на берегу Сурского озера, близ слияния рек Костромы и Обноры, о становлении монастыря трудами его первого настоятеля преподобного Геннадия Костромского и Любимоградского, об истории каменных храмов и владений обители, о ее возрождении в новой России. Впервые привлечены подлинные документы монастыря, до сих пор остающиеся не изученными в российских хранилищах.

Издание адресовано не только ярославским и костромским краеведам, но широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей страны.

УДК 271.2-788-055.1-9 ББК 86.372-6

ISBN 978-5-91038-033-6 ISBN
978-5-900962-57-1 (серия)

© М. Рутман, А. Рутман, 2010, текст
© М. Руданов, 2010, оформление ©
А. Рутман, 2010, издатель